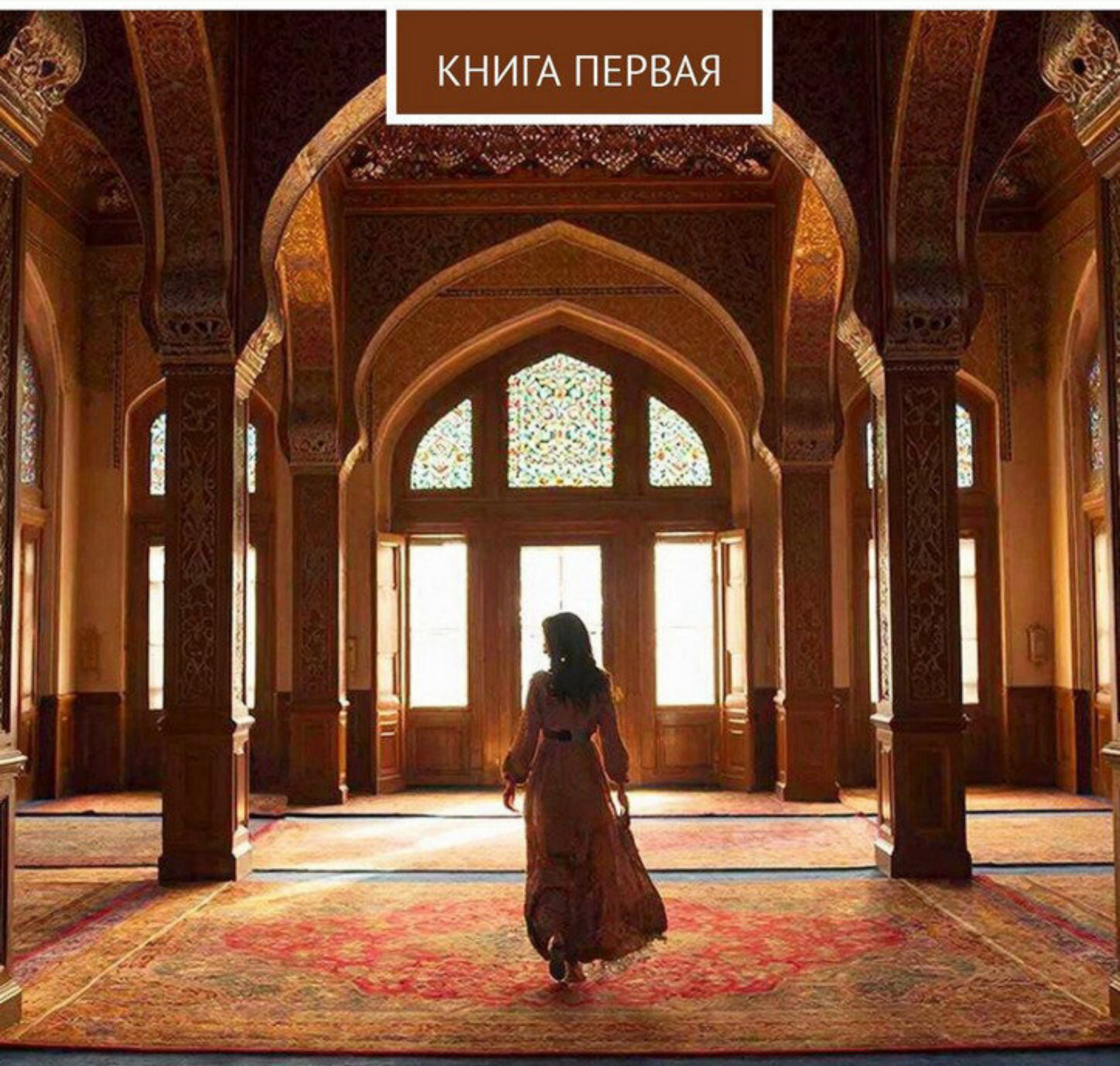

18+

АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ
САФОНОВ

Османская аристократка. Путь к мудрости

КНИГА ПЕРВАЯ

Андрей Сафонов

**Османская аристократка.
Путь к мудрости. Книга первая**

«Издательские решения»

Сафонов А. В.

Османская аристократка. Путь к мудрости. Книга первая /
А. В. Сафонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-687714-6

Стамбул. 1690 год. Спасение турецкого султана от кинжала предателя открывает перед главной героиней — Акджан — двери восточного дворца, полного заговоров, интриг, козней и, конечно, любви. Дворец для девушки — это школа жизни, что вывернет наизнанку спектр психологических проблем, которые ей уготовано разрешить. Перед Акджан стоит дилемма: либо она поплывет по течению, либо сделает все, чтобы мир зауважал ее. Для последнего предстоит скрупулезно работать над собой.

ISBN 978-5-00-687714-6

© Сафонов А. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
1 глава	7
2 глава	17
3 глава	26
4 глава	34
5 глава	43
6 глава	51
7 глава	59
8 глава	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Османская аристократка. Путь к мудрости

Книга первая

Андрей Владиславович Сафонов

Иллюстрации Нейросеть: <https://www.sberbank.ru/ru/person/kandinsky>

© Андрей Владиславович Сафонов, 2025

ISBN 978-5-0068-7714-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Наполнение сюжета частично опирается на реальные исторические факты (развитие культуры, искусства, некоторые исторические деятели условленного периода времени). В большей степени все персонажи и повествование – художественный вымысел. Персонажей и события в подавляющей части нельзя привязать к реальным историческим фактам. Историческая эпоха в этой работе – лишь основа, на которую опирается весь остальной вымысел.

Посвящается всем ценителям атмосферы сериалов «Великолепный век» и «Империя Кёсем».

1 глава

С самого раннего утра под куполами мечети Айя София разглашался призыв к молитве. Имамы Хасан Аскари и его соратник Али Талиб готовились к всеобщей службе. Чалмы, тюбетейки и тюрбаны с каждой последующей секундой становились все кучнее и кучнее, того и гляди перекрыв солнечный свет, едва проскальзывавший через двери в залы здания – толпился народ. Пришли помолиться верующие. Но обыденной молитвы недостаточно. За ниспосланную Всевышним благодать впору не просто молиться, а взывать к Аллаху с почестями и безмятежной благодарностью. Падишах одержал великую, долгожданную победу, раз и навсегда разрешив вопрос, который потом, кровью, слезами и десятками сотен жизней пытались разрешить предки султана. Политические распри остались в прошлом. Люди освободились от страха, точно от кандалов, сковывавших и причиняющих страдания. Шах Персии повержен, низложен как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Государство освободилось от вопиющего тиранического гнета. В воздухе больше не пахло кровью и порохом. Теперь всюду в Стамбуле благоухают розы и тюльпаны, а теплый летний ветерок разносит по улицам сладкий пряный аромат разгоревшегося ладана. Тот же ладан уже ощущался и здесь, под куполами Айя-Софии.

– А Падишах не придет? – выискивая глазами облик султана, засуетился один из шейхов, «пододвигаемый» к центру мечети толпой.

– Придет, – отвечал ему пожилой мужчина, – как не прийти по такому случаю? Падишаха все и ждут.

Здесь и взрослые, и подростки, и даже младенцы, сотрясавшие своим невинным плачем строгую атмосферу мечети. Служба по случаю победы воспринималась не просто пятничной молитвой, учитывая, что сегодня была пятница. Так люди решили выразить Падишаху свою благодарность. Именно поэтому в мечеть пожаловали и мужчины, и женщины: женщинам по сложившимся обычаям не положено было посещать мечети, однако сегодня сей запрет меркнул пред триумфом, навеянным победой армии султана.

– Мама, я не хочу ее надевать, мне в ней жарко, – всхлипывал детский девчачий голос среди толпы.

– Ну, доченька, мы пришли на службу в мечеть, пришли к нашему Господу – Аллаху. Надо надеть паранджу. Смотри, я тоже надела. Давай, – сказала ей мать.

– О, Аллах, неужто мы теперь вздохнем с облегчением? – слышалось из непроторенной скученности.

Небывалое количество народу шагнуло сегодня в здание Айя-Софии: казалось, даже дышать трудно было.

Не сложилось, чтобы Падишаха, всех его пашей² и свиту торжественно приветствовали и склоняли головы, завидев их, подобно тому, как султанов чествуют в их дворцах и гаремах. Мечеть – это такое особое сакральное место, где можно обратиться с мольбами к Аллаху, поговорить со Всевышним, в конце концов. Ибо, как гласит шариат: «Падишах – тень Аллаха на Земле». Все равны перед мощью и силой Всевышнего, даже султан.

Вот еще показалось две женщины, скромно и учтиво переступивших порог исламской святыни: как и подобает, обе в парандже, в платье до самых пят, с покрытой головой и с убранными волосами. Иначе и быть не может. Законы, по которым жили мусульмане в Османской империи семнадцатого века писаны были не вчера, и не в прошлом году, – это целая история, уходящая корнями в позолоченные купола мечетей Мекки и Медины, в строгие геометрические формы Каабы³, да в священные тексты сур⁴ Корана.

Одна из женщин была чуть выше, а другая чуть ниже ростом друг относительно друга. Их скромность и почтительность считывались на медленном перешагивании, на строгости в одежде и на молчаливости.

– Ты когда-нибудь видела султана, мама? – тихонько, вкрадчивым шепотом сказала девушка ниже ростом.

– Нет, Акджан, не видела, – ответила ей высокая, мать, – а почему спрашиваешь?

– Говорят, султан Абдулла сегодня придет в мечеть.

Мать покивала головой.

Стамбул. 1690 год.

Кое-что об османских дворцах и гаремах европейские послы знали и слышали при личном или опосредованном общении с Падишахом, а кое-что им посчастливилось лицезреть лично, имея честь присутствовать на заседании Дивана⁵. Но, конечно, сам дворец султанский, и уж особенно его сердце – гарем – практически всегда ускользали от пытливых глаз и умов европейских историков, архитекторов и энциклопедистов: уж больно сакральное было это место – гарем. Кто-то из личного любопытства выдумывал на ходу предлоги, лишь бы очутиться на мгновение в стенах гарема, где благоухающий ладан так и опутывал с ног до головы, а кто-то предлагал визирям⁶ неслыханные даже для купцов взятки, – но бесполезно. Слишком личным, недоступным и потаенным было это место, гарем. Сюда даже вход был строго очерчен: никогда турецким чиновникам ни под каким предлогом не разрешалось входить в гарем. Это место предназначалось для семьи турецкого султана: для него самого, для его жен, наложниц, евнухов⁷, рабынь, прислуги, калф⁸ и хазнедар⁹. Именно ввиду всех этих и сопутствующих причин о гареме по-прежнему остается так мало доподлинной известных сведений.

Однажды венецианскому послу в силу доверительных отношений с султаном Абдуллой повезло оказаться в коридоре дворца Топкапы, который соединял двор внешний с двором внутренним, открывающим просторы на веранду, где проживала женская половина дворца. Не совладав с собственными чувствами и соблазном посол проник в гарем. Но несчастного моментально настигла расплата: посмотреть собственными глазами на гарем, вдохнуть его мистическую и сакральную атмосферу стоило венецианцу практически жизни. Мать правящего султана, – Валиде¹⁰ Нериман-султан – столкнувшись с мужчиной нос к носу, приказала черным евнухам выкинуть посла в прачечную, запереть его под ключ, и заморить голодом. Но венецианец был крепок и силен, поскольку голод его не взял. И тогда Валиде-султан, устав ждать, пока провинившегося сразит голод, приказала вылить кипящий воск сначала один, а потом в другой глаз несчастному послу, чтобы другим неповадно было. Так посол рассчитался с гаремом за возможность изучить его позолоченные канделябры и голосистые напевы тысячи наложниц. Если, конечно, это можно было назвать изучением. Досталось тогда не только послу. Если ослепленного синьора Лудовико в последующие годы никто не видел, даже сам Падишах, то первая наложница султана – Бейхан-султан – стала навеки пленницей золотой клетки, что зовется гаремом. Со стороны было невозможно даже предположить, что у такой сильной, высокой, роскошной от природы женщины кроется такой глубокий шрам, что с ним ей придется жить рука об руку до самой смерти. А все потому, что Бейхан-султан всегда отличалась отзывчивым и притягательным нравом: с ней хотелось разговаривать, и совершенно неважно, о чем, достаточно просто пересечься, чтобы зарядиться энергией на весь оставшийся день. Гарем, и его гроза (как называли тогда мать султана) рассчитались с молодой султаншей за ее красноречивую речь и певческий голос самым драгоценным. Когда Валиде Нериман-султан доложили, что ее невестка разболтала на базаре в городе о гареме, о том, насколько это воистину неповторимое и великолепное место, Нериман-султан приказала отрезать язык девушке. А когда ее спросили неравнодушные наложницы из гарема, зачем было проносить кровоточа-

щий язык несчастной султанши через веранду, Валиде-султан все также и ответила: «Чтобы другим неповадно было».

Позади уже четыре весны, а несчастная Бейхан-султан все также, как и раньше, взяв за руку четырехлетнего шехзаде Хакана, своего сына, приходит во дворцовый сад каждую весну. Под задорное щебетание птиц и дуновение теплого весеннего ветра госпожа вспоминает, как здесь, на этом самом месте, она дарила всем удовольствие: на ее струящийся и сладкий голос сходились и наложницы, и слуги, и даже повар Дамир-ага. Вспоминает это, и плачет...

Сегодня же дворец кипел подобно казану. Во дворцовом саду накрывали столы, подавая самые искусные яства. К столам услужливые евнухи и рабыни подносили атласные подушки, а в топчан¹¹ Валиде-султан уже поставили керамическую вазу, наполненную цветами: алые, словно щеки смущенных наложниц, розы; оранжевые, будто блеск янтаря, тюльпаны, и пурпурные, точно родолит, гиацинты.

Внутри же, во дворце, в самом его сердце – гареме – главный евнух Муслим-ага старательно преподносил наложница уроки восточного танца. Восток – дело тонкое, которое по определению не терпит альтернатив. Посему, даже тем же танцам здесь придавалось значение на вес золота. Чтобы удовлетворить Падишаха, нужно было научиться ловко балансировать: умело скрывать недостатки и ярко подчеркивать достоинства. Для этого, собственно, евнух и хлопотал посреди дворика с наложницами.

– Нет, нет, нет, нет, заново, – тараторил смуглый Муслим-ага, сопровождая речь характерным жестом указательным и большим пальцами, – дерево ты, или человек? Давай еще раз.

Пухленькая рабыня моргнула в знак согласия, расправила плечи и принялась исправлять свои ошибки.

Была у Муслима-аги помощница и палочка-выручалочка на случай непредвиденных ситуаций. И едва завидев свою помощницу, грех было не обратиться к ней:

– Алтынджак-калфа, я пойду на кухню, узнаю, всего ли там хватает, ну, помощь нужна ли, а ты позанимайся с наложницами. Особенно с той, вон то-о-ой и-и-и... Тебя как зовут, а то все никак запомнить не могу?

– Бинур, Ага, – пропищала та самая пухленькая.

– Бин-у-ур, – ласково протянул Муслим-ага, – ну вот с этой пышечкой уж особенно будь внимательна.

– Не волнуйся, я поняла, – ответила помощница гаремного евнуха.

Алтынджак-калфа была обычной девушкой лет двадцати пяти, приятной на вид и располагающей к себе. Рабыни ее не просто уважали, а высоко ценили и любили.

– Слава Аллаху! Слава Аллаху! Слава Аллаху! – воспевали имя Всевышнего имамы Айя-Софии по случаю победы Падишаха.

Правда через некоторое время у входа в мечеть люди засуетились, а шейхи при помощи жестов попросили молящихся расступиться одних по правую, а других по левую сторону. То же самое сделала та девушка Акджан вместе со своей матушкой, но вот незадача: не усмотрев под ноги, молодая женщина ступила себе на подол абайи (женское мусульманское платье), отчего вуаль с лица девушки спала. Не успела она поправить сей изъян, как поймала на себе взгляд молодого человека: высокого, хорошенького, с острыми, и даже фактурными чертами лица. А белое одеяние невольно наводило на ассоциации с некой светлостью, чистотой, он точно ангел. Только улыбка была, скорее, не ангела, а змея-искусителя.

– Шейх Ирек мое имя, а ваше? – полушепотом произнес красавец, отодвигаясь все далее и далее от середины зала.

Наскоро вернув вуаль в первоначальное положение, в ту же самую сторону продолжала двигаться и Акджан. Она насколько можно ту же закрепила в волосах паранджу, и смутилась от осуждающего взгляда своей матушки.

– Что вы себе позволяете? – также осуждающе она ответила незнакомцу.

Нельзя не сказать, что заинтересованность ею первым незнакомцем, да еще и таким хорошеньким, не разожгла в Акджан пламя страсти. Девушка всегда знала себе цену, и понимала, что Всевышний не обделил ее ни манерами, ни станом, ни чарами. Кое с чем она была согласна по собственной воле и усмотрению, а кое-что приняла как данность со словами матушки, которая обожала единственную дочь.

«Но мечеть», – подумала про себя Акджан, прикрыв глаза, – «я не позволю придаваться мимолетным утехам в таком сокровенном месте. Никогда. Да и ничего не было».

Да, ее матушка подумывала о том, что дочь пора уже выдавать замуж, пусть их семья и не отличалась наличием позолоченных тарелок и хрустальных ваз.

«Благородный господин, если он действительно благороден, не будет смотреть, насколько набит наш карман» – всегда утверждала мать Акджан.

Однако мать предпочла бы выдать единственную дочь за того, кого сама сочтет достойным.

– Что происходит? Почему разошлись? – загалдели люди, перебивая пятнадцатую суру Корана, читаемую имамом.

– Падишаха встречаем, – отвечали им со стороны пожилые монахи.

– Мама, ты слышала? – с энтузиазмом отзывалась Акджан, услышав слова о Падишахе.

Твердая, словно алмаз походка, четкие и даже хлесткие шаги, уверенный, будто знающий здесь все вдоль и поперек, взгляд соединились в облике султана Абдуллы. Рукава его платья были настолько длинными, что волочились по блестящему мрамору пола Айя-Софии, а мех, под которым скрывался темно-зеленый кафтан, ярко иллюстрировал знатное происхождение султана. На тюрбане камушек сапфира, а рядом, как бы замыкаясь в арку, еще пять камушков, но уже топаза, на указательном пальце правой руки изумрудный перстень. И вся эта палитра драгоценных обработанных металлов мерцала в толще белого, такого тяжелого света, вхожего в мечеть сквозь арочные окна.

Позади султана показались лица поскромнее. Каждый, кто хоть немного был знаком с мусульманской культурой и каноном, отлично понимал, что Падишах без свиты, а уж тем более, без охраны не появляется на улицах города. Да и это не положено. Многие знают султана в лицо, но никто об этом не говорит: одни из-за отсутствия надобности, а другие просто боятся. Нельзя сказать, что нрав султана Абдуллы опутывал народ и гарем своими тяжеловесными оковами. Скорее, наоборот. Падишах в народе слыл порядочным, добродушным, справедливым. За ним даже закрепилось определение «султан-освободитель». И сейчас, после победы над персидским повелителем, который пять лет нагонял страху на Османскую империю и держал часть ее в вассальной зависимости, люди воистину считают своего Падишаха освободителем.

Свита султана была не так однородна, как могло показаться на первый взгляд: сначала за султаном шествовал визирь. Порой Падишахи так ценили своих чиновников, что по внешнему облику, по манерам, и, особенно, по одежде, было трудно отличить, а где здесь сам султан. Вот султан, или вот? Ах да, если господин ступает вслед другому господину, значит Падишах тот, кто впереди. Порой именно так люди находили отличия. Своего визиря Абдулла воистину высоко ценил. Немного съехавшая влево нижняя губа в результате врожденной травмы отнюдь не портила общее впечатление о нем. Гюрбюз-паша – так звали «второго Падишаха» при султанине Абдулле. Следом направлялось еще двое, по одежде явно уступавших визирю. Левый, невысокий, с бледным, словно облако, лицом, с впавшими щеками из-за худобы был личным телохранителем султана. А тот, что шел справа, выступал в качестве еще одного визиря султана. Мужчина двадцати восьми лет, чуть повыше телохранителя, покрепче и поплотнее его, напоминал арабского шейха: черная, густая, но одновременно с этим аккуратно постриженная борода, острый нос, пологий и невысокий лоб, который и без того был прикрыт чалмой.

Замыкали свиту султана двое стражников, которых выдавало бордовое одеяние и закрепленные за спинами ружья.

– Так вот он, какой, султан, – оценивающе прошептала мама Акджан.

И она, и ее дочь удовлетворили любопытство, поскольку уже не первый день мечтали о том, чтобы лично увидеть Падишаха, который правил империей пятый год. И совсем неважно, при каких обстоятельствах увидеть.

Пока имам заканчивал чтение шестнадцатой суры, среди толп молящихся можно было проследить закипавшие волнения. Причем, чем ближе к входу мечети, тем напыщеннее и напыщеннее разрастались волнения. Пока одни затыкали рот другим, ссылаясь на службу, другие, словно заведенные, продолжали размахивать руками поодаль, а именно взад. Султан, фактически «замыкая» толпу, приподнял голову и попытался рассмотреть, что происходит впереди. Центр зала мечети, словно котел, вскипел, и своим паром опутывал все новые и новые лица. Айя-София наполнилась звонким гулом, молитвенную службу имама уже никто не слушал, не говоря о собственных молитвах и посланиях Всевышнему. На место благодарности Аллаху пришли вопиющие перепалки и попытки кому-то что-то доказать. И только старенький, с белоснежной бородкой имам Селим-эфенди, стоя на мукаббуре (специальный балкончик, примощенный к стене мечети) осуждающим взглядом окутывал все то, что происходило внизу. Но ладно бы только это. В его глазах читалось не просто осуждение, а какая-то необъяснимая горечь, безысходность.

Голос имама Хасана Аскари заглох на кафедре на четвертом аяте семнадцатой суры.

– Что там такое? – пододвинувшись к Акджан, с опасением спросил тот же симпатичный незнакомец.

– Я знаю не больше вашего, шейх... – с неохотой ответила Акджан, которую, признаться, нарастающий гул тоже стал приводить в волнение.

– Ирек, – напомнил Акджан о своем имени шейх, решив, что она поэтому едва ли не «съела» окончание последнего слова.

Молодой мужчина ожидал в ответ внимания, по крайней мере, надеялся на него. Однако на неуместную назойливость шейха, о котором Акджан ничего не знала, она предпочла ответить закатыванием глаз. Ей действительно были не по душе подобные знакомства. Девушка чувствовала себя крайне неловко. Мать только и успевала, что осаждала то дочь, то этого красавца осуждающим взглядом. Вероятно, все ее лицо скривилось от невозможности терпеть подобное осквернение, да только этого невозможно было разглядеть сквозь вуаль.

– Господин Хасан, что происходит? – взволнованно обратился к имаму его соратник Али, помогая старцу спуститься с кафедры.

Отдав одной рукой помощнику массивный Коран, а другой рукой опершись на перила, имам вздохнул хрипящим голосом:

– Неверные проникли в мечеть. Сначала из-под палки уверовали в нашего Господа, а теперь вот так платят ему за ниспосланную милость. О-х-х...

– Какие неверные? – не понял Али Таиб.

– А взгляни на них, – пожилой имам кивнул головой на препиравшихся между собой людей, – ни почтения, ни благодарности Всевышнему. Аллах любит нас как отец своих детишек. А когда ребенок бунтует, бранится, ругается, какая же это любовь? Это абсурд.

– Достопочтенный имам, я не утратил веру, я предан до гроба Аллаху. Вот уже шестнадцатый год я служу верой и правдой Всевышнему, – нагнувшись ввиду высокого роста к Хасану Аскари, он вселил в своего духовного учителя надежду: не все еще потеряно.

– Нам нужно узнать, что там происходит, пойдемте, – отложив Коран в сторону, Али Талиб медленными шажками повел прихрамывавшего имама в очаг волнения.

– Али-бей, – развернулся к личному оруженосцу и хранителю султан Абдулла.
– Слушаю, повелитель, – низко и учтиво преклонил голову тут.
– Прекратили читать молитву, люди обеспокоены, надо узнать, что происходит.
– Сию минуту, повелитель, – беспрекословно отреагировал на просьбу своего Падишаха телохранитель Али-бей.

В покоях Валиде-султан было сегодня людно. В первую очередь, это члены правящей семьи: мать султана Абдуллы Валиде Нериман-султан, ее любимая невестка и по совместительству также любимая фаворитка Падишаха Гюзель-султан, ее семилетний сын шехзаде Коркут, а также несчастная Бейхан-султан со своим сыном. На самом деле в жизни с течением времени начинаешь привыкать абсолютно ко всему. То же произошло и с Бейхан-султан: девушка избрала путь покорности, просто-напросто смирившись с невосполнимой утратой. Да, она больше никогда не запоеет, никогда не закричит, никогда не сможет отозваться на возгласы шехзаде Хакана, который будет кликать свою маму. И поначалу попросту не хотелось верить, что это случилось именно с ней, и что Аллах подобное вообще допустил. Однако, как белое каление рано или поздно остывает, так и огонь в душе человека в назначенный срок перестает гореть в надежде захватить своими языками все на своем пути.

Правящая семья султана никогда не обходилась без прислуги. Здесь и главная хазнедар гарема – Муфида-хатун, и личные служанки и слуги султанш.

Но, пожалуй, особое место в стенах этих роскошных, шелком отливаемых и ладаном благоухающих покоях было сегодня отведено женщине-хафизу (чтице Корана). Она расположилась на пышной, выделанной шелками подушке. Перед ней, в свою очередь, разместились деревянная подставка, на которой был уставлен Коран. Женщина воспевала имя Всевышнего. И не просто воспевала: ее пронзительный голос, казалось, доносился мощной вибрацией до каждого канделябра и каждой вазы, размещенной в опочивальне Валиде-султан, отлетая от них и сосредотачиваясь где-то в середине. Пропитываясь всепоглощающей энергетикой столь тяжелого голоса, невозможно было с равнодушием усидеть на одном месте. И если подобный эффект во время молитвы действительно ощущался султанской семьей, значит, они на верном пути. Именно поэтому общая молитва по-разному отразилась на каждом из присутствовавших в комнате: одна из рабынь даже всплакнула, постоянно пятясь вбок и поправляя платок на голове. Так она избегала смущения и осуждающих взглядов. Валиде Нериман-султан относилась к молитве сугубо как к ритуалу: укутавшись светло-каштановым платком в тон платья, она, прикрывшая такие тяжелые от количества нанесенной туши, глаза, повторяла священные слова. Аналогичное повторяла за султаншей и ее невестка – Гюзель-султан.

На тахту к Нериман-султан подседа пожилая женщина, оправляя платок. Женщина была в возрасте, передвигалась, соответственно, плавно и степенно. Ее грубоватый и низкий голос мог отпугнуть, на первый взгляд, однако мать Падишаха очень любила ее.

– Валиде-султан, извините, пожалуйста, с Шафак-султан ничего не случилось? Я вот смотрю, и не вижу здесь госпожи, – обратилась она к матери султана. Шепотом, дабы не привлечь к себе внимания и не нарушать молитвенный строй.

– Ой, Муфида, что-то приболела моя птичка. С самого утра из покоев не выходит. И полгода после свадьбы с Гюрбюзом-пашой не прошло, а она увядает, как роза в саду. Ну-у... Я отправила к ней свою служанку, чтобы побыла рядом. Да, я думаю, все будет хорошо, – ответила с ноткой горечи в голосе Нериман-султан главной хазнедар.

– Поняла, госпожа.

Хазнедар – особая должность, которая требует от ее носителя терпения и полной самоотдачи, поскольку напрямую связана с финансами и учетными записями гарема, которые постоянно необходимо фиксировать и отдавать под печать Валиде-султан.

Если сначала, зайдя в мечеть, можно было подумать, что люди просто галдят, что-то очень активно обсуждая или решая какой-то коллективный вопрос, то теперь же невинный гул плавно перерос в панику. И эта паника пугала с каждой следующей секундой все сильнее.

– Вы знаете, кто в мечети стоит тут молится вместе с Вами? – возмутительно прокричал в солидном возрасте один из молящихся, как бы обращаясь ко всем вокруг себя.

– Ну и кто тут молится, м? Все пришли на общую молитву, по случаю победы Падишаха, а вы нас и перед султаном позорите, и перед Всевышним! – ответили ему с не меньшим возмущением и досадой.

– Да неверные среди нас, неверные! – едва ли не надрываясь, защищал свою точку зрения старец.

– Какие неверные? Кто ты? – непонимающе закивали головой остальные.

– Да я глазами своими собственными видел, как двое тут пробежали в центр мечети, один толкнул меня, поэтому и начался весь этот беспорядок, – объяснил, наконец, в чем дело, пожилой мужчина.

– Что, что?, – выкатили все остальные вперед глаза, – забежали в мечеть? Ты понял, кто это был, отец?

– Сами смотрите, вон, упало.

Пожилой мужчина протянул вперед руку, разжал пальцы. То, что увидели у него в ладони остальные, повергло в шок людей, и разожгло еще большую панику.

– Люди Папы среди нас! – воскликнул один из молодых парней, уставившись в маленький позолоченный крестик, впившийся в морщинистую ладонь, – надо срочно предупредить повелителя. Мы пойдем к повелителю, а вы, – он обратился к другим, совершенно незнакомым ему людям, которые стояли на расстоянии вытянутой руки, – найдите тут имама и скажите, что всем немедленно нужно покинуть мечеть. Мне надо пробраться к повелителю.

Али-бей, как и во дворце, так и вне дворца всегда занимал отведенное ему место и в соответствии с отведенными ему обязанностями – стоял на страже жизни Падишаха. Обернулся налево – здесь галдит народ, направо – картина похожая. Вдруг по его плечу кто-то хлестко шлепнул. Телохранитель ухватился за рукоять сабли, чтобы вынуть ее из ножен, но тотчас отказался от данной затеи, узнав до боли знакомый голос.

– Ну, Али-бей, случай защитить повелителя представился, – взмыв вверх голову, заявил Гюрбюз-паша, возвращая нижнюю губу в естественное положение.

– Это Вы, Паша, – выдохнул Али-бей, – напугали меня.

Гюрбюз-паша, будто источая яд, засмеялся. Будто бы сейчас спокойно и обыденно, и будто бы обстановка благоприятствует для беседы в таком незамысловатом формате. Однако он прекрасно понимал, что здесь не место и не время. Собственное эго одержало верх над здравомыслием паши.

– Помнишь, ты как-то сказал перед моей свадьбой с Шафак-султан, что я... А, – и визирь усмехнулся, опустив взгляд, – ты сказал так: «Вы, паша, теперь вдоволь в любовных утехх преуспеете, а моя должность обязывает защищать повелителя».

Али-бей нахмурился, а взгляд его так и вторил: зачем об это говорить? Зачем?

– Ты помнишь, – сопровождал уверенность в собственном вердикте Гюрбюз-паша, ткнув в пространство оппонента указательным пальцем, – смотри, что происходит. Ты понимаешь? Я – нет. Что-то все суетятся, толпятся, кричат, и даже, возможно, дерутся. Не каждый день такое в Айя-Софии увидишь.

– Я сам не знаю, что происходит, Гюрбюз-паша. Именно поэтому я должен защищать своего повелителя, – объяснил Али-бей, во второй раз взявшись за рукоять сабли. Но вынуть ее не смог: на его руке нависла тяжелая ладонь Гюрбюза-паши. Подойдя к телохранителю лоб в лоб, он забурчал сквозь зубы:

- Так иди охраняй его, посмотрим, на что ты способен.
- Паша, ваша враждебность сейчас совсем неуместна.
- Случай-то представился, – не унимался визирь.

Спустя мгновение непослушная губа Гюрбюза-паши перестала слушаться хозяина, глаза раскрылись, а сам визирь скривился под натиском чего-то очень неприятного. Еще секунда, и его тело начало плавно наваливаться на Али-бея.

- Паша? Паша! – запаниковал Али-бей, – вас ранили, Паша!
- Гм, – ухмыльнулся Гюрбюз, – момент выждал? Кому ты отдал приказ?
- Право, Паша, вы сходите с ума! – впервые поднял голос за всю свою жизнь перед визирем Али-бей, и то лишь в условиях неспокойной ситуации.

Гюрбюз-паша продолжал наваливаться на телохранителя.

– Я тебя сейчас оттащу за пределы мечети, потому что здесь очень опасно, оставлю с тобой Махмуда-пашу, а сам к повелителю, – сообразил Али-бей.

– Да ладно, лучше спасай себя, – источая желчь, выпалил Гюрбюз-паша. Становилось ему все хуже и хуже.

– Там что-то произошло, – сглотнула Акджан, пятясь в сторону выхода из мечети, – мама, надо отсюда немедленно уходить. Мама. Мама!

Но мама и на третий раз ничего не ответила. Акджан метнула взгляд в сторону, где стояла ее мать. Жар пробежался по коже молодой девушки, когда на месте матери не было никого, разве что до боли знакомая куча галдящих в панике людей.

Акджан металась со стороны в сторону, напрочь растерянная и не понимающая, что делать. Девушка расслабила вуаль, чтобы стало немного легче дышать, поскольку духота царяла неприятная.

Прищурившись и увидев, как в сторону Акджан кто-то бежит, девушка поспешно развернулась в сторону, но это не помогло.

– Я узнал, что случилось. В мечеть проникли рыцари Папы, нашли их крестик. Насколько я понимаю, здесь готовится покушение на султана, – отдышавшись, рассказал обо всем шейх Ирек, – они ранили Гюрбюза-пашу, второго визиря Падишаха. Стрелу ему в спину засадили. Давай я тебя выведу из мечети, а потом найду повелителя, и буду его защищать.

– Я никуда не пойду с тобой, – сказала, как отрезала, Акджан, – шейх, – брезгливо добавив в конце.

Ирек только и делал, что вопрошающе осматривал девушку.

– Моя мама пропала. Я не могу ее найти. Где мама?!

Было видно, что девушку охватили страх и паника.

– Ну так пойдем искать твою маму, – предложил Ирек. Однако в ответ последовал все тот же знакомый отказ.

– Иди защищай повелителя. Сама буду искать.

Возможно, восточный красавец и продолжал бы настаивать на помощи, готовый оградить молодую, теперь уже потерянную девушку, от любой опасности, но в одно мгновение он слился с толпой. Слился, растворился и исчез в ней. Акджан сжирало сожаление: не надо было его прогонять. Как бы там ни было, но дело было сделано и единственное, в чем она видела смысл на текущий момент, – это найти маму, а потом султана Абдуллу и выбираться из мечети. И ведь ни у кого в текущей ситуации не спросишь, видел ли кто-нибудь маму. Ведь на вид это обычная женщина, средних лет. Ни характерных примет, ни особенностей в лице, волосах, – ничего нельзя было определить, будучи в парандже. Акджан отлично это понимала, и не стала тратить время на пустые расспросы, сотрясая и без того накаленный воздух.

Уложив пораженного стрелой Гюрбюза-пашу за пределами мечети, Али-ага, в конце концов, вынул из ножен саблю и звонко скомнадовал:

– Защищайте повелителя! Стража! Всем защищать султана Абдуллу!

Султан Абдулла встретился в очередной раз с личным хранителем, от кого обо всем узнал, в том числе, разумеется, о беде, приключившейся с Гюрбюзом-пашой.

– Кто это, Али? Какие шакалы посмели поднять руку на святую святых, пробраться в Айя-Софию? – с чувством распирающего внутри гнева и неудобства за народ, пробурчал Падишах.

– Это рыцари Папы. Один мужчина нашел их крест, который обронули прямо здесь, в мечети. Он отдал его Хасану Акари, – отчитался Али-бей.

– Где Хасан Акари? – тут же спохватился Падишах. Трудно было не заметить, как запереживал за имама султан, едва заслышав его имя.

– Подбираются к выходу. Как бы там ни было, нет худа без добра. Мы с вами думали, что люди Аллаха бояться перестали, а они, наоборот, вовремя шум подняли, – прокомментировал свои взгляды оруженосец султана.

– Повелитель, мы сейчас будем выходить, а что делать с Гюрбюзом-пашой? – засуетился визирь Махмуд-паша, – он сильно плох? – уточнил он у Али-бея.

– Надо стрелу скорее извлечь, – объяснил Али, – ну и молиться, чтобы она не была отравленная.

– Где же мама? Где же мама? – всхлипывая и теряя самообладание, Акджан была готова расплакаться. Всеобщая паника, шум, гул только давили, словно в тиски зажимали и без того безысходность растерянной девушки.

– Я пойду к нему, – решительно заявил Падишах, позвав кивком за собой Махмуда-пашу.

Акджан приподняла голову и нашла взглядом султана. Он был единственной зацепкой и той ниточкой, за которую стремилась ухватиться девушка. Ни в какую она не доверяла тому шейху и не располагала к нему.

Падишах окинул взглядом сторбившегося Гюрбюза-пашу и, признаться, с трудом верил в хороший конец. То ли тяжелое дыхание раненого паши смущало Падишаха, то ли его скривленное лицо.

– Прикажете извлечь стрелу? – уточнил Али-бей.

– Давай, – решил Падишах.

– Да пропустите вы меня, – толкаясь налево и направо, Акджан направлялась в сторону, где последний раз видела Падишаха. Теперь уже совсем неважно, кто перед тобой. Титулы, звания, посты, пол, возраст – все это смешалось в неразборчивую кучу в условиях нараставшей паники. Запах предательства и убийства ощущался в воздухе как никогда остро.

– Отойдите, дайте пройти, – Акджан продолжала свой путь, невзирая на рассогласование с самой собой. Предположим, она выйдет на султана, но она не знает, что делать дальше. Падишах ведь не Всевышний, и по одному его приказу в такой суматохе матушку Акджан вряд ли удастся найти.

По пути Акджан встречались то кривые и угрюмые, поросшие сединой и морщинами, то молодые, свежие и прекрасные лица, и что самое досадное – ни одного знакомого.

Толкнув от себя очередного паникера, что-то неразборчиво ворчащего, девушка, наконец, выбралась к свету. Позади нее душащая толпа людей, и открытые нараспашку ворота Айя-

Софии, а впереди виднелся силуэт султана Абдуллы. Впервые Акджан приблизилась к Падишаху настолько близко. Воедино смешались чувства неловкости и даже какой-то глупой неуверенности в себе: ведь перед ней сейчас сам турецкий султан. Однако все эти неуместные чувства вмиг растворились в девушке, как только она заметила поодаль нечто странное. Какой-то человек, облаченный в широкий не по размеру плащ решительно двигался в сторону султана.

2 глава

Поднявшийся ветер сначала взмыл кверху пожелтевшие и почерневшие осенние листья, а после зарыбил на черном, будто уголь, плаще фигуры, надвигавшейся в сторону султана. Казалось бы, вокруг столько народу. Столько, сколько далеко не каждый день увидишь в одном месте и в одно время. А убивать не бояться. Убивать! Акджан все сразу поняла, едва ухватив взглядом такую странную, даже страшную фигуру. Ветер все набирал обороты, и поток воздуха настойчиво стремился обнажить облик убийцы.

Акджан метнула взгляд ниже, а потом ей показалось, что ее сердце от перепугу сейчас выпрыгнет из груди: в руке незнакомец тащил кинжал. Это можно было назвать именно словом «тащил»: тяжелая рукоять, и длинное, широченное лезвие. Все это казалось тяжеловесным.

С каждым последующим мгновением Акджан мечтала все пуще о том, чтобы провалиться под землю прямо здесь и прямо сейчас. Бойкость, ловкость и решительность покинули молодую девушку. Что делать? Обратиться за помощью? Кто ее услышит в такой неразберихе? Один сплошной нависший в Айя-Софии вопль теперь не пугал, а неистово раздражал. Какой толк от перепалки, взаимных оскорблений и толкучки?

«Здесь убивать собираются, а они что все делают?» – подумала Акджан. После она принялась выискивать глазами хоть одну живую душу, которую можно было ухватить за руку и толкнуть Падишаху на помощь. Но, к сожалению, этой самой душой-спасительницей Акджан пришлось стать самостоятельно.

Швырнув прочь с напольного подсвечника расплавленную свечку, девушка ухватила двумя руками за его позолоченное основание, и устремила в сторону плаща с кинжалом, повторяя его траекторию. Ветер, а с ним песок и пыль попадали то в глаза, то били хлестко по открывшемуся лицу. Вспомнив, как однажды в медресе на уроке каллиграфии Акджан подралась с ненавистным мальчишкой, изрисовывавшим ее тетради и учебники, девушка замахнулась и, представляя перед собой того мальчишку, нанесла удар сначала по руке фигуры в плаще. Кинжал звонким ударом рухнул на тропинку, вымощенную камнями. Акджан замахнулась повторно, нанеся удар сверху. Злосчастная черная фигура свалилась на холодные камни. Пока Акджан всматривалась в оцепенении на результаты своих действий, с еще большим изумлением на нее уставились султан Абдулла с визирем и телохранителем.

«Что это сейчас было?» – возникло в голове сразу у троих.

Иступленно смотря на обнажившееся лицо убийцы, а после переведя взгляд на оружие, благодаря тому произошло то, что произошло, Акджан убрала подсвечник в сторону, а потом принялась с бесконечными запинками и дрожью в голосе оправдываться. Она чувствовала себя настолько неловко от молчания Падишаха, что была вынуждена прервать эту многозначительную тишину.

– Султан Абдулла, я тут... В общем, я вон там стояла, потому что... Я пришла на общую молитву сегодня... – и далее нависла пауза: Акджан надела вуаль, свисавшую сбоку, посчитав эту деталь значимой сейчас, поскольку ей никогда лично не приходилось разговаривать с турецким султаном, – и дальше, как вы знаете, началась паника, все засуетились, забегали. Я в этой суматохе даже маму потеряла. Я не знаю, где она, она потерялась. А потом я... Выбралась из этой толпы, а, нет...

Акджан вновь прервалась: в процессе повествования она упустила еще одну важную деталь, нарушила логическую последовательность, как она считала.

По лицу Падишаха, который метал глазами то на бездвижное тело убийцы, то на толстое лезвие кинжала, то на Акджан, трудно было сказать что-то утвердительно: злится ли он, осуждает ли, а, быть может, и вовсе восхищается.

Махмуд-паша, словно секретарь, старался зафиксировать каждое вылетевшее из уст девушки слово, будто бы проверяя эти слова на «подлинность». Акджан больше напрягал, скорее, его взгляд, нежели облик стоявшего перед ней Падишаха.

Али-бей, личный телохранитель султана, внимательно, и даже очень внимательно слушал речи и обрывки речей Акджан. Его брови сформировали тупой угол, верхняя губа подперлась к нижней. Казалось бы, взгляд хмурый, тяжелый, но девушка на себе его даже не ощущала. Вероятно, потому, что султанский оруженосец обладал иной энергетикой. Периодически он поглядывал на Гюрбюза-пашу, скрючившегося возле стены Айя-Софии. Вероятно, он до сих пор не может отойти от болевого шока после того, как из его спины изъяли стрелу.

– Из толпы – это потом... Я сначала нашла глазами Вас, султан, – поправила себя Акджан.

Султан сузил, насколько это возможно глаза. Причиной тому – вопиющий ветер. И поэтому трудно было утвердительно сказать: это насмешка, или ветер, и только.

– Я направилась в вашу сторону, потому что...

– Хотела спасти падишаха? – словно не доверяя, произнес Махмуд-паша.

Молодая женщина сглотнула, а из-за этого во рту пересохло. Говорить было тяжело и неприятно, соответственно. Ей нужна была пауза, чтобы набраться уверенности. Но эту паузу султан Абдулла воспринял не совсем стандартно, вымолвив, наконец, хоть что-то в ответ:

– Дальше не придумала?

И эти слова будто ножом проехали по Акджан. Не столько обиду, сколько негодование и возмущение она испытала в тот момент. Она была вынуждена защищаться.

– Я вам не лгу. Нет! Ну вы же видели, – она указала руками на бессознательное тело мужчины в плаще.

– Я н... – произнес едва султан.

– Мы ничего не видели, – опередил его Махмуд-паша, – мы были заняты Гюрбюзом-пашой. В визирия попали стрелой. Даже не знаем, отравлена ли она. Но, скорее всего, да. Люди Папы действовали наверняка. А вот кто ты такая, мы не знаем. И как ты очутилась здесь именно в такой момент, у меня тоже в голове не укладывается.

– Она же сказала, что увидела султана вдаль, – выступил в защиту девушки Али-бей.

– Рассказывай дальше, – повелел Падишах, подавляя в себе ухмылку недоверия. Но ему хотелось верить в рассказ незнакомки, ведь так приятно, когда твою жизнь спасают, и причем совершенно незнакомые люди.

Акджан, скрепя зубами, выдохнула.

– Не знаю, почему вы не верите, но, что творится, – и она указала рукой в противоположную от себя сторону, – вы сами видите.

Люди стали кучкой выталкиваться из мечети, но споров и галдежа от этого не убавилось.

– И в этой обстановке мне, прежде всего, хотелось найти маму. Я увидела вас, потому что видела вас, повелитель, еще когда вы зашли в мечеть. Вот так стояла я, – и она нарисовала что-то в воздухе руками, – а под углом к вам я стояла, не так далеко от вас. Я направилась в вашу сторону, потому что хотела, чтобы вы мне помогли найти маму. Но дальше... У меня мороз по коже пробежался. Я увидела, как некто в черном плаще решительно надвигается в вашу сторону. Я случайно увидела! В руке у него был кинжал. Ну, ну... вот же кинжал, он был у него, это не мой.

Рассказ Акджан стал походить на жалобное оправдание. И острее всего, судя по выражению лица, это ощущал Али-бей. Султан же не спешил принимать на веру каждое слово, но и ухмылки на его лице уже не было заметно.

– Я хотела кричать вам, но я вас впервые в жизни вижу, и... Первое, что пришло в голову, это как-то задержать этого негодяя. Лица я не видела. Поэтому я схватила что-то потяжелее и ударила по нему. Вы ведь в тот момент обернулись и сами все видели. Я ударила

его еще раз, чтобы он не совершил свое черное дело. Я не знаю, – и вдруг она заулыбалась, да так широко, – как у меня это получилось. Все так быстро, резко.

Заулыбалась, потому что чувства и ее рассказ были искренними и подлинными, свободными, как полет птицы в небе. И каким же было счастьем, когда эти чистые, даже геройские помысли, пробрались сквозь броню равнодушия султана Абдуллы.

– Аллах мне послал тебя, хатун. Я... Скорее сам от неожиданности начал вдруг сомневаться, но ты же... Да, действительно, взяла подсвечник и, по сути, спасла меня от этого лазутчика, – заключил Падишах.

– Да, потому что я видела, как он руку с кинжалом на вас поднимал, – добавила для убедительности Акджан, хоть она и не видела этого. Но, вероятно, так все и было бы через секунду-другую.

– Как твое имя? – спросил султан Абдулла.

– Акджан, мой повелитель, – низко склонившись, ответила девушка.

– Акджан-хатун, – протянул Падишах, правда из-за гула вперемешку с порывами ветрами его плохо было слышно, – значит я тебе обязан жизнью?

– Да вы... М... – замялась Акджан, поскольку ей ужасно льстили подобные слова. Она только боялась обнажить это чувство. Поэтому и изображала скромность.

Махмуд-паша, который ни слову сначала не верил, подхватил свою реакцию за Падишахом: раз поверил повелитель, то есть смысл поверить и ему.

Беседу прервал вопль Али-бея:

– Повелитель, Гюрбюз-паша совсем плох!

– Али-бей, мать Акджан-хатун внезапно исчезла. Скорее всего, или ее убили, или же взяли в плен. Я со стражниками и девушкой попробую отыскать ее, а ты с Махмудом-пашой перенеси Гюрбюза в карету. Нужно отвезти визиря во дворец, пусть его немедленно осмотрит лекарь, – распорядился султан Абдулла.

На слова «или ее убили», привязанным к матери, Акджан невольно вздрогнула, потому что где-то в глубине души она уже не верила в положительный исход дела, и единственная мысль, которая кружилась в ее голове, подобно мотыльку, – «маму убили». – Да, и ни в коем случае не спускайте глаз с мечети, – добавил Падишах, обращаясь к визирям, – этот предатель мог быть не один. Вероятнее всего, люди Папы еще здесь.

– Как прикажете, – поклонился личный телохранитель султана, немедля попятившись к местонахождению раненого Гюрбюза-паши. Махмуду-паше ничего не оставалось делать: нехотя, он направился вслед за Али.

Дворцовый сад излучал сегодня, подобно солнцу, яркими платьями танцующих наложниц, рахат-лукумом, сверкающим всеми цветами радуги, бокалами, из которых переливался шербет, и лучезарными улыбками членов правящей династии. Иначе и быть не могло, ведь Падишах и его армия фактически освободили страну от нависавшего гнета со стороны Папы Римского. Пятилетнее противостояние османского султана и главы Католической церкви – Папы Урбанта – подошло к концу, как полагали дворцовые. Османская империя страшно устала от вассальной зависимости, душившей своими непомерными налогами сначала отца султана Абдуллы, а потом его самого. А всему виной ошибки отца нынешнего Падишаха, на которых подробно остановимся позднее. А сейчас же все наслаждались моментом.

Сад был похож на маленький рай. Так его называл главный евнух гарема – Муслим-ага. Тропинка, простиравшаяся от главного входа дворца Топкапы и уходящая едва ли не в лес, была старательно выложена еще сорок лет тому назад искусными дворцовыми архитекторами. Пока идешь по этой тропинке, можно полюбоваться кустиками хризантем и роз, послушать невинное щебетание птиц и окунуться в мелодию журчащего фонтана, расположенного чуть поодаль от тропы. А если пройти дальше, то открывается просторная лужайка прямоугольной

формы. Здесь и в обычные дни восхищаешься палитрой цветов, которые, как лоза, спускаются с мощных стволов деревьев, обвивая их. А сегодня сад изобилует красотой: турецкая беседка посреди лужайки, где разместились султанши, поднос с фруктами, шербетом и серебряной посудой, расположенный рядом; множество таких же подносов на самой лужайке, подле которых расселись наложницы, а также обитые атласной тканью пышные подушки. Старательно изгибая талией, и сопровождая эти действия плавными движениями рук, наложницы иллюстрировали тщательно отточенный восточный танец. Кружа, словно мотыльки, они представляли самое любимое зрелище Валиде Нериман-султан: сорока восьмилетняя султанша неистово обожала восточные танцы наложниц, и особенно, если они дополнялись гитарой, арфой и дудуком. Так и было: преуспевшие в искусстве хореографии наложницы радовали всех мастерством владения телом, а наложницы, которым легче давались уроки музыки во дворцовой школе, играли на музыкальных инструментах. Алтынджак-калфа сама отбирала девушек для этого и, судя по впечатлениям султанш, она не прогадала.

По случаю наступавшего Курбан-байрама было зарезано около двух тысяч свиней и баранов, поджарено мясо, а после – роздано в провинции и в дома бедняков. Валиде Нериман-султан хотела, чтобы люди всем нутром почувствовали праздник, чтобы эти эмоции были воистину подлинными и сверкающими. Такими же сверкающими, как перстень на пальце госпожи. Сапфировое кольцо Валиде Нериман-султан – это личный подарок ее покойного супруга – султана Омера. Султанша надевает это украшение только в особых случаях, в счастливые дни и по праздникам. Сегодняшний день послужил отличным поводом открыть ту старую, окутанную пылью хрустальную шкатулку, где лежало кольцо, и вновь надеть перстень счастья.

Муслим-ага и Алтынджак-калфа, закрепив руки за спинами, с чувством восторга наблюдали за праздником во дворцовом саду: еще бы, ведь усердные занятия с наложницами принесли свои плоды. Детей тоже вывели в сад – семилетнего шехзаде Коркута (сын главной наложницы Падишаха Гюзель-султан) и четырехлетнего шехзаде Хасана (сын Бейхан-султан – той самой несчастной султанши, поплатившейся языком).

– Какой чудесный праздник вы устроили, Валиде-султан, да хранит Вас Аллах, – произнесла Гюзель-султан, сидя на одной тахте с матерью султана, чего нельзя сказать о второй султанской фаворитке. Бейхан-султан разместилась на подушке, будучи в той же самой беседке. Пока в ее глаза упиралась хрустальная ваза, стоящая на подносе, перед Нериман и Гюзель-султан открывались просторы танцующих наложниц и веселившихся наследников. Таким образом Нериман-султан предпочла подчеркнуть свой статус, статус главной фаворитки султана и статус «всех остальных», как сама и говорила Валиде-султан. И это удел не только сегодняшнего дня: так было всегда, даже до наказания Бейхан-султан. Нериман-султан всегда высоко почитала Гюзель-султан, любила ее как родную дочь, и параллельно с этим открыто иллюстрировала если и не ненависть, то маску неприязни к Бейхан-султан.

В ответ на восхищение Гюзель-султан мать султана лучезарно улыбнулась ей, пошлепав тяжелой от количества украшений рукой по ее руке. Достаточно было этой улыбки, и Гюзель-султан чувствовала себя как за каменной стеной в этом дворце. Главная фаворитка Падишаха ничуть не уступала по красоте и манерам Бейхан-султан: такая же гордая, порой даже очень гордая, властная, твердая, уверенная, казалось бы, в себе, черноволосая, с карими глазами. Гармоничное сочетание внешнего обаяния с внутренним. Но не было в ней того, чего от природы было достаточно у Бейхан-султан. От Гюзель-султан на самом деле веяло неуверенностью и шаткостью. Она словно актриса. Больше всего она боялась, что ее маски, сменявшие друг друга ежедневно, а то и ежечасно, в зависимости от обстоятельств, однажды перепутаются. Перепутавшись, растеряются, и обнажат подлинную натуру султанши. Но за восемь лет пребывания в гареме Гюзель-султан настолько искусно научилась надевать в нужном месте и в нужное время правильную маску, что каждый безусловно верил в ее силу и подлинность натуры. Сила Бейхан-султан же шла изнутри, и топлива не требовала. Если это огонь, то это

стихия, а не свечка, которую могло затушить любое дуновение ветра. Она не стеснялась собственных чувств, потому что и стесняться было нечего. Члены правящей семьи, и особенно мать султана и Гюзель-султан, относившиеся к ней предвзято ввиду разных причин, отлично видели в молодой женщине эту силу. Именно страх перед этой силой однажды и вынудил Нериман-султан пойти на роковой шаг, поступив жестоко и зверски. Нельзя не отметить, что когда Бейхан-султан лишилась языка, Гюзель-султан перестала воспринимать ее не только как соперницу в борьбе за султана, но и как человека. Теперь она даже не наложница, а нахлебница с отпрыском. Живет себе, и ладно, лишь бы не путалась под ногами.

Справа от Валиде Нериман-султан расположилась еще одна черноволосая, прямо как Гюзель-султан, госпожа. Сама худенькая, хрупкая, не красавица, зато с очень милыми чертами лицами. Госпожа на редкость обладала пышной шевелюрой: порой ее милое, отнюдь не худенькое, а скорее, напротив, лицо, терялось в пучине черных кудрей. Это Шафак-султан – дочь Нериман-султан. Приболела, но все равно по настоянию матери вышла наружу: вдруг солнечный свет, свежий воздух, сладкие яства и звучная музыка благотворно скажутся на самочувствии.

– Как ты, доченька? Как себя чувствуешь? – спросила Нериман-султан.

– Ничего, – тихонько проблеяла пышноволосая султанша, пряча разбушевавшиеся от ветра кудри за уши.

– Муфида приготовила для тебя лимонный лукум, как ты и любишь, – заботливо подметила Нериман-султан, а потом обратилась к хазнедар гарема и по совместительству, к своей прислужнице:

– Муфида-хатун, принеси чашу с тем лимонным лукумом, который вчера привезли во дворец.

Пожилая женщина поклонилась и отдалилась.

– А когда Падишах и мой муж Гюрбюз-паша вернутся во дворец? – спросила у матери Шафак-султан.

– У них сейчас всеобщая молитва в Айя-Софии. Как только молитва закончится, они и приедут, – объяснила Нериман-султан. Но только состояние дочери не давало ей покоя. Даже Гюзель-султан посмотрела в их сторону в течение этого разговора.

– Ты совсем бледная, доченька, – очерчивая взглядом лицо девушки, заключила Валиде-султан.

– У меня плохое предчувствие, – объяснила Шафак-султан.

Мать вопрошающе уставилась на дочь, абсолютно не догадываясь, что именно она имеет в виду. Да и сама Шафак-султан не могла ответить себе на вопрос; какова природа этих предчувствий и что под ними скрывается.

– Госпожа, – подроспела хазнедар, держа в руке фарфоровую чашечку, – лукум такой нежный, сочный, сладкий, давно такой из Эдирне не привозили. Обязательно попробуйте.

– Конечно, Муфида, – кивнула Нериман-султан. Открыла чашку, а потом взяла оттуда кусочек ароматного лукума она вовсе не глядя туда. Все потому, что Нериман-султан продолжала поглядывать на дочь, обеспокоенная ее странным состоянием.

Внимание с друг на друга переключилось в сторону сада. И султанши забыли, о чем только что говорили, когда услышали детский плач. Все пятеро – Валиде-султан, Гюзель, Бейхан, Шафак, и хазнедар Муфида-хатун метнули взгляд в сторону доносившегося звука. Что-то случилось, а что, пока непонятно.

Как только танцующие наложницы расступились одни по правую, а другие по левую сторону, Гюзель-султан первой обратила внимание, как четырехлетний сын Бейхан-султан сидит на траве и горько плачет, расчесывая ручкой область под глазом. Шехзаде Хасан плакал, и никто пока не понимал, в связи с чем. – и Алтынджак-калфа находились в другой части

дворца, занимая те же позиции, что и ранее, а сын Гюзель-султан шехзаде Коркут имитировал движения танцев наложниц. Заняты были все своим делом, за шехзаде никто не следил.

Гюзель-султан надменно посмотрела в спину Бейхан-султан, хотела подождать, пока вопрос решится сам, но не смогла удержаться и высказала следующее:

– Как досадно. Ребенок захлебывается от плача, а его мать словно прилипла к подушке.

Бейхан-султан немедленно развернулась в сторону восседавшей под ней Гюзель-султан, чувствуя себя сейчас оскорбленной.

Гюзель-султан хотелось, пока есть такая возможность, еще как-нибудь поддеть и без того несчастную женщину, но взгляд Бейхан напрочь отбил это желание: слишком он был властным, что ли.

– Иди, посмотри, что с шехзаде, – скорее в тоне просьбы, нежели в тоне приказа, сказала Нериман-султан.

Бейхан-султан поднялась с подушек, поклонилась всем трем султаншам и поспешила в сторону сына. Шехзаде Хасан был единственной отдушиной в этом дворце у госпожи. Она, так или иначе, неважно была бы абсолютно здорова, или умирала бы, поспешила на вопль своего ребенка. Она лишь не сразу заметила, что именно случилось. А Гюзель-султан с высоты этой роскошной тахты было видимо абсолютно все.

– Хасан, что такое? – к мальчику присоединился его старший брат Коркут, только сейчас увидев, что с ним не все ладно. Тому послужила странная поза ребенка и, безусловно, надрыв- ный плач.

– Пчела-а-а, – протянул шехзаде Хасан, захлебываясь очередной порцией слез, – очень болит.

– М-м, – отозвался шехзаде Коркут, и на этом посчитал уместным оставить младшего брата, передав заботу о несчастном прислуге.

– Алтынджак-калфа, помоги, – махнув рукой, и отлично помня девиз «я – шехзаде, мне все должны» семилетний ребенок обратился за подмогой. Девиз этот был навязан шехзаде его матерью – Гюзель-султан. Шехзаде Коркут оставил брата, присоединившись к танцам налож-ниц.

Спустя несколько секунд к шехзаде Хасану подбежала Алтынджак-калфа, а еще через мгновение – растерянная Бейхан-султан. Взгляды госпожи и калфы встретились, и при таких странных деталях: Алтынджак словно не смотрела, а осуждала Бейхан-султан, а Бейхан-султан же, привыкшая в этом дворце уже ко всему, взяла сына за ручку, быстро переведя взгляд на шехзаде. Под глазом ребенка нарастала неприятная багровая припухлость, что осложнялось непрекращающимся плачем. От этого глаз казался еще более заплывшим.

Бейхан-султан была готова расспросить своего мальчика во всех деталях и подробностях о том, что произошло, как, когда, но известная беда в очередной раз перекрыла женщине воз-дух. Ее желание было успешно замещено Алтынджак-калфой.

– Мой шехзаде, – тонким голосом обратилась она к ребенку, – что такое случилось?

– Укус... ила... пчела, – повторял, задыхаясь уже от слез, шехзаде Хасан.

– О-ой, – имитируя сожаление, пропела Алтынджак, – давай я отведу тебя скорее к лекарю. Только сильно не расчесывай, а то вдруг хуже сделаешь.

Алтынджак подняла ребенка с травы, отряхнула его кафтан с одной стороны, а Бейхан-султан – с другой. Калфа взяла ребенка за правую, а Бейхан-султан – за левую руку, и насилу перетянула весом ребенка к себе. Почувствовав это, Алтынджак предложила помощь:

– Госпожа, вы сами слышали, шехзаде укусила пчела. Я должна отвести его во дворец, пусть осмотрит лекарь.

Бейхан выпучила глаза, а далее воспользовалась единственным средством общения, которое у нее осталось – жестами. Сначала девушка указала рукой на себя, а потом – в сторону

беседки с султаншами. Так она имела в виду, что пойдет вместе с Алтынджак, что она всегда будет рядом со своим сыном.

– Да, разумеется, – спокойно и уже чуть более дружелюбно ответила калфа, поняв намерения молодой женщины.

– Ну что с шехзаде, что с моим внуком? – даже встав с тахты, Нериман-султан осыпала вопросами едва прибывших в беседку Алтынджак-калфу, плачущего шехзаде и его мать.

– Шехзаде укусила пчела, Валиде-султан, – объяснила Алтынджак, – покажи глазик.

Молодая женщина освободила ручку шехзаде от лица, чтобы не быть голословной, и чтобы госпожи увидели лично, каково состояние мальчика.

– Ой, ой, – заводила головой Нериман-султан, – как же так...

Больше отвечать за своего собственного ребенка Бейхан-султан не позволила никому. По крайней мере, она так решила. Она принялась активно жестикулировать перед Валиде-султан, как бы прося у нее позволения на то, чтобы отвести шехзаде во дворец, в свои покои, и помочь шехзаде.

Об этом Валиде-султан могла догадаться и сама, а посему она не пожелала обращать внимание на «верчение пальцами» второй фаворитки султана, и наскоро перевела взгляд на Алтынджак:

– Алтынджак-калфа, идите с Бейхан-султан во дворец, пусть придет лекарь и помажет чем-нибудь... отек этот. А то опухло-то вон как.

– Да, пусть Алтынджак-калфа обязательно пойдет вместе с ней, а то от безгласной матери больше беды, чем пользы, – заявила Гюзель-султан, также поднявшись с тахты, аналогично матери султана. Свое поднятие она сопровождала тем, что откинула лиловый платок, закрепленный на диадеме, в сторону, посчитав, что это должно было выглядеть эффектно. Это должно было подчеркнуть ее статус. Платок и без того метался со стороны в сторону, подхватываемый порывами ветрами. Но по реакции Бейхан-султан на сие движение нельзя было ничего сказать утвердительно: вероятно, ей было ни холодно, ни жарко от этого. Она практически и не смотрела в сторону Гюзель.

На этот раз очередное напоминание про самую больную точку, да еще и от своей соперницы, окончательно подорвало дух Бейхан-султан: женщина взяла на руки шехзаде Хасана, поклонилась, и поспешила в сторону дворца. Она устала, что за нее решают, что делать и как. Причем, речь шла о ее собственном ребенке. На лице госпожи читалась боль, боль и только боль... Понимая, что прислуга сейчас помчится за ней, выполняя каждую мелочную прихоть своих основных господ, Бейхан вытянула руку в их сторону, прося стоять на месте, а не бежать за ней вдогонку. Со своего места соскочила и Нише-хатун – личная семнадцатилетняя служанка немой султанши, но вскоре замерла на месте. Ей и жеста никакого не надо было, поскольку она прекрасно чувствовал все перипетии души своей госпожи. Знала, когда нужно быть рядом, а когда следует держаться в стороне.

– Алтынджак-калфа, что ты стоишь? – возмутилась Гюзель-султан.

– Ладно, оставь, – Валиде-султан прикоснулась к руке невестки.

– Как это?

Пока султанши решали данный вопрос между собой, Муфида-хатун сочла нужным освободить Алтынджак-калфу: пусть возвращается на свое место, к своим обязанностям, ни к чему ей здесь находиться. Хазнедар гарема кивнула головой, как бы указывая в сторону, и Алтынджак-калфа, сопроводив уход поклоном, покинула членов султанской семьи.

– А почему вы так распереживались за шехзаде Хасана? – не унималась Гюзель-султан.

Нериман-султан посмотрела в сторону любимой невестки. Но отнюдь не осуждение, а спокойствие и доверие выражалось в ее глазах. С тем же спокойствием султанша объяснила свой поступок:

– Гюзель, Хасан – мой внук. Так или иначе, он шехзаде. Меня совершенно не интересует его мать. Пусть хоть в ад катится. Я беспокоюсь только о внуке.

Гюзель-султан приняла эти слова как данность. Тем более, что ничего нового она не услышала. Она прекрасно понимала, что Валиде-султан никогда не откажется от шехзаде Хасана, как и не откажется от ее шехзаде. Она только боялась, что однажды Нериман-султан любить будет больше именно Хасана, а не ее шехзаде Коркута.

Пройдя пустые гаремные коридоры, проветренные за полдня дворцовые галереи, Бейхан-султан вошла в свои покои, усадила на мягкий диван шехзаде Хасана, а после закрыла двери. Закрыла их так, чтобы никто не вошел, чтобы никто ее сейчас не беспокоил. Сначала она в исступлении приблизилась к окну, увешанному шелковистыми шторами, а после машинально пододвинулась к напольному зеркалу, с края которого свисала оставленная служанкой жемчужная подвеска. Шаг за шагом она охватывала взглядом сначала свое платье, руки, а затем подобралась к лицу. Глубокое сожаление и горечь растворились одно в другом, и султанша тотчас развернулась прочь от своего отражения, рухнув в слезах на кровать. Плакал шехзаде Хасан, и еще сильнее плакала его мать, оскорбленная Гюзель-султан. Оскорбленная тысячным напоминанием о ее самом уязвимом месте.

– Красиво получилось, доченька, – окинув взглядом нежный мягкий наощупь платочек, на котором был вышит букет с оранжевыми головками тюльпанов, сказала Нериман-султан. Ее дочь – Шафак-султан – откусила пряный кусочек лимонного рахат-лукума и моргнула матери в ответ на похвалу.

Тут внимание госпожей привлекла шаль, которую бушующий ветер волочил по траве. Грязь и пыль насаждалась одним темным сплошным покрывом на приятный васильковый цвет ткани.

– Госпожа, погода изрядно испортилась, – подметила Муфида-хатун, то и дело удерживая руками платок, чтобы не слетел, – не пора ли вернуться во дворец?

– Кажется, собирается дождь, – добавила Гюзель-султан, привстав и посмотрев ввысь.

– Жалко, что сын так и не вернулся, – отметила Валиде Нериман-султан, а после отдала позолоченные тюльпаны на ткани обратно дочери, – возвращаемся. Муфида, скажи Муслиму-аге и Алтынджак-калфе, чтобы заканчивали. Пусть наложницы порядок в саду наведут. Действительно, мне даже зябко стало как-то.

В беседку, тоже заприметив изменения в погоде, вернулась личная служанка Гюзель-султан, приведя шехзаде Коркута.

– Все хорошо, сынок? – наклонившись к голове сына, заботливо поинтересовалась Гюзель-султан.

– Да. Хасана укусила пчела. Я приказал Алтынджак-калфе помочь ему, – рассказал ребенок.

Гюзель обняла сына, а после накинула на плечи и изголовье платок, чтобы шехзаде не простудился.

Сборы был вынужден прервать визирь Махмуд-паша. Весьма неожиданно и странно было видеть пашу одного, без султана, без мужа Шафак-султан Гюрбюза-паши, без Али-бея. Где-то вдалеке слышался глухой, притупленный звук грохотания, который свидетельствовал о надвигавшемся вскоре дожде. Султанши, а вместе с ними и Муфида-хатун, укутались платками и замерли в ожидании Махмуда-паши, поскольку было отчетливо видно, что паша движется в сторону беседки. Да к тому же так решительно, словно боится опоздать и не успеть.

Подобравшись к членам султанской семьи, Махмуд-паша низко склонил голову, выразив тем самым свое почтение каждому.

– Валиде-султан Хазретлери, госпожи, – обратился к господам тридцатидвухлетний мужчина.

– А где мой сын, Махмуд-паша? Закончилась молитва в Айя-Софии? – поспешила задать враз все накопившиеся вопросы Нериман-султан, пока ждала прихода паши издали.

– С Падишахом все хорошо. Точнее, сейчас все хорошо, а могло быть иначе.

– Что ты такое говоришь, Махмуд-паша? – Валиде-султан сделала шаг в сторону визиря. Она настолько испугалась, что даже изменилась в лице и в голосе. За ней полшага сделали Гюзель и Шафак-султан.

– На повелителя пытались покушаться, – доложил Махмуд-паша, а после добавил:

– Прямо в мечети.

– О, Аллах, – в изумлении отозвалась Валиде-султан.

3 глава

– Кто покушался на повелителя? – прижав к ноге голову шехзаде Коркута, спросила Гюзель-султан.

– Люди Папы, – отвечал Махмуд-паша, – так вышло, что христианский мир и вся католическая Европа не смогли смириться с победами Падишаха. В связи с этими, чтобы восполнить утраченное в ходе войны, они и пошли на этот роковой шаг. То ли еще будет... Боюсь, этим покушением Европа не ограничится.

– И это говоришь ты, Махмуд-паша? – даже повысив голос, Валиде Нериман-султан проделала несколько шагов вперед, прямо в сторону визиря. Вопиющая вуаль волнами простиралась на лице султанши: ветер разбушевался пуще прежнего, – разве не на тебе и не на Алибее лежит обязанность везде и всюду защищать султана? Придумайте же что-нибудь, чтобы остановить этих проклятых чужеземцев.

Валиде Нериман-султан отнюдь не была заинтересована в политической сфере Османской империи. Женщина никогда не вмешивалась в дипломатию и межгосударственные вопросы, поскольку всецело была уверена в искусности Падишаха. Султан Абдулла в свое время получил незаурядное образование в области военного искусства и дипломатии. Его учителя занимали высшие государственные чины при дворе, иные были выходцами из знатных стамбульских семей, а некоторые же даже входили в сан духовенства. Оттого-то в Совете нынешнего султана столь высоко почитаются улемы и учителя.

Уже выучив нрав Нериман-султан, для Махмуда-паши не было секретом, что мать султана не вникала в тонкости политической жизни страны, а посему он предпочел на этот счет промолчать.

– Повелителю сейчас ничего не угрожает. Скоро он прибудет во дворец, – поспешил успокоить султанш Махмуд-паша.

– На этот раз Аллах спас моего сына, – выдохнула Нериман-султан.

Все тут же взмыли голову вверх: прогрехотал гром, в воздухе запахло дождем.

– Госпожа, надо бы вернуться во дворец, погода изрядно испортилась, – подметила Муфида-хатун.

– Не только Аллах, – добавил Махмуд-паша, и через секунду словил на себе недоумевающие взгляды госпожей.

– Султана Абдуллу не только Аллах защитил от гибели, но и одна храбрая девушка.

– Девушка? – изменившись в лице до неузнаваемости, произнесла Гюзель-султан. Ее реакция напоминала ухмылку вперемешку с недоумением.

– Сначала я подумал, что это ловушка, но после долгого расспроса мы выяснили, что это обычная девушка, из простой семьи, которая пришла на молитву в Айя-Софию. Все произошло так внезапно. Она увидела, что на Падишаха надвигается неизвестная фигура в темном плаще вместе с кинжалом. И вы представляете, она не испугалась, а взяла подсвечник и обезвредила убийцу. Он был в нескольких шагах от Падишаха.

– Спасибо тебе, Аллах, – вознес похвалу Всевышнему, Валиде Нериман-султан опустила тяжеловесные от груды драгоценных камней руки себе на грудь.

– И как теперь обстоит дело? – спросила Гюзель-султан, главная наложница и мать наследника султана.

– О, все плохое осталось позади. Эту девушку, ее зовут Акджан, повелитель обещал лично вознаградить, – подметил Махмуд-паша.

– Меня не интересует ее имя, – отрезала Гюзель-султан, чем привлекла к себе внимание со стороны матери Падишаха и прислуги. Только слепой и отнюдь бесчувственный человек

не заметил бы, какой огонек проблескивал в глазах молодой мамы и любимой женщины турецкого султана на словах о «девушке, спасшей от гибели повелителя».

– Я спрашивала о повелителе, о пашах. С остальными все ли в порядке? – остудив пылкость и сгладив резкость, закончила Гюзель-султан.

– Как я и сказал, с повелителем все хорошо, скоро он прибудет во дворец, – повторил в очередной раз визирь Махмуд-паша, а после поймал себя на мысли:

– А-а, чуть не забыл. Гюрбюза-пашу ранили стрелой. Прямо у ворот Айя-Софии.

Обогнув Нериман-султан, свою мать, справа, а Гюзель-султан – слева, за пределы беседки вышла госпожа, чье нежное, словно бутон розы, сердце хлеще всего затрепыхало от услышанной новости.

– Он умер? – припустив голову, прошептала Шафак-султан.

Дождь начал тарабанить по деревянной выделке крыши беседки, и пышные черные кудри Шафак-султан неизбежно принимали в свой объем крупные дождевые капли. Впрочем, когда не можешь быть толком уверен в безопасности грядущего дня и не знаешь, с какой стороны ожидать удар в следующую секунду, становится абсолютно безразлично, что происходит в текущий момент с небом и погодой.

Чтобы любимая дочь не простыла, Нериман-султан взяла у Муфиды-хатун шелковую шаль и накинула ее на худенькие и тонкие плечи Шафак, приготовившись услышать ответ от Махмуда-паши.

– Он жив, – произнес Махмуд-паша, но это прозвучало настолько неуверенно, что его «он жив» можно было смело приравнять к «не знаю».

Гюрбюз-паша – это муж Шафак-султан. И пусть султанша с визирем в браке лишь около двух лет, пусть стены их дворца пока не наполнились громогласными воплями детей, пара слыла супружеским счастьем и гармонией... до сегодняшнего дня.

– Ну раз он жив, где паша? – взволнованным голосом спросила Шафак-султан, почувствовав на плечах теплые ладони матери.

– Али-бей должен уже вот-вот привезти Гюрбюза-пашу во дворец, – объяснил Махмуд-паша.

– Али-бей? – недоуменно усмехнулась Нериман-султан, чем-то продублировав реакцию своей невестки – Гюзель-султан. Та аналогично прореагировала на слова Махмуда-паши об Акджан, – мне интересно, почему телохранитель Али-бей не подле моего сына? Почему он его не защищает? Гюрбюза-пашу мог бы и ты привезти во дворец.

Глядя на обмокающий кафтан Махмуда-паши и на его сморщенное лицо, можно было предположить, что визирь всецело воспринимает себя провинившимся, точно единственным виновником всего, что сотворилось – и напряжения настроений в мечети, и ранения Гюрбюза-паши... Что поделать, но служить благородной крови отнюдь не бывает просто и однозначно, и об этом визирь всегда помнил. Ведь, будь иначе, его воинственный нрав, словно терпение, которое переполняет чашу, выплеснулся бы наружи, опутав своей мощью каждого члена династии. Гораздо разумнее применять подобный нрав в условиях войны и боевых действий. Но, как известно, свято место пусто не бывает – должность телохранителя султана и его военачальника вот уже седьмой год занимает Али-бей. И именно это соперничество за должность, как предполагал сам Махмуд-паша, накаляло взаимоотношения между Али-беем и раненым Гюрбюзом-пашой. Слишком многое, да, практически все, в этой ситуации оборачивается непонятным и запутанным. Нетрудно догадаться, почему Нериман-султан изрядно изменилась в голосе и настроении – она тоже отлично знала о вражде Али-бея и Гюрбюза-паши. И если первый ей, откровенно говоря, был не только безразличен, но и неинтересен как человек, то ныне раненый визирь Гюрбюз занимал гораздо больший охват мыслей матери Падисаха – ведь это ее зять, как-никак.

Не было больше никакого смысла сотрясать переувлажненный и дождем пропитанный воздух – свита одним стройным потоком направилась в сторону ворот дворца, ведущих в прекрасный дворцовый сад. Дело осталось за малым – наложницам и слугам было велено прибраться, убирая промокшие подушки, скидывая в буквальном смысле алюминиевые вазы и графины со спелыми фруктами в парчовые ткани. Несмотря на расточительность эпохи, которую Валиде-султан воспринимала более, чем нормально, запасливые рабы и прислуга частенько «подъедали» султанские деликатесы. А то, что не было съедено, с успехом направлялось в амбары и подвалы дворца.

– Гюзель, – в мгновение ока Нериман-султан приостановилась в начале дворцовой галереи, обратившись в невестке, – возьми Коркута, закройтесь в покоях и никого не выпускайте. Все будет хорошо.

Бабушка с неподдельной лаской и добротой взглянула на любимого внука, погладив легкие, словно пушинка, волосы старшего шехзаде.

– Но к чему такие меры? – удивилась Гюзель-султан, однозначно не понимавшая всей серьезности положения.

– У меня душа не на месте, – призналась Нериман-султан, – не к добру это нападение на мечеть. Да и с Гюрбюзом-пашой вон какая беда приключилась. Еще и погода испортилась. Ну прям не день, а наказание Всевышнего...

У госпожи аж в сердце ёкнуло, потому что очень уж много навалилось самых разных неприятностей, будто снежный ком. Да все это еще и в один день.

– Я поняла, – согласилась без лишних слов с Валиде Гюзель-султан, – Аллах да будет с нами.

Сделав почтительный поклон, Гюзель-султан протянула руку сыну, дождавшись, пока мальчик соединится с матерью, и направилась в сторону своих комнат.

– Муфида! – окликнула самую верную себе женщину и прислугу Валиде Нериман-султан, заметно прибавив в шаг.

– Сообщи мне через Муслима-агу, когда привезут Гюрбюза-пашу во дворец и когда мой сын вернется, – попросила ее Нериман-султан.

– Да, конечно.

Беспокойство и чувство неведения (а что же дальше?) угнетает Валиде Нериман-султан поярче, как она сама считала, чем если бы она уже точно знала, кто жив, а кто мертв. Непонятно, к чему готовиться. Наверное, только беспрестанное напоминание самой же себе о том, что она – корона на куполах этого необъятного дворца – оттягивало момент, в который Нериман-султан могла взмахнуть на все происходящее рукой и закрыться у себя в покоях, не разговаривая ни с кем, и не подпуская к себе никого. И однажды уже такое было, – даже Муфидахатун, и та, не сумела ни чуткими словами, ни вкусными яствами, ни мыслями о вечном размягчить ее душевную закоченелость.

Нериман-султан обхватила тяжелыми от перстней руками бока, уставившись в середине пустой дворцовой галереи.

Почти как неживая, как погасшая свеча, со стороны сада по этой же галерее возвращалась Шафак-султан.

– Доченька, – незамедлительно мать подошла к своему ребенку, – ведь еще ничего неизвестно. Помнишь, как однажды Гюрбюз-паша заснул в библиотеке дворца, а там произошел пожар? Свеча упала, пламя и охватило комнаты.

– Я помню, – глухо отвечала Шафак-султан, смотревшая себе под нос, а точнее, не смотревшая вообще никуда, не заинтересованная ничем.

– Ну ведь спасли же пашу, и следа потом от ожогов не осталось, – напомнила Нериман-султан, как бы проводя некую параллель между ситуацией в прошлом и текущей положением дел, – иди к себе, почитай что-нибудь из своих книг, почитай Коран, молись на коленях, если надо. И... все будет хорошо.

Такой теплотой и заботой доносилось от слов и их вибрации от Нериман-султан. А Шафак-султан, словно благоухающая роза, под алыми лепестками которой всегда скрывался острый подобно иголке шип. Этот шип изредка жалил, но приносил боль и дискомфорт вполне ощутимый.

– Вы с чего взяли, что я только о Гюрбюзе пекусь? Вас не смущает, мама, что пострадать могли брат (султан Абдулла), Али-бей, например? Я похожа на по уши влюбленную дурочку? – с полуприкрытыми глазами, стуча по пуговице своего платья, проблеяла Шафак-султан, обнажив тот самый пресловутый шип. Она смотрела на Нериман-султан не как на родную мать, и даже не как на Валиде-султан, а как на тетку, которой вдруг взбрело в голову пройтись вдоль и поперек по перипетиям ее души.

Нериман не знала, просто представить не могла, что ответить дочери. И было это вовсе не удивлением, а, скорее, очередным столкновением с изменчивым характером любимой дочери. Сегодня она роза, нежная, скромная, будто освещающая дорогу всем и каждому, а завтра она репейник.

– Пусть уж лучше, – решила подобными словами закончить бессмысленный диалог Шафак-султан, – Гюрбюз-паша умрет...

– Аллах с тобой! – воскликнула Нериман-султан, – что ты такое говоришь? Я понимаю, у тебя сдают нервы, но надо же держать себя в руках!

И в коридоре повисла тяжелая серая пауза.

– Сообщу Муслиму-аге и Алтынджак-калфе, чтобы приготовили тебе ромашковый шербет, – сказала Нериман-султан, понимая, что в подобной ситуации она больше ничего не может сделать.

– Просто, если Гюрбюз-паша умрет, будет проще, – тихонько проблеяла Шафак-султан, как бы возвращаясь к той же теме, на что в ответ получила непонимающий и недоумевающий взгляд матери.

– Мне тогда не придется страдать и переживать о нем, сотрясаясь мыслями «а что же будет?», – закончила Шафак и добавила:

– Надоело страдать.

Султан Абдулла знал: пока его оруженосцы и личная прислуга не сообщат о том, что мечети и его прихожанам ничего не угрожает, браться за поиски матери Акджан не просто бесполезно, но и опасно. Единственное, в чем он был непоколебимо уверен – Акджан, как девушка, проявившая отвагу и смелость, сродные мужчине, должна быть подле него. А в такой неспокойной обстановке – тем более.

– Повелитель, люди вон расходятся, – встретив на пути Падишаха, имам Хасан Акари поспешил доложить ему обстановку, – Аллаху было угодно избавить нас от предателя прежде, чем он совершил свое черное дело.

– Это так, – кивнул султан, но только Аллах, – и падишах, как о том и предполагала Акджан, указал рукой в ее сторону, – эта девушка – источник мужества и смелости. Она обезвредила крестоносца.

Духовник многозначительно посмотрел на смущенную Акджан-хатун. И подобное поведение рождало в Хасане Акари твердую убежденность в высоконравственных мотивах со стороны девушки. Правда, до определенного момента.

Акджан с первого дня своей жизни, казалась, знала себе цену и еще никогда не торговалась в угоду фальши, лжи, разврата и всяческой похоти. Ее мать была строга, но отнюдь не деспотична: справедливость и любовь к девочке сформировали такой прекрасный союз в воспитании Акджан, что она никогда не давала себя обидеть, и была уверена в подобном поведении, потому что знала, что за ее спиной всегда найдется тот, кто сначала погрозит пальцем, а потом скажет: «Я все равно тебя очень люблю». Таким человеком в жизни Акджан была ее мама... Последнее, в отношении чего Акджан хотела бы допустить мысль, – это смерть родной матери.

Зная себе цену и отдавая отчет тому, что, если бы не она, вряд ли бы сейчас Падишах стоял перед имамом, Акджан вначале заулыбалась, отбросив в сторону ужимки, после откинула движением головы пресловутую прядь волос, а затем посмотрела прямо в глаза Хасану Акари. Ее взгляд словно говорил: «Надеюсь, вы запомните это лицо и будете знать, кто спас вашего султана».

Имам испытал странное чувство: на него будто свалили груды камней. То ли он на старости лет слишком остро и гипертрофированно воспринимал, казалось бы, гордость за саму себя, то ли Акджан действительно начала перегибать палку.

Кивнуть в ответ Акджан, как бы имитируя словами «понял, буду знать» было тем единственным, на что решился Хасан Акари. Но ладно бы на этом все закончилось. Акджан напрягла губы, вытянув их вперед и взмыла еще чуть выше голову, когда казалось, что выше уже и некуда. И только султан Абдулла по собственной невнимательности не удосужился обратить внимание на подобное поведение. Странно, что Акджан это пугало.

Но Хасан Акари – человек духовный. Стены этой мечети стали ему не просто вторым домом, а домом первостепенным и самым важным на пути к нравственному совершенствованию. Казалось бы, страсти, порывы, зависть, ревность, гордость, тщеславие, честолюбие и прочие, сильные, сокрушительные качества были чужды его восприятию – имам сумел подчинить их себе, потому что отлично понимал, насколько бременен этот мир. Погоня за материальным благом, за мнимыми ценностями – это то пустое, которое никогда не приведет человека к Всевышнему. Возможно, именно поэтому для него не было затруднительно обратиться к девушке со всей искренностью и той любовью, которой любит Аллах каждого своего подданного:

– Да будет во благо, дочка. Ты любимая раба Всевышнего.

Акджан было понять и прочитать ее изнутри не так просто, как казалось на первый взгляд. На место четко отъявленной гордости проступила, как снежная проталина, скромность:

– Если бы только мы смогли найти мою маму. Мне очень нужна помощь.

Султан Абдулла осознавал, что найти мать Акджан сродни выплате долга их семье за спасенную жизнь. И он хотел как можно скорее рассчитаться.

– Предателя заключат в темницу моего дворца. Хорошо, если он остался жив – так мы можем узнать, от кого этот неверный получил приказ, – сообщил имаму султан Абдулла.

– Да от Папы это все идет, – ни минуты не сомневался Хасан.

– Выясним, – утвердил Абдулла, – стража стоит у главных ворот. И люди, смотрю, тоже начали расходиться.

– Господь позволил нам пережить эту напасть, – взмолился Хасан Акари, облокотившись рукой на кафедру, где он еще несколько часов назад безо всякого опасения и страха возносил благословенные строки из сур Священного Корана.

– И все же стражу я оставляю дежурить у ворот мечети, – беспокоясь о безопасности мусульманской святыни, распорядился султан, – ведь ранили Гюрбюза-пашу. Кто знает, вдруг тот предатель не единственный... Аллах с тобой.

– Повелитель! – окликнул покидавшего его падишаха Хасан Акари, вспомнив о том, что у него остался крест – вероятно, тот самый, который обронил проникший в святыню убийца.

Будучи убежденным в бесценности этой вещи в поиске других предателей, имам вручил главный христианский атрибут в руки Падишаха.

Карета с Гюрбюзом-пашой и Али-беем неслась в сторону дворца Топкапы. И вряд ли можно было ехать иначе, ведь жизнь визиря находилась под угрозой – чем скорее доберутся, тем больше вероятности сохранить паше жизнь. Во дворце, как никак, достаточно опытных лекарей и необходимых лекарств.

– Совсем плохо? – слушая уже семь минут нескончаемый стон Гюрбюза-паши, который тот тщетно старался заглушить, спросил Али-бей – абсолютно искренне, без единого намека на колкость и злорадство.

Но вместе столь же адекватного ответа Гюрбюз-паша зашипел – то ли от невыносимой боли, то ли от невозможно сказать что-либо. Правда, как начал догадываться Али-бей, подобные звуки были вовсе не отголоском боли. Даже сейчас, в крайне тяжелом состоянии, визирь Гюрбюз-паша умудрился выискать мгновения для того, чтобы... посмеяться!

– Не терпится тебе, да? – выпалил Гюрбюз, скрепя зубами.

И на этом этапе Али-бей понял, что лучше промолчать и ничего не спрашивать больше – визирь видит в телохранителе врага, и притормозить свои обвинения даже в подобном состоянии, как оказалось, не хочет.

– Когда... – продолжил Гюрбюз-паша, разговаривая практически нечленораздельно, – Шафак... с-с-султан... будут выдавать зам... замуж...

И речь, без того невнятную, прервал незначительный кашель.

– Замуж... за тебя, – продолжал Гюрбюз.

Али-бей метнул взглядом на пашу, ошеломленный и потрясенный его словами. Только сейчас он понял, что, вероятно, раненый визирь ревнует телохранителя к своей жене – Шафак-султан. Самое неприятное, что Али-бей не знал, как разубедить упрямого пашу в том, что он ошибается.

– Купи ей кольцо... из... из яхонтов-в... Я не успел... просто... – с невероятной тяжестью, скопив остатки сил, выдавил из себя Гюрбюз-паша.

Али-бей в безмолвии продолжал считать минуты до прибытия в султанский дворец.

Дворец Падишаха изобилдовал не только роскошными нарядами и тканями, сияющими на коронах бриллиантами и убранством в покоях господ – было выделено и место для виновников, всевозможных предателей, которые в процессе служения султанской семье сбились с истинного пути, поддавшись соблазну или давлению извне. Иной раз провинившихся рабынь зашивали в мешок и через специально оборудованную для этого трубу сбрасывали в пролив Босфор. Его холодные, даже ледяные воды, душили своими языками еще прежде, чем человек успевал захлебнуться. Такова расплата за неверность, бездумную погоню за роскошью и всяческого рода воровство. Но было в великолепном дворце еще одно место, которое со страхом в глазах и дрожью в голосе вспомнит сейчас любая наложница, которой довелось хотя бы раз перешагнуть порог этого помещения: оно мрачно, оно не похоже ни на что другое, оно гнетуще... Его стены давят на тебя, и тебе становится нечем дышать. Так или иначе, но с течением времени человек здесь начинает сходить с ума и просто умирает от невозможности переварить собственные же страхи. И имя этому месту «тюрьма».

И двери в это поистине сакральное, окутанное множеством тайн и хладнокровия, сегодня открылись в очередной раз. По приказу султана Абдуллы, а теперь уже и под предводительством Махмуда-паши в голые сырые стены темницы выкинули, словно паршивого пса, предателя, который готовил покушение на падишаха в окрестностях Айя-Софии.

Холодная, прямиком из босфора, вода из кувшина, окатила лицо и проникла сквозь черную ткань плаща, надетого на обезвреженного предателя. Как и предполагал сам Махмуд-паша,

вражеский посланник остался в живых. И это просто прекрасная возможность исполосовать вдоль и поперек тело изменника, и продолжать это делать до тех самых пор, пока, не в силах больше терпеть адские страдания, его язык сам произнесет нужное имя.

Установив громким и хлестким движением опустошенный кувшин на примощенном к стене столике, стражник понимал, что осталось дело за малым – дожидаться, когда убийца придет в себя, чтобы вдоволь воздать ему по заслугам.

И если стражнику тюремная комната с ее запахом плесени и сырости была близка, как рубашка к телу, то влажный затхлый воздух и холодный неровный пол так и вторили очнувшемуся предателю, что следующие минуты его жизни будут приравнены к аду. Хотя, безусловно, многое, практически все, зависело от него самого. Осталось решить для себя, что представляет наиболее ценность: верность заказчику, или жизнь, несмотря на предательство.

Покидая вместе с последними людьми стены Айя-Софии, султан Абдулла, Акджан и стража решили обогнуть мечеть.

– Повелитель, простите меня, если что не так скажу, но не кажется ли Вам, что подобным образом мы не сможем отыскать мою маму? – пусть и с опаской, но Акджан посчитала крайне необходимым изложить свои соображения султану, тем более, что он к ней располагает как к собеседнице.

– Я уже думал об этом, – вздохнул падишах, – если твою мать не убили, то, вполне вероятно, могли увезти на вражескую территорию.

Акджан закивала головой, полностью разделяя мнение султана Абдуллы.

– Посему, – Абдулла легонько обхватил плечи девушки, – настало время познакомить тебя с моим дворцом, с моей семьей. Я тебе клянусь, что, пока не станет известно хоть что-нибудь о твоей маме, я тебя в беде не оставлю. Ведь я обязан тебе жизнью, а Падишах не слыл оставаться должником.

– Дворец? – Акджан растворилась в детской наивной улыбке. Откуда ей было знать, что скрывается под понятием «дворец». Первое впечатление, которое возникло в голове у непосвященной девушке – это огромное здание, а также, наверное, множество коридоров, комнат, а галереи пестрят персидскими коврами и шторами из Дамаска... За всю свою жизнь Акджан лишь дважды посчастливилось увидеть дворец Топкапы – на картинках в книгах по истории, и в одном из своих снов.

– Некоторое время ты поживешь во дворце. Прикажем слугам перевезти твои вещи? – решительно, словно стрела, султан Абдулла обозначил свое решение.

Акджан, вся довольная, и чуточку стесненная, кивала головой. Словно и не нужна была ей уже никакая мать. И сама девушка могла предположить, что ее внешний облик и реакция могут свидетельствовать об этом. Но так ли важно кому-то что-то доказывать, когда в душе ты знаешь, что действительно для тебя было, есть и остается самым ценным и дорогим?

– Бисмилляһи-р-Рахмани-р-Рахим. Альхамдулилляһи раббиль «алямин. Ар-Рахмани-р-Рахим. Малики яумиддин. Иййака на'буду ва иййака наста'ин. Иһдина ссыраталь мустак'ым, – оставив едва пять сантиметров между переносицей и страницами книги, женщина-хафиз читала священные строки первой суры Корана в покоях Валиде Нериман-султан. И она, и Гюзель-султан с шехзаде Коркутом, и Бейхан-султан с шахзаде Хасаном, и Шафак-султан, и Муфида-хатун, и Алтынджак-калфа с Муслимом-агой – каждый своим присутствием вкладывал частичку духа Аллаха в то пространство, что окружало его. Вибрация была такой мощности и силы, что у Шафак-султан внезапно скатилась чистая, словно младенческая слеза, орошая ее напряженное лицо. И даже непонятно, что именно порождало сейчас весь спектр этих чувств. В одном ли только желании увидеть еще раз всех живыми крылась эта растроганность...

Нериман-султан, переведя взгляд сквозь толщу платка, на Шафак-султан, поспешила положить свою руку поверх руки дочери, отдавая без остатка всю нежность и материнскую заботу. Оттого Шафак-султан не выдержала...

Гюзель-султан, ее слуги, Алтынджак-калфа и иные слушатели молитвы посмотрели участливо на Шафак-султан, отреагировав на звуки рыдания, которые госпожа тщетно попыталась скрыть, прижав платок к губам и носу.

Даже слуги – Алтынджак-калфа и Муслим-ага – посмотрели друг на друга в данный момент. И в их взгляде нельзя было прочесть и увидеть ровным счетом ничего. Разве что некоторую, на подсознательном уровне, участливость ко всему, что происходит в этих покоях.

– Я рядом с тобой, – Нериман-султан прошептала дочери на ухо.

Ей нетрудно было догадаться, что Шафак-султан все еще корит себя за ту не совсем приятную сцену в галерее. Женщина, тем более мать, всегда все поймет – слов не надо.

В центральные двери покоев несколько раз постучали, да так ненавязчиво, будто не хотели стучать вовсе.

– Муфида, – Нериман-султан подняла голову на свою хазнедар, стоявшую подле тахты с госпожами, и кивнула ей.

Муфида-хатун же передала аналогичный сигнал двум прислужникам возле дверей и те открыли покои.

В покои вошел Али-бей. Чтение Корана прервалось. Женщины, все как одна, заслонили лицо платками. Чтица же Корана не оставила на своем изможденном постаревшем лице ни одного нагого фрагмента, не считая глаз.

– Госпожа, – скрепив руки чуть ниже пояса, оруженосец выполнил почтенный поклон в сторону Нериман-султан и ее дочери.

– Госпожи, шехзаде, – он повторил поклон в сторону Гюзель-султан и Бейхан-султан вместе с их наследниками.

– Что случилось, Али-бей? Ты не видишь, что Коран читают? – возмутилась Нериман-султан, наращивая повышение голоса, – что тебя сюда привело?

– Я как раз хотел извиниться за то, что так бесцеремонно вмешиваюсь, госпожа, – глухо и тихонько произнес Али-бей со свойственной ему сдержанностью в эмоциях, – да кто я такой, чтобы быть вхожим в стены гарема. Мое место не здесь.

– Ближе к делу, – стальным суровым голосом Нериман-султан поторопила Али-бея.

Но он, вместо того, чтобы быстренько протараторить причину своего внезапного прихода, создал многозначительное молчание на несколько мгновений.

– К сожалению... – начал он, – в ходе этого вопиющего нападения во время службы в Айя-Софии...

И все в покоях застыли в ожидании новости, каждый прокручивая свой исход событий – у кого-то он был более, а у кого-то менее положительным и добрым.

– Визирь Гюрбюз-паша...

Шафак-султан опустила вниз глаза. Ей уже не хотелось плакать, несмотря на то, что было пару минут назад.

– Предстал перед Всевышним. Вот это я и пришел сообщить, посчитав, что это важно, – закончил Али-бей.

4 глава

– Ах, как же так? Все-таки отравленная была стрела? – раздосадованная, спросила Валиде Нериман-султан у глашатая бед. И сегодня таким глашатым выступал никто иной как хранитель покоев султана – Али-бей.

– Точно установить не удалось, – с ноткой ужимки произнес Али-бей: и оно понятно, ведь о том, отравленной было стрела, или все-таки нет, никто так и не узнал, поскольку условия были совершенно для подобного не подходящие.

– А где мой сын, ты мне скажи? Где султан Абдулла? – с более выраженным беспокойством засуетилась Нериман-султан, – уж когда Махмуд-паша приезжал – а Абдуллы все по-прежнему нет. Говори уже, что там случилось. На чистоту.

Али-бей же воспринимал и интонацию, и характер речи Валиде-султан ровным счетом как упрек в его адрес, мол, это он сам не доглядел, и всю вину по, хорошему свалить на плечи прислуги. Но не первый день оруженосец стоит на страже жизни падишаха. Он просто понял в один прекрасный момент, что пребывать в роли серого кардинала не так уж плохо – зато располагаешь более, чем достаточной информацией. Той информацией, которую не достать больше никому.

– Государь вместе со стражей изволил остаться подле мечети, чтобы успокоить народ и проконтролировать обстановку. Будьте уверены: как только паника прекратится, повелитель вернется, – объяснил Али-бей, – кроме того, при покушении на повелителя произошел еще некий инцидент, связанный с одной девушкой.

Гюзель-султан посмотрела на личную служанку, на расстоянии вытянутой руки располагавшуюся от нее. Посмотрела так, словно у нее земля загорелась под ногами. Она уверена в одном: пока он не разберется и не выяснит во всех подробностях, что это за девушка, о которой уже дважды упоминают, покоя ей не знать.

– Тело Гюрбюза-паши сейчас там, около входа во второй двор, – уточнил Али-бей, – это так внезапно все произошло... Буквально недавно визирь еще разговаривал, но в один момент ему стало так плохо. Мое мнение – паша просто не выдержал. Да примет его Аллах у себя.

Нериман-султан сомкнула, насколько это возможно, близко, веки. И из-под тяжелых, тенями и краской окутанных век, проступал неоднозначный, сколько-ядовитый взгляд – взгляд недоверия.

– Аминь, – с холодком проговорила Валиде-султан.

– Да будет земля, – слышалось вдруг от женщины-хафиза, – нашему Паше Хазретлери пухом. Да примут его в Раю.

Пусть и скрипучим, даже с каким-то непонятным скрежетом, чтица Корана и разговаривала, но в искренности сих слов никто из присутствующих в покоях не сомневался.

– Аминь, – прозвучало единым стройным гулом.

– Прикажете тело паши перевезти во дворец госпожи – Шафак-султан?

Нериман-султан так боялась даже украдкой посмотреть на лицо, казалось бы, родной дочери: а вдруг она от этого еще сильнее закроется или поведет себя совершенно непредсказуемо на фоне озвученной новости. Однако Валиде-султан осмелилась: ее нежная, и в то же время тяжеловесная от драгоценностей рука, прикоснулась к платку дочери. Приоткрытое лицо Шафак-султан отнюдь не выдавало в себе только что овдовевшую молодую женщину. Ее настроение с натяжкой можно было назвать горьким.

Нериман-султан вопросительно взглянула на дочь: перевозить ли Пашу к ним во дворец?

– Как пожелаете, мама, – ровно, прямо, безэмоционально проговорила Шафак-султан.

– С вашего разрешения, – молодая женщина поспешила покинуть комнату, почувствовал словно осуждающие взгляды со стороны всех остальных. Но ни у кого, включая прислугу, даже в мыслях не было осуждать Шафак-султан. Напротив, каждый из них был готов, в случае необходимости, поддержать госпожу.

– Муфида, не оставляй мою птичку одну. Ты же видишь, как ей плохо, – не могла не попросить о помощи самого верного и преданного и себе, и этому дворцу человека Валиде.

– Я собиралась за ней пойти, – в поклоне Муфида-хатун поспешила вслед за Шафак.

– О, Аллах, что за день такой, – выдохнула Гюзель-султан.

Нериман-султан сглотнула, а после приняла решение:

– Пусть тело Гюрбюза-паши перевезут во дворец Шафак-султан.

Али-бей поклонился.

После того, когда Али-бей, прислужники, Алтынджак-калфа и Муслим-ага покинули покои, Гюзель-султан, словно нарочно выжидавшая подходящего момента, окунулась с головой в страшно интересующий ее вопрос.

– И все-таки кто это девушка?

– Гюзель, – строгий, недовольный голос осуждающе прошелся от макушки до пят по невестке, – вернется повелитель – узнаем. Давайте-ка расходиться. У меня и без того голова болит. Я должна быть рядом со своей дочерью. Гюзель, Бейхан, возвращайтесь к себе.

– Как пожелаете, – будто соловей, пропела Гюзель-султан. Стремление вновь завоевать расположение Нериман-султан было для нее превыше всего остального. Но в одно из мгновений некая присосавшаяся мысль не давала ей покоя.

Бейхан-султан, осматривая глазик шехзаде Хасана, взяла его на руки, и даже вздрогнула, когда, совершенно непредсказуемо, заметила на своей особе взгляд Гюзель-султан. Это был взгляд, источавший отвращение. Лишь на первый взгляд в подобном действии не было никакого смысла, тем более, в сложившихся условиях. Но почувствовал, как пьедестал Гюзель-султан, пусть и незначительно, пошатнулся, следовало напоминать всем остальным кандидатам, что пьедестал занят, и место здесь уступать никто просто так не будет. Именно это и хотела проиллюстрировать Бейхан Гюзель-султан.

Этот тяжелый, не только для отдельных личностей, а, пожалуй, для всего города, день, степенно и плавно клонился к закату. Только природа, как рука и зеница Божья, вторила сквозь нежные лучи заката и легкий, свежий ветер утешительную энергетику Всевышнего...

Дворцовая стража изрядно перепугалась: каждый из охранников напряг свои мускулы, а рука была наготове, чтобы вынуть меч из ножен и зарубить намертво любого, кто изъявит желание проникнуть внутрь. Ситуация сложилась весьма нетипично для работавших здесь уже не первый год стражников: на улице вечереет, а к воротам со стороны дворцового сада подъезжает чья-то карета. Если бы это был падишах или иные представители династии, они бы въехали со стороны второго двора. Да, сколь бы ни был велик и масштабен дворец Топкапы, а каждая дверь, каждый коридор, всякая галерея и любой канделябр здесь имеют не только свое название, но и маленькую биографию.

На удивление стражи во дворец въехала карета как раз падишаха.

Султан Абдулла откинул шелковистые, вышитые позолотой, шторы, и поспешил самостоятельно открыть дверцы кареты.

Словно пушечные ядра, двое стражников рванули с исходных позиций в сторону повелителя мира, дабы помочь ему – услужливости, выработанной за годы жизни во дворце, им было не занимать. Да и их воспитанием занимались лучшие учителя.

Откинув прочь пресловутые шторы, стража с благочестием и, в малой степени, показушной услужливостью освободила султану Абдулле дорогу.

– Добрый вечер, повелитель, – поздоровался один из стражников, довольно высокий симпатичный молодой человек.

– Помогите девушке, – опустив тему с приветствием, падишах кивнул в сторону кареты.

– Девушке? – страж переглянулся с симпатичным товарищем.

– Я могу и сама, – легким движением руки отодвинув занавески, заявила Акджан.

Девушка пребывала в замешательстве, соединенном с легким волнением. Волнение напомнило ей годы учебы в медресе, как раз перед очередным экзаменом, которые девушка без проблем сдавала челеби. Как вспоминает Акджан, в медресе служил один пожилой учитель, Мехмет-челеби, которому на вид было все девяносто, а то и сто лет. Все в Стамбуле наслышаны о его познаниях в самых разнообразных областях научного знания. Некогда интеллигентный старец промышлял благотворительностью, которая, конечно, была не так уж легальна: видя на тот момент бедственное положение семьи Акджан, в конце уроков, Мехмет-челеби отсыпал в мешочек для Акджан парочку золотых. Фонтаны с садом певучих свиристелей дом Акджан не мог себе, безусловно, позволить. Хватало на самое необходимое, что удовлетворяло основные потребности в семье Акджан. Отца у нее не было – погиб на фронте, во время столкновения с арабскими мамлюками.

– О, это их обязанность, – объяснил с благожелательностью султан Абдулла. Действительно, по сформированной иерархии дворцовая стража занимала не утешительное положение. Султан вполне нормально платил, и достаточно.

– Как пожелаете, – словно мед пролился на лицо Акджан, и она с восторгом подала руку стражнику. И такая реакция со стороны девушки была вызвана, по большей части, ее собственными же красочными мыслями: наверняка, султан Абдулла издали дает понять, что она его заинтересовала. По крайней мере, Акджан допускала и хотела допускать такую перспективу.

– Вот это да-а-а, – с неподдельным восхищением и с приоткрытым ртом протянула Акджан. Перед глазами колонны, еще колонны, а вдали еще, будто сотни колонн, а на само верху льется тусклый, вероятно, от лампад и свеч, свет сквозь окна дворца Топкапы.

– Это еще что, – подметил Абдулла, – вы еще главного не видели.

– Да? – протянула Акджан, – пройдемте во дворец?

– Для этого мы и приехали, – отвечал Абдулла, – прошу.

Насколько же насытило женское самолюбие все эти вежливые и ласковые повадки со стороны султана – Акджан аж сдержаться не могла, то и дело играя всевозможными мышцами на лице. Стража и та, посмотрела вслед девушке словно на ненормальную.

С моря дул холодный пронзительный вечерний ветер. Муфида-хатун вышла на террасу опочивальни Валиде Нериман-султан, чтобы справиться о госпоже, а заодно укутать ее плечи нежно-салатовой, как бы в тон платья, шалью.

Ковры, два подноса с угощениями, создававшими эстетический вид, факелы, факелы, одни зажженные факелы... Терраса была своеобразным дополнением к основным покоем. Зачастую дворцовая знать, а иногда и челядь, использовали террасу как возможность понаблюдать за всем, что происходит за пределами необъятного Топкапы. Более удобного, а вместе с тем и приятного, способа освидетельствовать события дворцовой лужайки и сада, в этом дворце не было.

– Госпожа, вы замерзнете, – обеспокоенная за свою хозяйку, Муфида-хатун затянула шаль покрепче.

– Ну мне же больно, – всхлипнула Нериман-султан.

– Простите, – затаив дыхание, шепнула хазнедар.

– Задушить ты меня хочешь, наверное? – неоднозначно проговорила Нериман-султан. Правда точно не с негативными побуждениями.

– Извините еще раз. Вы ведь не так давно простудились, и мне...

– Да я шучу, – обернувшись в сторону Муфиды, успокоила ее доброй реакцией Нериман-султан.

– Муфида, я так переживаю за Шафак, – добрый нрав вновь уступил место горечи в поведении Нериман-султан.

– Смерть мужа – трагедия, это да. Но время все излечит. Госпожа со временем излечит свои душевные раны, – подумала Муфида-хатун.

Однако Нериман замотала головой:

– Нет, меня занимает не это. У нее была довольно странная реакция. Причем я это заметила еще прежде, чем сообщили о смерти Гюрбюза-паши. А уж потом так и вовсе она стала вести себя как безумная. Ой, не знаю...

– Валиде-султан! – примчался, запыхавшийся, Муслим-ага, – султан Абдулла только что вошел в гарем.

Метнув глазами, загоревшимися надеждой и любопытством, на агу, Нериман-султан поспешила в гарем.

– Гюзель-султан, повелитель вернулся во дворец. Он там, внизу, вместе с какой-то девушкой. Ну-у-у, той, наверное, о которой все говорят, – прибежала доложить новости в комнату к своей госпоже ее личная служанка – Марьям-хатун. Невысокая, всего восемнадцать лет отроду, рабыня, с милыми чертами лицами и пухлыми щечками. Оттого прислуга сбавляла ей еще пару лет, считая девушку совсем еще крошкой, которая, по неизвестным никому причинам, решила добровольно себя отдать в «лапы» чудовища-гарема, где каждый день кто-нибудь на кого-нибудь так криво посмотрит. Хорошо еще, если не убьет. Но свое положение Марьям устраивало.

Гюзель-султан посмотрела в сторону рабыни, но все обстоятельства сыграли точно не на руку ее душевному и психологическому равновесию:

– И ты только сейчас мне это говоришь?

Наложница старшего наследника уткнула руку вместе с платком, на котором что-то вышивала, на тахту. Да так, что та изрядно прогнулась внутрь.

– Что случилось? – на голос матери и рабыни вышел шехзаде Коркут из детской комнаты.

Гюзель вовремя собралась, откинув дурные помыслы:

– Приготовь мне мое самое, слышишь, самое красивое платье.

Марьям уже соскочила с места, как внезапно задержалась на голос госпожи:

– Не то голубое с пестрой вышивкой – нет! – подчеркнула Гюзель, – приготовь мне платье, которое подарила Нериман-султан.

Марьям задумалась, а после вспомнила:

– Пурпурное со стразами, плечами и вырезом по бокам?

– Именно, – улыбнулась Гюзель.

– Но ведь вы условились, что будете надевать это платье только для сугубо важных поводов. И Валиде-султан так сказали. Боюсь, ей это не понравится. Опять вас Валиде-султан отчитывать будет, когда все разойдутся, – не могла не выразить своих беспокойств Марьям-хатун.

– П-х-х-х, – вздохнула Гюзель-султан. Порой она была вынуждена напоминать слугам, что их удел служить, и не более того, но иногда даже этого делать не хотелось, потому что было уже бесполезно.

– Ты не понимаешь, да? Абдулла явился в гарем с этой девушкой. Я не могу выглядеть как попало. Только с-самые лучшие наряды, с-самые лучшие колье и серьги, и с-самые благоуханные масла! – сказала Гюзель-султан, – приготовь это все. И поскорее.

– Хорошо, госпожа, – протараторила Марьям-хатун, снова соскочила с места и снова была остановлена словами своей госпожи.

– Ты не видела эту девушку? – спросила Гюзель.

– Нет, – покивала головой Марьям-хатун.

– О чем вы говорите? – свое слово решил вставить в диалог и шехзаде Коркут, все время смотря то на обеспокоенную маму, то на заполошенную служанку.

– Иди сюда, Коркут, – Гюзель-султан протянула руку шехзаде.

Акджан пару минут, как вошла в стены дворца, как обошла порядка трех галерей, а пока не удалось встретить ни единую живую душу – словно все вымерли в одночасье. Да и султану Абдулле подобная обстановка доверия не внушала. Как Акджан не покидала надежда на то, что мать жива, так и Абдулла не сомневался, что Горбюз-паша выживет. Но что-то ему подсказывало, что хорошего ждать не придется.

– Пройдем в гарем. Может там что-то знают, – предложил Акджан султан Абдулла.

– Гарем, – с воодушевлением и вместе с тем ноткой загадочности, произнесла Акджан, – у меня с этим слово ассоциируется куча разных рабынь, которые призваны служить султану, а еще подслушивания, переглядывания, заговоры...

– А вам абсолютно правильно кажется, – подметил султан, обернувшись на девушку. Он не ожидал, что она настолько метко охарактеризует превратности султанского гарема, – я даже поражен. И откуда вы знаете?

– В книгах читала, – уточнила Акджан.

– Превосходно, – оценивающе произнес Абдулла, – моя спасительница жизни еще и образована, просвещенна.

– О-о, о Просвещении во всей Европе уже говорят, – не пожелала упустить возможности блеснуть своей осведомленностью Акджан, – знаете, даже...

– Гарем – действительно удивительное место, – ни с того, ни с сего, как грохот среди ясного неба, втиснулся в речь девушки султан Абдулла. Ему не очень было интересно слушать о Европе, тем более от девушки. Султан посчитал, что негоже вмешиваться в такие вопросы.

Акджан поджала губы, посмотрела на выражение лица Абдуллы, а после опустила глаза, не отставая от правителя.

– Но от интриг, заговоров и скандалов на сегодняшний день и следа не осталось, – убедил девушку султан Абдулла.

– Неужели? – как бы не доверяя, спросила Акджан. Не хотела, чтобы это прозвучало несколько дерзко, но именно так и получилось.

Султан Абдулла сбавил шаг и посмотрел в лицо Акджан:

– Муфида-хатун, а также моя мать Нериман Валиде-султан тщательно поддерживают порядок в гареме. Вот так.

Султан самодовольно улыбнулся.

– М-м-м, – протянула Акджан, захлопав глазами.

– О, а вот и Муслим-ага, – заявил Абдулла, увидев приближающегося главного евнуха.

Акджан непроизвольно перевела взгляд на евнуха. Для нее здесь все новое. Да и сам этот день должен запоминаться девушке надолго. В нем она и мать, вероятно, временно потеряла, в нем же и обрела возможность попасть в резиденцию Османской династии, о чем даже

не могла помечтать. Собственно, и не мечтала никогда. Акджан было той девушкой, которая жила сегодняшним днем и ценила каждый момент в действии.

– Повелитель, – поклонился с учтивостью Муслим-ага, а из-за поклона, ввиду игры света факелов, его лицо обрело еще более смуглые тона. Через мгновение евнух повторил то же самое действие и в сторону Акджан, как бы для приличия.

– Валиде-султан, ваша наложница Гюзель-султан и все остальные сейчас там, в общей спальне, с девушками, – доложил об обстановке главный дворцовый евнух.

Султан принял к сведению услышанное, а Акджан с любопытством стала рассматривать столпившихся за спиной Муслима-аги молоденьких девиц. На вид каждой из них было не более семнадцати лет. И они о чем-то переговаривались между собой, а между переговорами хихикали.

– Смотрите, эта та девушка, которая спасла султана в мечети, – сказала одна из них, шмыгнув глазами впереди себя, показывая остальным то, что увидела сама.

– А ты откуда знаешь, что она? – ухмыльнулась вторая.

– Я не знаю, – отвечала, не задумываясь, та, – но я так думаю.

– А она ничего... Симпатичная, – подметила третья.

– А-ха-ха! – поддержали смехом две те же первые наложницы третью.

– Гюзель-султан вряд ли будет довольна, если у этой девушки что-то получится с нашим повелителем, – продолжала третья.

– Тихо ты! – осадила ее вторая.

– А что? Они и вправду неплохо смотрятся, – поддержала третью рабыню первая.

– Мне кажется, если нас сейчас услышат, Валиде-султан повелит с корнем тебе вырвать язык, как Бейхан-султан, – припугнула двух других рабынь третья, которая подчеркнула приятную внешность Акджан, – и будешь ты, дорогая, и ты тоже, до конца жизни нема и глуха!

– Ну глуха-то я точно не буду, – посмеялась вторая.

– Хватит!

Посплетничав и заметив на себе зацепившиеся взгляды падишаха, девушки, словно бабочки, разбежались, кто куда.

– Всыплю им плетей, – тихонько, басовитым голосом, проговорил Муслим-ага, предположив, что падишах явно недоволен безрассудным поведением рабынь.

– Неважно, – сказал султан Абдулла, ничего не слышавший из того, о чем щебетали рабыни, а после отпустил евнуха. Гарем – место, требующее постоянного контроля и порядка, потому Муслиму-аге, как одному из главных лиц там, негоже надолго покидать свое, по сути, рабочее место.

– Ну что, пойдем знакомиться с моей матушкой, и другими членами моей династии? – спросил у Акджан султан Абдулла.

И здесь Акджан снова вспомнила дни экзаменов, которые она сдавала в медресе – та же дрожь, то же прерывающееся дыхание. Девушка была явно взволнована.

– Я хорошо выгляжу? – наполнив и без того крупные глаза, опаской, поинтересовалась мнением повелителя Акджан.

– Более, чем, – поспешил успокоить ее Абдулла. Надо быть дураком, чтобы не заметить, в каком замешательстве пребывала Акджан. Повелитель даже особо не рассматривал внешность спутницы, к тому же, в столь тускло освещенном коридоре. Он просто решил заронить в девушку зерно уверенности.

Робкое дыхание, постукивание веками и подергивание безымянным пальцем левой руки всецело дало понять стражнику, что, к счастью, лазутчик выжил. Но самая сложная и долгая миссия еще впереди – надо как-либо разговорить изменника.

На вид это был молодой человек двадцати пяти – тридцати лет. На лице недлинная борода из выющихся волос, а сам практически лысый – едва пару волосков, будто не общипанных еще, прилипло к голове по обе стороны от висков в сторону затылка.

– Dove sono? (Где я?) – с напряженной на лице мускулатурой выхлопнул из себя чужеземец. Его произнесение действительно чем-то напоминало выхлоп пыли, которая рассеивается из залежавшегося ковра после удара по нему.

– О-о-о, – протянул стражник, опустившийся на корточки, – ты еще и иностранец.

– Lasciami andare (Отпустите меня), – снова что-то выпалил на иностранном убийца.

К сожалению, стражник не понимал, о чем говорит неверный, и даже не смог догадаться, на каком языке враг излагает свои мысли. К подобному он не был подготовлен, однако быстро сообразил, как можно исправить эту загвоздку.

Сначала страж покинул стены темницы, насколько возможно прочно заперев после себя деревянную, разбухшую от сырости и влаги, дверь.

– Э, – взмыл кверху голову, словно пьяный, чужеземец. В подобной ситуации первая мысль, которая пришла ему в голову – это попытаться выбраться отсюда. Невзирая на нехватку физических сил, молодой мужчина перевернулся на колени, откидывая в сторону плащ, чтобы не мешался, и оперся руками на холодные камни пола тюрьмы.

Мгновение спустя деревянная дверь с грохотом и дребезгом раскрылась, и в тюрьму вошел совершенно другой человек. Судя по одежке, тоже стражник, по крайней мере, из этого же клана. Но на этот раз более молодой, более хилый и пониже ростом.

– Liberami da qui (Освободите меня отсюда), – будто бы помолившись, с трепетом жалости в глазах обратился к пришедшему неверный.

Новый стражник смекнул, что к чему, и, недолго думая, задал ответный вопрос:

– Capisci il turco (Ты понимаешь по-турецки?)?

Неверный закрутил головой в стороны.

Стражник закусил губу, а после поставил к стене ружье, которое ему передал предыдущий страж.

– Aiutatemi. Ho un sacco di Oro. Conosci Il Padre Di Urban? E l'ordine dei crociati (Помогите мне. У меня много золота. Знаете Папу Урбанта? А орден крестоносцев?)? – с мольбой о помощи воззвал к стражнику, опустившись коленями на твердый холодный пол, лазутчик.

– Ammettiamo (Допустим), – стражник моргнул.

– О! Eccellente! Mi sembri una brava persona (Превосходно! Ты мне кажешься хорошим человеком), – заулыбался неверный, вообразив себе в голове цепочку картинок его безболезненного освобождения и возвращения, как ни в чем не бывало, на родину, под заботливое крыло Папы, – Vedi, è uscito un errore. Sono stato spinto qui per errore. Non e' colpa mia. (Понимаешь, вышла ошибка. Меня по ошибке сюда засунули. Я ни в чем не виноват.)

– Non sarebbe colpa tua, non saresti stato gettato in prigione (Не был бы виноват, тебя бы не бросили в тюрьму), – ни минуты не предаваясь сомнениям в собственном выводе, сказал стражник.

– Ho un sacco di Oro. Al porto. Nel porto di Ono, in barca (У меня много золота. В порту. В порту оно, на лодке.), – напомнил, начав уже навязываться, шпион ордена.

– E quanti (И сколько там?)? – весьма неожиданно для лазутчика спросил вдруг стражник, почесывая подбородок.

– 100 000 Lire italiane (Сто тысяч итальянских лир), – с радостью отчитался иностранец.

В общей спальне звенчали чашки, ложки, вилки, тарелки. Девушки перемещались туда-сюда. Обстановка чем-то напоминала комнату созерцания: вроде бы никто ничего не говорил, либо, если и разговаривал, то очень тихо, а людей много. Былолюдно, поскольку Валиде-сул-

тан с остальными членами династии тоже расположилась сегодня в спальне рабынь, пожелав встретить султана здесь.

– Госпожа, может быть прикажем наложницам принести с комнаты для занятий арфы... гитары? – предложила Гюзель-султан и принялась вспоминать музыкальные инструменты. И в это же время оценивающе окинула взглядом собственный наряд – пурпурная ткань нежными струящимися бликами отливалась из-за света канделябров и шандалов. Отнюдь не глубокое, но с роскошной вышивкой декольте, едва не перетягивало на себя все внимание. Казалось, что Гюзель-султан была похожа сегодня на прекрасную куклу, где каждый бриллиант, всякая цепочка и любая прядь волоса лежала в том самом правильном месте. Что и говорить, если только при входе в спальню на госпожу принялись оборачиваться наложницы и даже евнухи. Только потому, что она выбрала воистину роскошное и дорогостоящее платье, и все прилагаемые к нему дополнения.

– Это еще зачем? – не приветливо отозвалась Нериман-султан, восседавшая на тахте. Все в округе было заставлено подушками, но больше всего подушек располагалось именно на тахте. Оттого фигура Нериман-султан воспринималась еще выше, чем обычно, по сравнению с остальными, – ты же знаешь, что мы переживаем дни траура. Посидим в тишине.

– Как вам будет угодно, – четко, словно выделяя каждое слово, произнесла Гюзель-султан, и попробовала боковым зрением понять, как на это отреагировала Бейхан-султан, сидевшая поодаль от нее. Но ничего такого не заметила. Ее и без того наполняет сегодня чувство уверенности и стойкости. Нериман-султан же явно была не довольна, что невестка надела ее подарок, несмотря на условности. Но эти помыслы ограничивались лишь воображением Гюзель.

– Мама, если позволите, все-таки я вернусь к себе в покои. А потом я бы вообще хотела переехать в наш с пашой дворец, – попросила разрешения у Нериман-султан Шафак-султан, – покойным пашой, – добавила она в заключение.

– Зачем спешить, дочка? Да и что тебе делать в том дворце одной? – не согласилась Нериман-султан.

– Тогда позвольте хотя бы сейчас вернуться к себе в комнату? – настаивала Шафак-султан.

– И Абдуллу не дождешься с нами?

У Шафак-султан хватило сил и терпения только с тяжестью вздохнуть. Она просто устала просить разрешения, когда даже сил нет это самое разрешение вымаливать. Но на этот раз Нериман-султан поняла дочь без слов и также без лишних слов отпустила ее.

И спустя некоторое, очень незначительное время, в ташлык пожаловал султан Абдулла. Момент, который ждали многие, наступил.

– Ну наконец-то, – подобрав платье, встала на оповещение Муслима-аги, Нериман-султан.

Гюзель-султан, чтобы лишний раз не мять ткань платья, вытянула своей служанке Марьям-хатун насаженную перстнями руку, и та помогла ей подняться с подушки.

Бейхан-султан также, взяв шехзаде Хасана на руки, приготовилась приветствовать султана.

Шаг за шагом падишах осветил гарем своим появлением, и на лицах всей его засветились глаза. И также шаг за шагом, правда менее уверенно, в гарем вошла Акджан-хатун. Едва успела войти, как Гюзель-султан метнула на нее взгляд. И как бы ни было странно, первая, на кого Акджан по чистой случайности, обратила внимание, была Гюзель-султан. Возможно, из-за наряда, а возможно, и нет.

– Добро пожаловать, сынок, – поприветствовала сына-повелителя Нериман-султан, успокоившись. Впервые успокоившись за сегодняшний день хотя бы на некоторое время.

5 глава

Вначале Нериман-султан была убеждена, что свое возвращение султан Абдулла сопровождает и какой-либо разъясняющей речью – каждому присутствующему в комнате страсть как хотелось погрузиться в подробности последних событий. Не исключение составляли и наложницы, которые зажужжали, как пчелы в улье, как только падишах вошел в гарем.

– Гюльджие-хатун, посмотри на ту, что очень легко и быстро сумела сместить тебя с твоего места, – обратилась к подруге одна из рабынь, максимально направив взгляд вверх – тяжело было что-то доподлинно рассмотреть, стоя с опущенным в поклоне головой, да еще и позади членов династии.

– К чему ты это? – не поняла молодая светловолосая с тонкой, словно кипарис, талией, рабыня, – я о большем и не мечтала. Мне вполне себе хватило одной ночи с повелителем.

– Да, да, – не поверила другая рабыня, став невольным свидетелем этих перешептываний.

Гюльджие плавно обернула взгляд на эту выскочку, но вовремя взяла себя в руки и нашла, что ответить:

– Я хотя бы ночь провела в покоях падишаха, а у вас и того не было.

Она посмотрела в сторону одной рабыни – та стояла, как в воду опущенная, не зная, что на это сказать. Метнула глазами на вторую – картина примерно та же. Гюльджие-хатун, как наложнице, которой однажды посчастливилось попасть в покои султана Абдуллы, ничего не оставалось, как самодовольно улыбнуться, осадив сплетниц. Она искренне не понимала, почему Акджан следует воспринимать уже как потенциальную соперницу.

Султан Абдулла не невольному случаю заострил внимание на внешнем облике Гюзель-султан – своей главной фаворитки и матери старшего шехзаде – шехзаде Коркута:

– Гюзель, ты сегодня очень красива.

Радости Гюзель-султан не было границ: лицо расплылось в скромной улыбке, а сердце затрепетало.

– Благодарю, повелитель, – ответила Гюзель-султан на комплимент повелителя. Тихонько. Сдержанно.

– А ты не знаешь, что у нас происходит? – обратился Абдулла к Гюзель же.

Молодая женщина непроизвольно подняла голову: слова султана плетью прошлись по телу Гюзель-султан, которая жуть как боялась утратить авторитет в гареме. Да все это происходит еще на глазах у незнакомой девушки, которую Абдулла привел в гарем. А Акджан не теряла ни минуты: она внимательно наблюдала за тем, о чем и кто разговаривает, а также попробовала сообразить, почему эти речи сейчас имеют место быть.

– Извините. Просто... мне, как вы и сказали, хотелось вас порадовать, – на опережение мыслей, которые ступором встали в голове Гюзель, она высказалась в свое оправдание.

– Ты уже все знаешь? – с опаской в глазах спросила у сына Нериман-султан.

– О Гюрбюзе-паше? Да. Только что Махмуд-паша сообщил – я столкнулся с ним в галерее, – сказал султан Абдулла.

– Как же так можно, сынок? Как умудрились неверные проникнуть в здание мечети? – активно жестикулируя, Валиде Нериман-султан подчеркнула свои страхи и вместе с этим недоумевание по поводу того, насколько легко взять и убить Пашу в такой, казалось бы, великой империи.

Султан Абдулла закрыл на секунду глаза и поводил слегка головой, дав понять матери, что причины для паники рассеялись, как тучи на небе:

– В темницу доставили лазутчика, что совершил на меня покушение. Ну-у, как сказать, покушение... Если бы не воля Всевышнего и одного очень отважного человека, в Риме и во всей Европе бы уже во все трубы трубили, что падишах, султан Абдулла Хан, предстал перед Всевышним. Да здравствует победа христианского мира!

– Не допусти Господь, – взмолилась Нериман-султан в ответ на театральщину сына.

– А он и не допустил, мама, – с чувством уважения к Акджан, султан Абдулла решил подвести разговор как раз к этой девушке. Правда прежде он посчитал, что с девушкой должны познакомиться не только члены династии.

– Все рабыни сейчас присутствуют здесь? – уточнил султан Абдулла.

– Муфида? – вопрошающе посмотрела на хазнедар Нериман-султан.

В свою очередь Муфида-хатун окинула взглядом просторы общей спальни, но так сразу сказать что-либо было трудно. В связи с этим просьбу Валиде-султан Муфида переадресовала молоденькой Алтынджак-калфе.

– Я поднимусь на второй этаж, если кто-то остался в комнате, я приведу девушек, – отчиталась калфа.

– Что им делать в этих комнатах... – прошептала Нериман-султан.

– Валиде, – набрав в легкие воздуха, произнес Абдулла, а после, взглядом обращаясь ко всем остальным, включая, конечно же, своих наложниц Гюзель- и Бейхан-султан, продолжил, – позвольте представить вам девушку, которая, заметьте, одна, сама, – султан делал характерные паузы между практически каждым из этих слов, – можно сказать, спасла меня от руки нечестивца.

Акджан-хатун не смела смотреть вверх – смотрела вниз, смущаясь и утопая в собственной гордости за этот момент. Она очень давно не испытывала ничего подобного. Все эти достопочтенные благородные господа, распрекрасные шелка, наряды, драгоценности, которые мотыльком кружили в голове Акджан, едва она вошла в гарем, и, только представить, среди них находится сейчас Акджан. Та, что еще позавчера вечером вышивала розочку, сидя возле камина рядом с мамой. Все было хорошо. Все было на своих местах. Мама была рядом. Немножко душасей рутины, но зато все стабильно. Что сейчас судьба готовит, Акджан не могла даже предполагать.

– Позвольте представить, – Абдулла развернулся к девушке, а после указал на нее рукой, – Акджан-хатун – обычная девушка, пришедшая на службу в тот самый день в Айя-Софию.

Девушка поспешила выполнить кроткий поклон: она едва заметно преклонила колени. Адресовала поклон как бы в сторону всех присутствовавших в общей спальне. Конечно, поклон был абсолютно не таким, как полагается, но и дворцовому этикету она пока еще не была обучена ввиду отсутствия времени. Ее мысли занимало только стремление показаться всем, чтобы все запомнили, кто она, и что ей удалось сделать. Она – оторвавшаяся от плотины дощечка, которую сейчас несет куда-то вдаль неподвластное, но теплое и стройное течение.

Глаза, пожалуй, каждой женщины, что пребывала в общей спальне, готовы были насквозь засветить растерявшуюся Акджан – все уставились на нее. Даже Нериман-султан где-то вдалеке почувствовала некое ущемление, а то и конкуренцию. Абсолютно ничего – ни фигура, ни повадки, ни манеры, ни лицо, ни волосы, ни наряды – объективно не могли ударить по статусу хоть одного из собравшихся. Но не внешний лоск, а внутренняя энергетика, аура, будто состроенная из камня, вынудила более половины гарема затоптаться на месте. Несмотря на столь благородный поступок, ни одна из рабынь не горела страстным желанием поближе познакомиться с Акджан. Что тут можно было сказать – никто не знал.

Никто бы не заметил, но располагавшаяся в самом отдаленном уголке общей спальни Бейхан-султан восприняла новое лицо в гареме совсем иначе, чем остальные. Если бы не беже-

вая мягкая шторка справа, и не силуэт Гюзель-султан слева, даже сам бы султан Абдулла стал свидетелем искренней чистой, как у младенца, улыбки на лице Бейхан-султан. Но Абдулла был увлечен не ее, а улыбкой Гюзель-султан. Наверное, никто в ташлыке не преподносил себя с такой крепкой уверенностью, как главная фаворитка падишаха. Ее уголки губ, устремленные ввысь, чуть прищуренные глаза, и шикарные, отблескивавшие от света огня, локоны, обратили на себя внимание Акджан-хатун. Это уже не первое столкновение взглядов так и говорило о том, что женщины почувствовали ментальную связь друг с другом. Эта связь образовалась на основе соперничества. Когда Гюзель устала на Акджан, последняя почувствовала некое неуважение в свой адрес. Без слов. Просто от взгляда в свой адрес.

Повисло очень некрасивое молчание. Как ценитель искусства, поэзии, литературы, музыки, вкусных яств и драгоценных металлов, Нериман-султан посчитала, что, раз никто ничего так и не сказал, следует спасать обстановку, чтобы она не выглядела нелепой:

– Замечательно, что есть у нас в государстве еще такие женщины, – слово «женщины» Нериман сопровождала отъявленным скепсисом в голосе, – которые готовы жизнью пожертвовать ради повелителя.

Словно бальзам на душу, восприняла данные слова Акджан, и в стеснении припустила голову, а потому и не заметила: как только Нериман-султан, казалось бы, искренне подчеркнула достоинство поступка девушки, так тут же обесценила значимость собственных же слов. Мать султана закатила вверх глаза – очень сложно было признавать чьи-то успехи, тем более, когда за этими успехами стоят честные и подлинные мотивы, а не алчность или корысть.

Гюзель-султан сделала то же самое – отзеркалила мимику Нериман-султан, но отнюдь не в отношении Акджан, а в плане самой Нериман-султан: женщина была до последнего уверена, зная Валиде-султан далеко не первый день, что ей лучше с гордо поднятой головой распрощаться со статусом в гареме, нежели кого-либо похвалить. Тем более, если этот «кто-то» с позиции гаремной иерархии никто.

– М-м, я забыла, как вас там зовут? – неожиданно для многих, Гюзель-султан обратилась к Акджан, играя, конечно, на публику.

– Акджан, – в один голос произнесли сама девушка и султан Абдулла.

– Акджан-хатун, а как это вы так ловко сумели обезвредить убийцу? На вид вполне хрупкая скромная простая девушка, а поступок прямо-таки героический, – со скользкой и ядовитой интонацией спросила у Акджан Гюзель-султан.

Только Акджан открыла рот, чтобы удовлетворить любопытство этой красивой, но враждебно настроенной женщины, как откуда-то сверху почти в самый центр общей спальни метнулось что-то стеклянное. Конусообразная стеклянная субстанция рухнула на мраморную выстилку. Из осколков вытекало янтарное, словно мед, вязкое масло.

Все тут же взмыли голову наверх. Как оказалось, одна из лампад, которая составляла основу люстры, по непонятным причинам сорвалась вниз и треснула. Все изрядно перепугались – ключевую роль сыграл фактор неожиданности.

– О, Аллах, – выдохнули многие.

– Ну-ка уберите это, – обернувшись к ряду наложниц, Нериман-султан отдала приказ навести порядок в спальне.

Трое девушки соскочили со своих мест.

Муфида-хатун остановила взгляд на люстре, визуально оценивая ее состояние, а после обратилась к Нериман-султан:

– Она уже как-то раз падала сюда.

– Ох, и перепугалась я, – накинув на себя шелковую шаль, пробурчала Нериман-султан.

Алтынджак-калфа, только спустившаяся с этажа для фавориток, вручила одной из рабынь металлический совочек, а другой – веник, собранный из сушеных трав.

Сей момент перетянул на себя внимание и мысли каждого. Кто-то и вовсе принялся искать в этом безобидном, на первый взгляд, инциденте, какой-то тайный и сакральный смысл. Одним из этих людей была Нериман-султан. Женщина не верила в такие вот бытовые случайности.

– Валиде, – в разговор вмешался султан Абдулла, дождавшись, пока все успокоится, – если позволите, Акджан-хатун сегодня отдохнет. Она очень устала, и день был сегодня для всех нас очень тяжелый. Я хочу, чтобы для девушки выделили отдельную комнату в гареме, где она сможет переночевать.

Тем самым Акджан так и не успела рассказать о подробностях спасения Абдуллы, а Гюзель-султан не смогла насладиться отчетом со стороны этой девушки.

Гюзель-султан не впервые затыкают рот в этом дворце. На этот раз это сделала, как ни забавно, обыкновенная люстра. Но если бы она не научилась справляться с этим, то давно бы была выслана вместе с шехзаде Коркутом в старый дворец. Неприятное чувство она сумела вовремя укротить, не дав ему вылиться в гнев или обиду. Невозмутимая улыбка и гордая осанка, как хороший лекарь, держали Гюзель в руках.

– Кроме того, Айя-Софии Акджан потеряла свою маму. Я пообещал, что отплачу девушке за ее отвагу и найду ее мать, – добавил не менее важные, а в некотором смысле, ключевые сведения, султан Абдулла.

Нериман-султан моргнула в знак согласия.

Пока мать с сыном разговаривали, Акджан-хатун подняла голову и осмотрела гарем в той его части, в том числе, еще раз на пресловутую люстру: перед ней предстал второй этаж, который всецело в архитектурном плане имитировал балкон, с которого с любопытством наблюдали за всем происходящим другие рабыни – человек десять в общей сложности. Акджан-хатун только сейчас заметила, сколь же много глаз в этом дворце. И лишь единицы из этих глаз способны смотреть на тебя с искренностью, без фальши и двусмысленности.

– Повелеваю, чтобы для Акджан-хатун выделили отдельную комнату. То время, пока не отыщется ее мать, девушка будет жить в отдельной комнате. Если понадобится, приставьте слуганок, – напомнил султан Абдулла, уверенный в том, что предыдущий раз его просьбу просто напросто проигнорировали.

Вот тут-то чаща терпения Нериман-султан переполнилась.

– Сынок, ты с ума сошел? Это... Ну так не положено! – всхлипнула Валиде-султан.

Гюзель-султан заметно занервничала, только и уповая на силу влияния матери на своего сына. Немая, с отрезанным языком Бейхан-султан же была воле падишаха даже рада.

– По заведенным порядкам... – принялась вспоминать об обычаях Валиде, однако речь прервалась возмущениями султана:

– Что не положено, мама? – несколько повысил он голос, – вознаградить человека за благородный поступок? Я вам еще раз говорю: если бы не она, – Абдулла указал пальцем на застеснявшуюся и зажавшуюся Акджан, – неизвестно, вернулся бы я вообще во дворец, или нет.

Нериман-султан в безвыходной ситуации: она больше не смела возражать сыну. Иногда бурю лучше переждать, чем ломиться в ее очаг на поломанных досках.

– Валиде-султан, но все комнаты заняты, – подметила Алтынджак-калфа, подходя к Нериман.

– Что? Покоев свободных нет? Ну так выселите кого-нибудь с верхнего этажа. Некоторое время пусть поживет в общей спальне, – распорядился султан Абдулла, подчеркивая особое отношение и уважение к Акджан. Несмотря на недопонимание между ним и матерью, Абдулла оставался на стороне справедливости. В справедливости своего решения он ничуть не сомневался. На словах о выселении из комнаты каждая из рабынь, имевшая отдельную комнату, или

живущая вместе с другими девушками, почувствовала себя под прицелом – никто не хотел освобождать комнату незнакомке.

Пока в гареме с почетом приветствуют падишаха, его телохранитель – Али-бей – как и всегда, как и полагается по положению и статусу, дежурил на входе покоев падишаха. Как бы ни хотелось холодному сердцу воспринимать все прелести дворца и его жизни с невозмутимостью, обязательно отыщутся те вопиющие искорки, которые заставят обратить на себя внимание, оторвав взгляд от подлинного пламени империи. А это пламя – султан Абдулла Хан Хазретлери, а также непоколебимая верность и служба ему. Но вокруг всегда столько страстей, интриг, заговоров и скандалов, что «удержаться» вдали тяжело. Особенно, когда сердце в груди не так уж и холодно, как может ощущаться на первый взгляд.

Поникшая Шафак-султан, с опустевшими, бездонными очами двигалась в сторону брата-повелителя. Фигура женщины спровоцировала Али-бея невольно взглянуть в ее сторону. Правда через мгновение Али-бей вернулся в исходное положение. Лицо госпожи ему виделось сейчас, по неизвестным причинам, в виде судьи в прекрасном женском обличье. Как будто даже стены дворца, – и те, только и ждали момента, когда Али-бей допустит ошибку и поскользнется. Тяжелое чувство наполняло султанского телохранителя.

– Али, повелитель еще не вернулся во дворец? – подошла Шафак-султан, тихим нежным голосом задав вопрос.

Вместе с султаншей ветер из гарема донес ароматы... Эта палитра мягкой хризантемы со сладкой розой взбудоражила голову беспристрастному Али-бею. Возможно, беспристрастному лишь до этого момента...

– А он только что почтил дворец своим присутствием. Вместе с той девушкой, что спасла его. Вы разве не знали? – сказал Али-бей, забыв о поклоне и посмотрев на дочь Валиде-султан.

«Вы разве не знали?» – Али-бей десять раз пожалел, что сказал это – уж больно дерзковато это прозвучало. И это не могла не заметить Шафак:

– Откуда же я знала? Я вышла из гарема. Мне плохо...

– Пусть все плохое останется позади, госпожа. Гюрбюз-пашу все очень любили и уважали, – отвернувшись от султанши, утешал ее Али-бей.

– Ну да, любили все, – оценивая и взвешивая слова хранителя покоя, сказала Шафак, – все-е.

Немного подумав, она спросила:

– Как умер Гюрбюз-паша? Я знаю, что его во дворец ты сопровождал. Стрела, которой ранили пашу, была обмазана ядом?

– Д-да, – не задумываясь, отвечал Али-бей, а потом кашлянул, чтобы избавиться от скопившейся слизи в горле, – буквально за несколько минут до прибытия во дворец Гюрбюз-паша скончался в карете.

Шафак-султан скорее поверила словам хранителя покоев, чем не поверила. Сил разбираться в чем-либо у нее не было. Только ее занимал один очень тонкий вопрос.

– А за что тебя так не любил в последнее время Гюрбюз-паша? – вспоминая прошлое, Шафак-султан сделала полшага вперед.

«Этого не хватало» – метнулось в голове у Али-бея. Как на воре горит шапка, так и на лбу мужчины проступила пара тройка капелек пота. Тут еще и факел, так ярко коптящий, уставленный чуть ли не в лицо.

– Даже не знаю, что вам сказать. Паша ведь, как вы знаете, в последние дни своей жизни был таким подозрительным, – начал Али-бей.

– Подозрительным? – грубый голос Шафак совсем запугал хранителя покоев, – что же в нем подозрительного?

– Извините, госпожа, – улыбнулся Али, – я не могу вам ничего не сказать в отношении этого вопроса. А... – мужчина поднял голову на Шафак-султан, – для чего вы хотели встретиться с повелителем?

– А я могу сказать, – словно и не было последних слов от Али-бей, словно она их не слышала, Шафак-султан вернулась к теме о подозрительности Гюрбюза-паши, – покойный Гюрбюз-паша ревновал меня к тебе.

– Да что вы? – засуетился Али-бей, выдохнув и засмутившись.

– Предположим, что все это фантазии паши, – Шафак-султан хотела проштудить эту тему вдоль и поперек, – а если нет? Разве дым без огня бывает?

– Ну, когда угли тлеют в камине, например, если дрова уже заканчиваются, то... Огня там обычно не бывает видно, – словно читая научную лекцию, сказал Али-бей, даже не подозревая, что Шафак-султан это может воспринять сродни издевке. Но госпожа наклонила несколько в сторону голову и в любопытстве раскрыла глаза.

– Т-с-с! – усмехнулась Шафак-султан.

И только такая реакция позволила Али-бею отбросить предрассудки и, не задумываясь о последствиях, улыбнуться в ответ госпоже. Он и похорошел, и взбодрился, и живее стал сразу.

Шафак-султан прижала верхней губой нижнюю и повертела зрачками то влево, то вправо, поражаясь непредсказуемости тихого и незаметного, как тень, хранителя покоев брата-повелителя. Только Али-бей выдохнул, как снова пришлось поднапрячься.

– Он ведь правда ревновал меня к тебе, – повторила Шафак-султан, проведя рукой по своим пышным черным, как уголь, кудрям, распластавшимся на плечах и спине.

– Я не знаю, – уже устав доказывать свою непричастность, выдохнул Али-бей, – могу вас уверить и перед ликом Всевышнего поклясться, что повода для ревности я паше не давал. Не понимаю, откуда он это взял.

– Да я тоже думаю, что ты умный, а, главное, преданный падишаху молодой человек. Ты говорил, что «любовь и эти все чуткости не для меня», – начиная убеждаться в невинности Али, заключила Шафак-султан, – я рано утром планирую отправиться в наш с покойным пашой дворец. Оповести евнуха Муслима-агу, чтобы был готов завтра сопровождать меня.

– Но по обычаям вас должен сопровождать кто-то из визирей или беев, – спохватился Али-бей, ибо Шафак-султан собиралась покинуть коридор. Своими словами он намекал ни на кого иного, как на себя.

– Нет, я желаю в качестве сопровождающего видеть Муслима-агу, – холодно и размеренно произнесла Шафак-султан, удаляясь в конец коридора.

– Повелитель, – Акджан поспевала за Абдуллой, клича его. Девушка была явно обеспокоена тем решением, что принял падишах. Абдулла спешил к Шафак-султан. Как-никак, она частичка его души, родная сестра, которая лишилась мужа, и так внезапно, непредсказуемо овдовела. Пусть и никакие слова не способны утешить в подобно горе, оставить сестру без своего внимания Абдулле не позволяла совесть. Но прежде нужно было выслушать Акджан.

– Говори, – Абдулла остановился.

– Так неудобно получилось. Когда мы уходили, Нериман-султан, ваша мasha, так странно на меня посмотрела, – изложила свои терзания Акджан, – может не стоит никого выгонять?

– Кого не надо выгонять? – не понял Абдулла.

– Ну вы сказали, что комнату нужно кому-то освободить в угоду мне, поскольку свободных комнат нет.

– Да ты не думай об этом, – расслабился падишах и своим добрым нравом, и незамысловатым выражением лица автоматически расслабил и Акджан, – в этом гареме все, абсолютно все и вся зависят от моего слова. Как скажу, так и будет.

– Хорошо, – почувствовав себя, словно за каменной стеной, согласилась Акджан.

Пока падишах разговаривал, Акджан изучала его черты: молодое свежее фактурное лицо покрылось щетиной, которая была настолько аккуратно выбрита, что, казалось, парикмахер Фырат-эфенди прибегнул к математическим расчетам, чтобы нигде не проскользнул вопиющий пушок, могущий нарушить гармонию. Острый длинный нос подчеркивал во внешности султана Абдуллы черты аристократичности. Если бы падишаха облачили в одежду обычного крестьянина, то его лицо, особенно, само его выражение, «закричало бы» всякому в округе, что этот мужчина благородны, высоких кровей. И на фоне всей этой высокопарности, соединившейся во внешности султана Абдуллы, четко читалась доброта – она уравнивала в султани черты естественного высокомерия со столь же естественным простодушием.

– Слева от моей матери стояла молодая женщина, с черными волосами, в подпоясанном оранжевом платье с таким интересным головным убором – видела ее, да? – уточнил султан Абдулла.

– Да, она еще сказала, что комнаты заняты, – вспомнила Акджан, прокручивая этот эпизод у себя в голове.

– Это Алтынджак-калфа. Она занимается воспитанием наложниц, а также преподает уроки музыки и каллиграфии в школе. Подойди к ней, и скажи, что я приказал ей показать тебе комнату, – направил Акджан султан Абдулла, на что услышал вполне ожидаемые слова от девушки:

– Я волнуюсь. Мне неловко. Пройдемте со мной.

– Тебе не стоит быть такой зажатой, – заметил султан Абдулла, как бы поучая Акджан, и ему пришлось пойти вместе с девушкой, потому что он чувствовал ответственность за нее.

Войдя в окуренные шафранами комнату, Гюзель-султан приказала Марьям-хатун сопровождать шехзаде Коркута в детскую – уже довольно поздно.

– Наконец-то это закончилось, – чувствуя себя поневоле актрисой театральной постановки, Гюзель-султан вздохнула, прислонив руки к левому уху.

Тут подошла Марьям-хатун и поспешила госпоже помочь снять сережку.

– Что ты думаешь об этой девушке, которая спасла повелителя? – истерзанная вся мыслями об Акджан, Гюзель-султан поделилась этими же мыслями с личной прислугой. Ей было нужно, чтобы кто-нибудь сказал, что все хорошо, и повода для беспокойства нет.

– Ничего особенного, – искренне считая именно так, сказала Марьям-хатун, – ну а ее поступок, конечно, заслуживает уважения. Не каждая девушка осмелится защитить незнакомого мужчину, рискуя собственной жизнью.

– Не каждая, – Гюзель передразнила служанку, – она даже не успела рассказать, каким таким чудесным образом ей удалось спасти Абдуллу. Тц... Все это очень подозрительно и совсем непонятно.

– А, по-моему, она простая. Одета как простолюдинка, – очевидно преуменьшив реальность, сказала Марьям-хатун, а после положила самое тяжелое по массе и роскошное кольцо Гюзель-султан в шкатулку. Объективно Акджан не производила впечатление простолюдинки, если посмотреть на нее одеяние. Марья-хатун преследовала одну единственную цель – растворить все поводы для беспокойства со стороны своей госпожи.

– А зачем было делать взгляд? Словно «смотрите, какая я тут умная, смелая, спасла самого падишаха», – подсознательно воспринимая Акджан как конкурентку, сказала Гюзель-султан.

– А вы помните, повелитель сказал, что, как только найдут ее мать, она уедет отсюда? – вспомнив хоть что-то хорошее, на свой взгляд, Марьям поделилась этим с Гюзель-султан.

– Я тоже надеюсь, что она не задержится, – вздохнула Гюзель.

– Зато как она на вас посмотрела-а.

– Эта девушка? Как?

– Она поняла, что вы здесь авторитетное лицо, – подметила служанка, – ваш наряд, осанка...

Эти речи очень кстати сыграли на самолюбии возгордившейся Гюзель-султан. Когда всяческие предрассудки были откинuty в сторону, Гюзель решила посчитала, что вишенкой на торте послужил бы хальвет (ночь в покоях падишахом/шехзаде) с Абдуллой.

– Повелитель, наверное, сейчас у Шафак-султан? – предположила Гюзель.

– Да, наверное. Я тоже так думаю. Надо же поддержать сестру в горе, – изложила Марьям-хатун.

– Я соскучилась, – наполнив грудь свежим воздухом, которым нагулялись покои за последние пару часов, Гюзель-султан ударилась в грезы...

– Завтра он вас обязательно призовет, – поддержала госпожу Гюзель-султан, – ведь в связи с походом вы столько месяцев не виделись.

– Да, – все так мечтательно произнесла Гюзель.

Мраморные ступеньки, каменные стены, свисающие то здесь, то там шторы, треск фитиля в факелах – столько всяких мелочей завлекало взгляд Акджан-хатун, пока она поднималась вместе с Алтынджак-калфой на этаж для фавориток, и слушала ее.

– Завтра пойдем к Саре-хатун, она тебе покажет весь наш огромный дворец, – обратилась к Акджан Алтынджак-калфа.

– А кто это? – ступив на внутренний балкон, имитирующий второй этаж, уточнила Акджан-хатун.

– Сара-хатун – это госпожа тряпок и кипятка в этом гареме, – метафорично объяснила Алтынджа-калфа, на что Акджан вопрошающе уставилась на девушку.

– Прачка. Поддерживает чистоту в гареме, – объяснила Алтынджак, – искренне советую тебе с ней подружиться, чтобы потом голова не болела. Заходи.

Не успела Акджан переваривать информацию о грозной и суровой Саре-хатун, как она ее представила, как перед девушкой предстало две двери.

– Сюда? – указала она на правую дверь.

– Сюда! – подтолкнув девушку к левой двери, Алтынджак-калфа распахнула ее.

– Добрый вечер, – обратилась ко всем присутствовавшим в комнате Алтынджак. На сей момент в комнате была только одна рабыня, которая готовила себе постель на ночь. Обернувшись на звуки, наложница встретила взглядом с Акджан-хатун. Акджан очутилась в покоях одной из наиболее почитаемых фавориток падишаха – Гюльджие-хатун. Еще недавно девушки сплетничали вместе с Гюльджие о том, как бы Акджан не «подвинула» ее, как очень скоро женщины встретились лично. Кроме того, обстоятельства встречи играют явно не в пользу одной из тех, кто сейчас стоит в этой комнате.

6 глава

– Алтынджак-калфа, что ты здесь делаешь в такой час? Что-нибудь случилось? – предчувствуя неладное, обеспокоилась Гюльджие-хатун, взбивая подушки, чтобы комфортнее было спать.

– Тебе знакома эта девушка? – указав на Акджан, спросила у хозяйки комнаты главная калфа гарема.

– Разумеется, – моргнула Гюльджие, взглянув на Акджан, – это та самая, что спасла жизнь повелителю.

– Верно, – подтвердила слова наложницы Алтынджак, а после откашлянувшись: она понимала, что весть, которая прилетела вместе с ней в эту комнату, ужасно раздосадует Гюльджие-хатун.

– Повелитель приказал выделить для девушки отдельную комнату. В связи с тем, что все комнаты заняты, падишах распорядился выселить временно, – калфа очертила более высокой интонацией слово «временно», акцентируя на этом внимание, – из одной комнаты рабынь.

– Я слышала, я знаю. Я там была, когда отдавали приказ, – сказала Гюльджие-хатун.

– Замечательно. Поскольку сейчас уже очень поздно, встань завтра пораньше, чтобы успеть собрать вещи. Напоминаю, что это временно. Акджан, твоя кровать вон там, у окна, – наскоро разрешив все вопросы, Алтынджак-калфа хотела как можно скорее уладить это дело. Причем сделать это насколько возможно тихо и безболезненно для каждого. Но тихо не получилось.

– А-хах, – не ожидая столь вопиющего безобразия, Гюльджие поначалу даже не знала, что сказать.

– Алтынджак, ты, наверное, забыла, что я в вашем гареме числюсь как наложница-фаворитка султана Абдуллы? Я отлично помню тот день, когда въезжала в эти покои, и как Муфидахатун сказала мне, что я буду получать особые отчисления из казны как фаворитка. Я хочу сказать, что вы пообещали мне незыблемость моего статуса и положения. И что я вижу? Приходишь ты, приводишь эту... – Гюльджие вовремя сдержалась, чтобы в оковах обиды не обидеть Акджан, – девуку!

– Давайте уйдем отсюда, – не выдержав давления в свой адрес и чувства неловкости, Акджан обратилась к Алтынджак-калфе.

– Перестань называть ее девкой, – молодая калфа осадил распутившийся язык Гюльджие. Обаятельная нежная блондинка развернулась в сторону, и собрала в кучу руки на своей груди.

– Я могу и в коридоре остаться, – только бы не ссориться ни с кем, пробурчала Акджан. Эти слова вселяли обрывки надежды в Гюльджие: может быть не все еще потеряно, и скромность девушки разрешит сложившуюся ситуацию.

Алтынджак усмехнулась:

– В коридоре? А может еще на кухне? Под бочком у повара Хикмета-аги? Прости, Аллах... Что мы скажем повелителю? Вы не понимаете, что приказ отдал сам повелитель? Даже не Валиде Нериман-султан.

И в ответ никто ничего не смел сказать.

Поразмыслив немного, Гюльджие предложила альтернативный вариант развития события, подойдя к Алтынджак и Акджан:

– Раз комнаты заняты, пусть освободят другую. Почему вы выбрали именно мою комнату? Я – фаворитка!

– Гюльджие, я теряю терпение, – всхлипнула Алтынджак, – прекращай эту истерику. Акджан-хатун останется здесь.

Обстоятельства сложились вовсе не так, как хотелось Акджан. Предвосхищая косые взгляды, а может даже проклятья в свой адрес, Акджан скривила лицо.

– Моя хорошая, а что губы сморщила? Тебя ведь поселяют здесь вместо меня! Радуйся! – закричала Гюльджие, взбешенная поведением Акджан. Она даже не подозревала, что Акджан действительно была крайне неприятна ее собственная позиция – лучше действительно в коридоре переночевать, а потом что-нибудь придумать, чем в таких вот условиях.

– Гюльджие-хатун, мне ссоры здесь не нужны. Ты знаешь, что бывает за брань и драки? – решив, насколько это возможно, осадить пыл фаворитки, Алтынджак-калфа напомнила, что ее вызывающее поведение вряд ли будет стоить печальных последствий, – до Босфора рукой подать.

За одно только время правления султана Абдуллы, которое составляло четыре года, в холодные воды пролива Босфор было зашито в мешки и выброшено восемь наложниц. Их положению не позавидуешь.

– Акджан, располагайся вон там, – Алтынджак-калфа указала девушке на кровать, – а я прикажу калфам принести тебе постельное белье.

Гюльджие, закатив глаза, пошла к своему спальному месту. От одной только резкой походки Акджан уже было, мягко говоря, некомфортно. Если на первой чаше весов расположился страх и ощущение того, что она в этом дворце лишняя, то на второй чаше – доверие и ответственность со стороны султана Абдуллы. В некотором смысле даже забота. И эти весы никак не балансировали – напротив, вторая чаша заметно перевешивала первую.

Чувствуя, что земля уже начинает заметно накаляться под ногами, стражник от теории и анализа перешел к действиям:

– Как тебя зовут?

– Орландо, – отвечал иностранец, а затем урвал из рук стражника металлическую фляжку с водой. Вода отдавала запахом сырости и затхлости, как и вся эта темница.

Пока обезвреженный убийца султана тщетно утолял жажду, стражник метал глазами то на дверь, то на этого бедолагу в черном. Предыдущий стражник доверил ему общение с иностранцем только по одной единственной причине – стражник понимал по-итальянски. Иначе бы тот в жизни не оставил их наедине. Но дежурить возле входа в тюрьму, когда не только одежда, но и все тело просачивается запахом сырости и плесени, утомляет и в некоторой степени отражается на здоровье. Посему стражник и решил передохнуть, пока его товарищ выудит из лазутчика все доподлинные сведения, применяя его родной язык при допросе. К сожалению, все пошло не по плану.

– *Da dove vieni* (Откуда ты родом)? – запланировав последний вопрос иностранцу, страж выхватил у него из руки фляжку и глотнул сам.

– *Da Venezia* (Из Венеции), – прошипел Орландо.

– *Mi aiuterai a scappare? Per l'oro! Per l'oro!* (Ты поможешь мне бежать? За золото! За золото!) – напомнил о своем предложении мужчина.

– *Supponiamo che ti aiuti. E poi mi troveranno e mi uccideranno per averti aiutato* (Предположим, помогу. А меня потом найдут и убьют за то, что я помог тебе), – высказал свои опасения стражник.

– *Scapperemo con te a Venezia. Se giuri a Papa Urban che sarai fedele a lui, puoi presumere che tu sia al sicuro. L'oro che ho è sufficiente per la fuga, per l'alloggio temporaneo e per il cibo. Te lo assicuro* (Мы вместе с тобой в Венецию убежим. Если ты поклянешься папе Урбану, что будешь верен ему, можно считать, ты в безопасности. Золота, что у меня есть, хватит на побег, на временное жилье и на еду. Я тебя уверяю), – Орландо не верил в свои возможности и в половину того, что наобещал стражнику. Да и такое уж ли это имело значение, когда он, голодный

и ослабленный, может вот-вот освободиться из стен тюрьмы, стоит только еще немного надавить на такого простоволосого стражника.

– Come ti chiami (А тебя как зовут)? – спросил Орlando.

– Сахир-ага, – не задумываясь, представился стражник.

За дверью кто-то прошелся. Сила звука кожаной обуви, которая стучала по каменным полам, нарастала по мере приближения неизвестного к тюрьме. Но дверь была плотно закрыта, а в случае чего, у Сахира есть ружье, поэтому стражник особо сильно не волновался.

– Сахир-ага, ты скоро? Этот изменник заговорил? – обратился сквозь толстую деревянную дверь к коллеге стражник, еще недавно доверивший ему общение с лазутчиком. При всем этом для него не было секретом, насколько Сахир-ага, мягко говоря, странный человек.

– Да, у этого предателя развязался язык! – сообщил приятелю Сахир-ага, а после, взглянув на опасливое лицо Орlando, крикнул:

– Заходи!

Услышал, как некогда туго запертая дверь отворяется, Орlando замотал, завертел руками – он воспринимал Сахира-агу как товарища, и искренне не понимал, зачем он все это творит. Наверное, предложил мало золота, и посему эта сделка не заинтересовала стража.

В тюрьму вошел первый стражник. Первым делом Сахир-ага взглянул, да так пристально, на ружье, подвешенное через плечо, у коллеги. Теперь же его внимание застыло на его собственно ружье, которое стояло на стене рядом с дверью.

– Что он сказал? – в нетерпении спросил у Сахира вошедший.

– Я все расскажу, – сглотнув, пообещал Сахир-ага, – можешь мне помочь его связать?

– Связать? – нахмурился первый стражник.

– Ну подними эту нечисть, а то вдруг сбежит, – объяснил Сахир.

– Куда ему здесь бежать? – усмехнулся молодой человек, – ну... Пх, ну ладно.

Оценив поведение Сахира-аги как весьма странное, тем не менее, второй стражник, крепкотелый парень, наклонился к Орlando, дабы поднять предателя.

Пользуясь случаем, Сахир-ага протянул руку к своему ружью. Вначале парень взял его в левую, а после, почувствовав неловкость, переместил ружье в правую руку. Сахир понимал, что одной рукой он не способен ничего сделать, и крепко ухватил ружье обеими руками. Видя, как его приятель вот-вот обернется в его сторону, Сахир-ага поднял максимально вверх руки и нанес удар по голове стражника. В этот момент Сахир даже глаза прикрыл, потому что никогда еще в жизни ему не приходилось применять по отношению к кому бы то ни было силу – он был не приспособлен для этого. Потому и считали его все те стражи, с кем ему посчастливилось встретиться и дежурить, каким-то странным и необычным. Подняв руки кверху еще раз, Сахир-ага готовился повторить удар, но в этом не было необходимости: его приятель распластался во весь рост на холодном полу, будто мертвый. Сколько же восторга было в глазах Орlando! Тут же и ноги сразу перестали болеть, словно и не болели – он, как мальчишка, взметнулся на ноги, оборачиваясь на пол, на стражника.

– Grazie (Вот спасибо)! – засветился от счастья и от приятного, неожиданного исхода событий, Орlando, но Сахир-ага не встретил его с тем же восторгом.

– Заткнись! – буркнул он на турецком, вытолкнул из темницы иностранца левой рукой, а в правой оставил ружье на тот самый случай, если придется обезвредить на пути из темницы еще кого-нибудь. Теперь в голове у Сахира-аги закрепилась одна необычная мысль – убивать не так и страшно.

Орlando поведение Сахира-аги на самом деле не внушало доверия. Он решил на отчаянный шаг, так как весьма маловероятно, что такая ловкая и удобная возможность облапошить стражника еще представится когда-нибудь.

Природе наступившее августовское утро подарило волны лучистого солнышка, озарившего распрекрасную флору в садах дворца Топкапы. Вот и стражник, дежуривший у главных ворот дворца, одернул головой, осознав, что совершенно незаметно для себя вздремнул. Все бы ничего, с кем подобное не случается, все мы люди, однако и товарища поблизости нигде не было. Резиденция османов благополучно превращалась в проходной двор. Дай Бог, чтобы на глаза султана Абдуллы не попало подобное безрассудство. Кроме всего прочего, падишах сегодня не в настроении – вместе с лучезарным солнечным светом в покои к правителю нагрянули никак не лучезарные вести.

Мало того, что Шафак-султан вознамерилась, невзирая на уговоры родного брата, оставить Топкапы и переехать во дворец покойного Горбюза-паши, так еще и, что более при-
скорбно, из темницы сбежал лазутчик. Султану так и передали «сбежал». На этом информация об этом происшествии обрывается, окончательно. Эти неприятные вести Абдулле донес его верный хранитель – Али-ага. А его, в свою очередь, обо всем этом уведомил главный евнух дворца – Муслим-ага. Кто точно должно быть в курсе всего, что происходит во дворце, а иногда и за его пределами, – это евнух Муслим-ага – сорокавосемилетний блюститель тайн и порядка в гареме.

Проснувшись, Акджан первым делом обернулась в стороны кровати своей соседки по комнате – соседки не было. Постель была заправлена. Девушка спала довольно крепко и не слышала абсолютно ничего. Но, откровенно говоря, эту ночевку на новом месте можно с натяжкой назвать полноценным сном. Девушка то и дело ерзала на постели, время от времени поглядывая на враждебно настроенную Гюльджие-хатун. Наложница уснула на боку и тем самым ее взор был устремлен в сторону Акджан. Это вымораживало Акджан и невероятно напрягало. Впрочем, Акджан и не чувствовала усталости. Практически всю эту ночь девушка была погружена в уже написанные в книге жизни сцены из прошлого, и еще незаполненные страницы из ближайшего будущего: что судьба готовит? Где мама? Жива ли мама? Если жива, то как можно найти женщину в таком огромном городе – необъятном великолепном Стамбуле? Кто же такой этот шейх Ирек, который прямо настаивал на помощи Акджан тогда в мечети? Где я буду спать сегодня? Как попасть к султану Абдулле? И еще куча, просто море вопросов наперебой врзались в голову Акджан. В подобных обстоятельствах ни о каком нормальном сне не могло быть и речь.

Акджан уже успела умыть лицо прохладной водой, окуная руки в медный тазик. Усевшись на кровать, девушка взяла расческу, принявшись наводить порядок на голове: пышные темно-русые лохмы непослушно распластались на голове. Чтобы оценить внешний вид, Акджан подошла к напольному высокому зеркалу, покрытому на противоположной стороне прочным слоем амальгамы, и оценила себя: весьма лохмато, но не уродливо. Однако все же оставлять волосы в текущем состоянии она не хотела. Обычно Акджан предпочитала закалывать прядь волосы на затылке, спуская остаток вьющихся волос по бокам – на правое и на левое плечи.

В некоторый момент времени взор Акджан привлек массивный габаритный ларец, приставленный к стене, позади зеркала. Пока никого нет, она подошла к углу комнаты, но сначала подумала, что, скорее всего, открыть эту штуку не получится – наверняка все заперто под ключ. Акджан взмыла голову, огляделась по сторонам, но сразу сообразила, что никто не будет оставлять ключ на видном месте. Тем более такая изнеженная самовлюбленная принцесса, как Гюльджие. Правда Акджан предприняла попытку отворить ларец – и, о чудо, без особых усилий, крышка открылась.

Девушка тут же посмотрела позади себя, на дверь, опасаясь попасться на глаза своей соседки. Особо широко крышку ларца Акджан не осмелилась открывать. Но кое-что ей удалось заметить: внутри лежали подсвечники, отдельная связка свечей, подвязанная крас-

ной веревкой, точно тросом, подставка для благовоний и очень много маленьких прозрачных пузырьков с содержимым самых разных цветов.

Звук отпирающейся двери вынудил Акджан резким движением громко запереть крышку.

– Ты что там делаешь? – поймав за любопытством Акджан, с возмущением прокричала Гюльджие. В руке у девушки, на удивление, был примерно такой же маленький пузырек.

Для Акджан было неожиданностью увидеть Гюльджие в этой части комнаты: как только она вошла сюда вместе с Алтынджак-калфой, она даже внимания не обратила, что здесь есть еще одни двери. И Гюльджие вошла именно через эти двери. «В этом наверняка есть какой-то смысл» – промелькнуло в мыслях Акджан.

– Я искала расческу, – начав себя как-то спасать, Акджан ответила нелицеприятной соседке.

– А-ха-ха! – встретила ее с издевкой Гюльджие, – это, я так понимаю, как-то по-другому называется?

Гюльджие схватила гребешок, которым Акджан причесывалась, и кинула ей в руки. И Акджан его поймала. Оправдаться и выйти сухой из воды спасательнице падишаха не удалось.

– Она сломалась, и я подумала, может где-то здесь другая есть, – продолжала себя спасать Акджан, медленно отходя в сторону своей постели.

– Моя хорошая, ты бы научилась сначала лгать более искусно, – поддела Акджан Гюльджие, закусив из тарелки с фруктами кусочек спелого винограда. Усевшись, словно госпожа всея Османии, на кровать, Гюльджие закинула одну ногу на другую и отдала Акджан свой первый приказ:

– Ну-ка подай мне фруктов.

– Тут много фруктов, – заволновалась Акджан, смотря на тарелку, изобиловавшую яблоками, бананами и виноградом.

– Тарелку мне подай, – с заметным давлением на девушку произнесла Гюльджие.

Акджан молча выполнила просьбу фаворитки.

Гюльджие отобрала самое наливное и спелое яблоко и смачно откусила кусочек.

– И больше к чужим вещам здесь не притрагиваться, – сказала, как отрезала, Гюльджие, ублажая себя яблоком.

– Так ты и переезжаешь скоро, – напомнила Акджан.

– Не навсегда. Можешь тешить себя и изображать тут повелительницу, сколько захочется – все равно ты скоро покинешь этот дворец, – самодовольно проговорила Гюльджие.

Акджан стояла подле нее, словно нашкодившая рабыня. Ее личная рабыня и служанка.

– Что бы тебе такое приказать сделать напоследок, чтобы ты запомнила, что выскочек здесь не любят? – призадумалась Гюльджие, смотря в сторону окна, увешанного тюлем.

Акджан напрягла, казалось, каждую мышцу на лице, посторонив взгляд в противоположную от Гюльджие область.

Гюльджие-хатун по воле судьбы не успела ничего придумать – в комнату вошла громогласная толстенькая женщина средних лет. Вероятно, из-за того, что пришлось подниматься по лестнице, женщину сопровождала весьма броская одышка. Каждый, кто обращал внимание на ее грудь, невольно задумывался, как еще не надорвалось платье – очень уж она была внушительной. Мало того, что сама эта женщина – кровь с молоком – так еще и ее командный звонкий, несколько басистый голос всецело изображал в ней авторитетного человека, которого просто невозможно не заметить там, где он появляется.

– Проснулись, сони? – переместив лукумницу в левую руку, пышнотелая закрыла правой рукой двери. Причем с такой силой, словно бессознательно хотела сломать их. Но это были лишь издержки немаленького веса.

Гюльджие-хатун приподнялась с кровати и поставила тарелку с фруктами на исходное место. Выражение ее лица иллюстрировало явное недовольство:

– Что, уже пора, Сара?

– М, – женщина покрутила пальцами, мол «нет, нет», потому что ответить не могла – рот был забит лукуомом, – погоди.

Акджан исподлобья смотрела на вошедшую.

– Ты Акджан-хатун? – обратилась к девушке женщина. Ее звали Сара, как поняла из обращения Гюльджие Акджан.

– Да, – приветливо отозвалась Акджан.

– Худющая какая, – просквозив взглядом с макушки до пяток девушку, заключила Сара, хотя объективно Акджан не была и не смотрелась прямо-таки худой. Она обладала средним телосложением.

– И как тебе только сил хватило защитить самого султана? – как будто с издевкой произнесла Сара, отправив в рот очередной кусок лукума.

Гюльджие поддержала слова Сары ухмылкой.

– Так, я сейчас отведу эту – от Алтынджак и Муслима пришел приказ показать ей наш дворец. Будем, так сказать, просвещаться, – изложила Гюльджие ход своих действий Сара-хатун, – а ты пока собери свои вещи, пока никто не мешает.

– Ой-й, – выдохнула Гюльджие, с такой тяжестью, – надолго это?

– Ненадолго, ненадолго, – протараторила Сара.

– Можно я сначала причешусь? – указав на свои лохмы, и потянувшись к гребешку, попросила разрешения у Сары Акджан.

– А чем ты все утро занималась, а? – звонко пробурчала Сара, ухватив за руку Акджан и наклонив к ней свое круглое, слегка поблескивавшее, лицо, – это забавное чудо вообще еще не обучали, что ли? – обратилась она к Гюльджие-хатун.

– Да кому она нужна, – цокнула Гюльджие, подчеркивая в себе манеры аристократичности.

– Ничего, обучим, – бодренько произнесла Сара.

Акджан слушала все эти разговоры и единственное, о чем она мечтала – как можно скорее, насколько это вообще возможно, найти свою мать и бежать без оглядки из этого великолепного дворца.

Султан Абдулла созвал первый за последние четыре месяца заседание Совета, или иначе – Совет Дивана. Так называемая «политическая» часть Топкапы была отделена от части гарема. И это отделение закреплялось не только сугубо формальностями, но и соответствующими санкциями: как девушки, калфы, хазнедар и султанши не могли посещать заседания Совета по вопросам политики, так и всем мужчинам, за исключением евнухов, воспрещалось и шаг ступить в область гарема. Исключение из этого многовекового правила составляла лишь одна личность – султан Абдулла. На то он и падишах.

Время от времени сбор чиновников и духовенства Абдулла возлагал на так называемых главных, или великих визирей – лиц, всецело уполномоченных самим падишахом на решение от своего имени и печати политических и дипломатических задач. Бывали такие великие визири, которые знали больше, чем падишах. При этом ряд этих сведений они уносили с собой в могилу – редко какой великий визирь доживал до почетной старости. В первую, едва ли не в единственную очередь, это было связано с завистниками. Очень часто им удавалось путем заговоров и подлости, дабы расчистить дорожку к власти, то яду подсыпать на стол, то заказать разбойное убийство по пути из провинции. Некогда покойный муж Шафак-султан – Гюрбюз-паша – был таким же уважаемым среди сановников великим визирем. Его уважали все,

а вот он почитал единиц. Больше невзлюбил хранителя покоев – Али-бея. И те самые предсмертные речи в карете, в которых Гюрбюз-паша заподозрил Али-бея в заинтересованности Шафак-султан, ни днем, ни ночью не оставляли мыслей Али-бея. Телохранитель не подавал ни Шафак-султан, ни покойному паше, ни уж тем более правителю поводов для усомнения в своей верности. И, все же, иногда спокойный и беспристрастный, словно штиль на горизонте, Али-бей подозревал, что мог где-то проколоться. А раз эти страхи все-таки возникали, значит не все так чисто и непорочно.

– Кто-нибудь еще что-нибудь видел? – обратился султан Абдулла, восседая на троне в очень просторной зале, к государственным чиновникам. Тема заседания весьма заковыристая – найти того, кто и как помог сбежать из темницы Орландо и построить маршрут для нового похода. Как бы ни хотелось расстраивать женщин, свой гарем, который так переживал все эти месяцы за армию, пока та воевала, Абдулла уже в день покушения четко знал: поход на Венецию неизбежен.

По правую сторону от султана в почтленном преклонении головы расположились Махмуд-паша – второй визирь, и пока самое значимое лицо в государстве, после повелителя; Исмаил-паша – третий визирь – мужчина преклонных лет, аккуратная стрижка и борода которого сбавляли ему лет десять как минимум; также за пашой закреплена должность учителя во дворцовой школе для челяди и всех равнодушных к искусству росписи по дереву. Доган Реис – второй повелитель в Османском государстве – молодой и очень амбициозный парень. Стройный подобно кипарису и ловкий, как кролик. Если Абдулла – повелитель мусульманского мира, призванный нести ислам в сердца Европы, то Доган – повелитель мира морского. Будучи потомком искусного мореплавателя и тактика на море, Хызыра Хайреддина-паши, известного как Барбаросса, Доган Реис продолжал дело великого предка, служа на благо османской империи. За Доганом Реисом место занимал Али-бей – как и всегда, невидимый, незаметный, складывающий впечатление высокого воспитания и порядочности. Пока не спросят – вряд ли заговорит. Завершал стройный ряд Шейх-уль-Ислам – гроза правосудия государства в лице духовенства. Хасан Акари – так его звали.

Его прищуренный взгляд – это следствие не только естественного старения, но и плодотворного пятидесятилетнего труда на благо религии и нравственного воспитания прихожан – приходилось дни и ночи напролет изучать книги, штудировать труды великих умов в области богословия и правоведения. Зато теперь в государстве сформирован непоколебимый религиозный фундамент. Хасан Акари любит всякого, кто служит в империи, как родного сына. Как раз собственных детей у него и не было. Женой ему также не удалось обзавестись.

– Повелитель, как я и говорил ранее, Муслим-ага, когда делал обход дворца, столкнулся со стражником, дежурившим у главных ворот, – ответил на вопрос Абдуллы Махмуд-паша.

– Да, но где второй? Меня это интересует, – отметил Абдулла.

– Неизвестно, – Махмуд-паша сформировал невинный взгляд, – сам стражник полагает, что несчастного убили, а тело где-нибудь закопали.

– Что творится... – досадно вздохнул падишах, – как я понимаю, никто из них опять не дежурил, как полагается? Скорее всего, один из них спал, пока со вторым расправились?

– Наверное, – поддержал предположение Абдуллы Махмуд.

По взгляду султана Абдуллы невооруженным глазом можно было заметить, что заснувшую стражу он приравнивал к ученикам, которые провинились. Только вместо палок и розог строгий учитель уполномочен вынести решение о ссылке из дворца на галеры. И это в лучшем случае.

– Таким образом, получается, что Сахир-ага убил второго стражника, затем, ну, видимо, чтобы сбежать из дворца, расправился со стражником у ворот и... Исчез! – выстроил цепочку событий Исмаил-паша, поделившись ею со всеми остальными.

– Сахир-ага? – удивленно произнес Абдулла.

– Да, Исмаил-паша верно говорит. Сахир-ага пропал вместе с этим иностранцем, – подытожил Махмуд-паша.

– Хасан Акари, – султан Абдулла приподнял кверху руку, богато усаженную перстнями, адресуя жест Шейх-уль-Исламу.

В династии легко понимали без слов. Хасан Акари сразу сообразил, что от него хочет падишах и, опираясь на деревянную разбухшую трость, проделал несколько шагов в центр залы.

– Покажи всем, – сказал Абдулла пожилому мужчине.

Перед ликом каждого их чиновников в дряблой ладони Хасана Акари предстал атрибут, который служит рознью между Турцией и всей Западной Европой вот уже на протяжении нескольких столетий. И султан Абдулла вернул сей атрибут Хасану Акари, посчитав это разумным и уместным.

– Вы видите этот крест? – поднявшись на ноги, Абдулла направил взгляд на ладонь Хасана, – вот из-за этого, именно из-за этого лишился жизни Гюрбюз-паша! Из-за этого из города по непонятным причинам пропало бесследно несколько человек – в том числе мать Акджан-хатун. Может быть довольно, глубокоуважаемые визири?

Каждый искренне соглашался со словами и намерениями султана Абдуллы. И каждый это отразил покачиванием головы.

– Если мы не отыщем предателя Сахира-агу, сопричастного к побегу иноземца, не накажем его по всей строгости шариата за тиранию и убийство Гюрбюза-паши, не вернем в дома людей былой покой и мир, то зачем вообще нужна эта империя? Что такое, по-вашему, Османская династия? Пара тройка слуг?

Пусть султан Абдулла разошелся как в словах, так и в их эмоциональном сопровождении, но спорить с его мыслями было не только бесполезно, но и глупо.

– Махмуд-паша, назначаю тебя вместо Горбюза-паши! – внезапно объявил о решении Абдулла.

Решение оказалось более, чем ожидаемым. Дворцовая иерархия не нарушена.

Султан был настолько увлечен, что даже опустил церемонию целования подола своего платья – отпустил на место Махмуда-пашу.

– Приказываю начать подготовку. Мы идем войной на венецианцев, в сердце Европы! – скомандовал Абдулла.

– Да будет Аллах нам союзником, – проговорил Хасан Акари, поддержав султана.

– Хасан Акари, возьмите этот крест, положите его в шкатулку и храните как зеницу ока этот символ неверных, – попросил, но, скорее, больше приказал, султана Абдулла, – чтобы, когда мы войдем в их пиршественные дворцы, этот крест сгорел вместе с их королями и прислугой.

– Да будем вами доволен Аллах, повелитель! – в один голос, выражая признательность и восхищение падишаху, произнесли государственные сановники.

7 глава

Ровно три огромных сундука терпеливо ожидали, когда прислуга их перенесет по каретам, чтобы отправить в другой дворец. А среди этих сундуков прохаживались из стороны в сторону омраченная молодая, стройно сложенная, султанша – овдовевшая Шафак-султан. Поглаживая кудри, девушка смотрела на себя в зеркало, поместив его в руку. То ли свет в комнату так просеивался, то ли в свои двадцать четыре на лице начали проступать первые, такие неприятные пресловутые морщинки. В надежде разгладить кожные складки, султанша прикоснулась двумя пальцами к области под глазом и слегка надавила на нее – но складка никуда не исчезла.

Девушка опустила зеркало из руки. Симпатичное, позолотой украшенное, ювелирное изделие бухнулось в один из открытых сундуков – вглубь тканей. Сейчас Шафак-султан подумала неволей о том, что страницу жизни под красивым заглавием «любовь» можно перевернуть, а еще лучше сжечь. Страсть к жизни угасла, оставив после себя лишь дотлевающую грудку углей. Возрастные рамки не совпадали с реальным возрастом. Уже в четырнадцать, когда Шафак-султан по настоянию матери – Нериман-султан – выходила замуж за очень симпатичного юношу, который знал толк в изобразительном искусстве, девушка чувствовала себя на двадцать. Когда юноша погиб на войне, Шафак-султан поплакала день, потом еще один день, а начиная с третьего дня в ее речи больше ни разу не фигурировало имя избранника. А когда в девятнадцать узы брака соединили Гюрбюз-пашу и Шафак-султан, последняя воспринимала себя в душе на сорок лет, не меньше. Поэтому ей бывало довольно непросто отыскать ту стройную ноту в общении со своей матерью: девушка воспринимала мать словно свою ровесницу.

Так ли Шафак-султан интересовал паша, губу которого вечно косило в сторону, можно сказать, учитывая факты их личной жизни. За пять лет супруги так и не смогли обзавестись ребенком. Лекари разводили руками – супруги здоровы. Пока Гюрбюз-паша допоздна задерживался в Топкапы, Шафак-султан зачитывалась книгами. В число ее любимой литературы входили отнюдь не любовные романы, а учебники по убранству комнат, по восточному стилю, по обработке металлов, научные сборники по философии.

Однажды Шафак-султан удалось попереписываться с известным на тот период мыслителем в мире мусульман и Османской империи, в том числе. Общие темы, общие взгляды на природу, быт и мир сколь быстро соединили Шафак-султан и этого человека, столь же быстро и разорвались. Как только об этих «никчемных», на взгляд Нериман-султан, переписках, узнала мать Шафак, она приказала сослать мыслителя на остров Крит, заподозрив его в распутстве и желании разрушить семейный очаг дочери с Гюрбюзом-пашой. Когда эта тусклая, поникшая и безрадостная девушка чуть ли не кричала родной маме о том, что ей ровным счетом безразличны отношения с пашой, Нериман-султан едва ли не силой толкала Гюрбюза в постель к дочке – лишь бы не опозорить себя и не подорвать репутацию.

Шафак-султан, задержав внимание на зеркале, опустилась на мягкое сиденье тахты и мечтала о том, чтобы сама жизнь определила ее хотя бы в какое-нибудь русло. Сама она сейчас не имеет ни намеченных целей на будущее, ни амбиций для реализации целей.

Встав на стук двери, Шафак-султан приготовилась дать распоряжение слугам и Муслиму-аге погрузить сундуки по каретам. Но в комнату вошли вовсе не слуги, и не Муслим-ага. Окинув взглядом нежнейшее и даже на вид мягкое нежное-розовое платье, Шафак-султан встретила с самой несчастной женщиной в этом гареме – Бейхан-султан. Пусть с ней нельзя поговорить с помощью языка – достаточно понимающего взгляда, посредством которого Бейхан была вынуждена научиться общаться. Кого Шафак-султан точно не ожидала здесь и сейчас увидеть, так это ее. А еще этот холодный свет, создававшийся в комнате из-за облаков, вторил душевному состоянию ее самой и характеру Бейхан-султан. Это была безмолвная, но вовсе не глу-

хонемая женщина. Во времена, когда девушка была абсолютно здорова и полноценна, Шафак-султан виделась с Бейхан на праздниках и всевозможных торжествах в гареме. В комнате Бейхан-султан, в отдельной шкатулочке, по-прежнему хранится амулет, подаренный ею Шафак-султан в день рождения шехзаде Хасана. А в последнее время черноволосой султанше редко приходилось с немой матерью наследника сталкиваться с глазу на глаз. Но что теперь ее привело в покои сестры султана?

– Здравствуйте, – замедленно произнесла Шафак-султан, соединив руки в замочек.

Бейхан-султан моргнула, и вместе с тем кротко улыбнулась.

– Тетя! – убежав от вездесущей прислужницы, которая ни на миг не оставляла в покое, в комнату ворвался ...летний шехзаде Хасан, помчавшись прямо в объятия Шафак-султан.

– Моя радость! Шехзаде-е! – обрадовавшись, словно родному сыну, Шафак-султан наклонилась к мальчику и поцеловала ему ручку. В потайных уголках души молодой женщины отзывался материнский инстинкт.

Сцены более приятной и греющей душу Бейхан давно не приходилось наблюдать. Ослепительная улыбка осветила и без того ее чистое лицо.

– Ты уже был на уроках? – поинтересовалась нежным тонким голосом Шафак у племянника.

– Угу-у, – протянул мальчишка, – Абдурахман-челеби сегодня на уроке по истории рассказал мне, что такое Османское государство, как им управляли мои далекие деды и прадеды.

– Какой у меня уже умный и образованный племянник-шехзаде! – воскликнула, нахваливая наследника, Шафак-султан. Разумеется, не без игривости и театральщины. Впрочем, и то, и другое в подобных ситуациях бывает уместно как никогда, и не портит, а лишь дополняет диалог с ребенком.

– Тетя, а правда, что величие нашей страны было предсказано во сне? – абсолютно невзначай поставил в ступор молодую женщину шехзаде Хасан.

– Да, кажется, есть такая легенда, – призадумавшись, смекнула Шафак-султан – надо было как-то удовлетворить пытливым ум любознательного ребенка.

– Мне Гюрбюз-паша обещал рассказать много разных историй про наше государство, – вспомнил шехзаде. И снова пришелся удар оттуда, откуда не ждали. И вновь просыпалась щепотка соли на пока еще свежую рану...

Бейхан-султан почувствовала себя неловко. Откашлянувшись, безгласная женщина обхватила ручку сына и подтянула его к себе. Безусловно, шехзаде еще очень мал, и пока еще не знает, где и о чем следует говорить. Тем более, ничего постыдного или запретного в словах Хасана априори не было.

Но и по виду Шафак-султан нельзя было утвердить с точностью, что очередное напоминание о покойном супруге всколыхнуло ее душевные ссадины – со временем человек привыкает ко многому, особенно, когда усопший муж был не столь уж любим.

Бейхан-султан симитировала движением губ слово «простите» и наклонила голову вниз, коснувшись рукой груди.

Шафак помотала головой – мол, ничего страшного.

– Благодарю, что зашли ко мне. Я как раз собираюсь переезжать в наш с покойным папой дворец, – уведомила о своих планах Бейхан Шафак-султан.

Перед уходом мать шехзаде схватила со стола калем, быстренько нашла глазами чернильницу, и принялась искать чистый листок бумаги.

– Госпожа? – в попытке рассмотреть, что делает сноха, озадачилась Шафак-султан.

Через полторы минуты на листочке бумаги стройным каллиграфическим почерком было набросано: «Спасибо вам за все, госпожа». Бейхан-султан заслонила слегка свое миловидное лицо, уступив место не менее миловидному и прекрасному письму.

Шафак-султан искренне, почувствовав все добродушие женщины, улыбнулась:
– Мне очень приятно.

Взмахнув нежно-розовым рукавом платья, Бейхан-султан положила бумагу на стол и поспешила вместе с шехзаде Хасаном удалиться из покоев.

– Бейхан-султан.

Женщина с ребенком замерла перед самой дверью.

– Вы очень хороший человек, – подчеркнула Шафак-султан, посчитав эти слова обязательными, – нет, я это говорю не потому, что я все еще в трауре и мне плохо. Несмотря на то, что с вами сотворили, у вас хватает душевных сил двигаться дальше. Вас ведь лишили не просто способности разговаривать – у вас убили часть души.

Бейхан-султан поникла, точно погасающее пламя свечи. Шафак-султан непременно это зафиксировала и направила поток мыслей в другую, более положительную сторону, чтобы не огорчать женщину:

– Я хочу сказать, чтобы вы никогда не сдавались – как бы вам трудно и тяжело ни было. Читайте Коран, черпайте силы у Всевышнего, творите добро. У вас растет такой прекрасный, умный шехзаде. Не мне судить о нашем далеком будущем, но, если когда-нибудь на трон после моего брата посчастливится взойти именно шехзаде Хасану, я всегда буду рядом.

Шафак-султан сократила дистанцию между собеседницей, чтобы коснуться своими теплыми руками ее плеч:

– От тебя требуется только одно – не склонять голову и быть стойкой.

Невозможно было ни орнамент на вазе рассмотреть, ни слова вставить – громогласная торопыга Сара-хатун, чтобы поскорее распрощаться с Акджан, второпях знакомила девушку с внутренним устройством дворца Топкапы. Изначально заявленная экскурсия теперь всецело представляла собой бесконечный беспорядочный поток информации, в котором Акджан не просто путалась – она тонула в нем, не соображая, что происходит.

– Так, ну а там начинается кордиор, ведущий на главную кухню, – показав рукой вдаль галереи, сказала Сара. Голос ее был запыханным, как будто ей не хватало воздуха, а сама она словно кричала, хотя даже не думала осознанно повышать голос.

– Ну что ты опять там застряла? – дернув к своей пухлой особе сравнительно хрупкую Акджан, Сара повела ее вперед.

– Ау! – непроизвольно воскликнула девушка – было больно.

– Я могу на шторы взглянуть? – заинтересовавшись позолоченной вышивкой на оранжевых, точно мандарин, шторах, сказала Акджан, оборачиваясь.

– Что их рассматривать? – разозлилась Сара, – ты чудная хатун, вот ей-Богу. «Шторы посмотреть». Э-хех!

Который раз Акджан слышит от этой женщины в свой адрес издевку, и который раз молчит, потому что мало того что не знает, что ей сказать, так еще и не успевает.

– Чуешь запах, а? – обострив обоняние, Сара-хатун неслась в сторону кухни.

– Какой запах? – не уловив ни единого аромата, кроме зловонного пота, исходящего от Сары, недоумевала Акджан.

– У тебя еще и с носом проблемы? Ну тебя надо к лекарю отвести, – сама себе придумала, и сама же приняла решение для своей выдумки Сара.

– Ну что вы придумываете? У меня все нормально, – поспевая за женщиной, обидчиво произнесла Акджан.

– Ну как можно не чувствовать этот запах? А-а-а?! Этот запах пахлавы, которая источает, просто источает мед! – предвкушая, как очередная порция сладостей попадет в рот, Сара-

хатун пуще прежнего ускорила шаг. Акджан казалось, будто эта женщина боится, что не успеет попасть на кухню.

– Кажется, Сара-хатун идет, – поливая сахарным сиропом поднос с блестящей пахлавой, заметил повар Хикмет-ага.

– М? – уставился на повара евнух Муслим-ага. Рот у евнуха был забит сладким, потому поговорить с Хикметом он полноценно не мог, да и не понял, причем тут Сара.

– Добрый де-е-ень! – явившись на кухню, как на праздник, Сара поприветствовала всех ее обывателей, – иди сюда! – обратилась она к зажавшейся Акджан.

От неожиданности кусок пахлавой во рту Муслима-аги сменил свою траекторию и попал не в то горло – несчастный закашлялся, потом покраснелся, и снова закашлялся.

– Давай помогу! – подбежав к евнуху, Сара-хатун принялась оказывать бедолаге помощь – без лишних расспросов и разговор толстая массивная рука женщины хлестким ударом прошла по лопаткам евнуха. Но методика дала сбой – Муслим-ага, вероятно от силы шлепка, свалился на тахту, непроизвольно присев на нее.

– Да что же это такое? – переживая, что оказанная помощь вовсе не помогла, Сара-хатун наклонилась к Муслиму-аге, попутно загоня жестами на кухню Акджан.

– Это кухня, – добавила она девушке, словно она и так этого не видит, а сама продолжала возиться с несчастным Муслимом-агой.

– Да оставьте вы его в покое, – зная, что от действий прачки толку не будет, повар Хикмет-ага воспринимал действия Сары как клоунаду.

– Ты своим делом занимайся, – осадила Сара повара.

Внезапно взгляд Хикмета-аги и Акджан-хатун встретились. Хоть для Акджан все увиденные здесь люди – пока незнакомцы, внезапная встреча с поваром обеспокоила девушку. Запутавшим лохмам она пыталась придать хотя бы какую-то форму. Но от прикосновений волосы словно электризовались и бардак на голове обращал на себя все большее внимание. Повар с изумлением взглянул на Акджан, а Акджан с насмешливым отвращением оценила то, что предстало у нее перед глазами: крупная массивная женщина, теряя воздух от собственного веса, возится с подавившимся евнухом в то время, как тот уже давно, кажется, пришел в себя.

– Да оставь ты меня! – взвизгнул Муслим-ага, – не видишь, что прошло уже все? О, Аллах...

– Прошло? – подтирая рукавом кафтана пот со лба, Сара выпрямилась. Однако на свой вопрос не получила никакого ответа. Как минимум, потому что все было понятно без слов.

– Чем ты его кормишь? – оставив евнуха в покое, Сара-хатун, размахивая руками, передвинулась в сторону сладких ароматов – к Хикмету-аге.

– Пахлава, – указав взглядом, поскольку руки были заняты, на поднос, буркнул Хикмет, – не видишь, что ли?

– Не вижу, а чую, – прошептала Сара, словно заигрывая. И непонятно: то ли больше с Хикметом, то ли с пахлавой, – запах на весь дворец идет. Какие они пышные, сочные, наливные, – описала с задором и аппетитом кусочки пахлавой Сары.

– Прямо как ты, – с сарказмом пробурчал Муслим-ага.

Акджан-хатун даже невольно усмехнулась, едва сдерживая себя. Как оказалось, этот дворец не так страшен, и это не школа, где чувствуешь себя так волнительно, как на экзамене. Акджан поняла: здесь живут и работают такие же, как она, как ее мама, обычные люди, которым не чужды человеческие чувства.

– Принесешь поднос вечером в бельевую? – приподняв верхнее веко, тихим голосом проговорила Сара, обращаясь к повару.

– Вообще-то всем сегодня раздадут. Это приказ Валиде Нериман-султан, – объяснил Хикмет-ага. А теперь он степенно пытался пододвинуться к вопросу об Акджан, предположив, что это новая наложницы султана. Но озвучить что-либо не решился.

Пока Акджан отвлеклась, осматривая сушеный чеснок, подвешенный к потолку в уголке кухню, ее мысли враз спутались от воплей так надоевшей ей Сары.

– А ты чего стоишь, глаза свои вылупила? Пойдем-ка, – взяв девушку под локоть, Сара вывела ее из кухни, незамысловатым движением руки закрыв за собой двери.

– А вот моя комната, – так гордо, будто на объект святыни, указала Сара-хатун, причавшись к бельевой. Сама смотрела на заторможенную Акджан. Акджан поняла, опираясь на прошлые эпизоды, что сейчас повиснет неловкая пауза, и принялась делать вид, словно осматривает двери. При этом она сделала для себя вывод, что это довольно-таки отдаленная от центра часть дворца. Позади общая спальня девушек, этаж фавориток, хаммам, дворцовая библиотека, кухня, и вот теперь бельевая. Акджан было очень любопытно изучить убранство комнат и помещений этого необъятного дворца, но сделать это рядом с заполошной Сарой-хатун практически не представлялось возможным.

– Так, что я тебе там еще не показала? – призадумалась Сара, прижав пальцы к переносице, – а-а! Пойдем еще комнату для занятий покажу, там девушки занимаются, а потом походишь к себе – устала я от тебя.

«Неужели ты правда думаешь, что это ТЫ устала от меня?» – подумала про себя Акджан, поражаясь поведению прачки.

В очередной раз внимание Акджан сосредоточилось на чем-то, на первый взгляд, незначительном. Посреди стены разместились две странноватые красные шторы – весьма длинные, вовсе не по размеру, словно были сшиты на иную высоту, под иной коридор. Их широкая непрозрачная ткань спускалась с самого верха и продолжала волочиться по полу. Сделав еще шаг вперед, Акджан поняла, что странностей воистину больше: левая шторка слегка откинута назад, и, в связи с этим, хорошо было видно, что они здесь не просто так – они скрывают еще один коридор посреди стены. Кроме того, это даже не коридор, а лестница, ступеньки которой стремительно уводили вниз – чем ниже, тем мрачнее. Нигде больше во дворце Акджан-хатун подобного не видела.

– Хатун! – окликнула застопорившуюся девушку Сара. Чтобы не получить нагоняй, Акджан перешла с шага на бег и на пересечении галерей вписалась в Сару: массивные груди уперлись в плечи Акджан, а перед самым носом предстало ошарашенное круглое лицо прачки.

– Ты почему крутишься где попало? А-а? – постукивая указательным пальцем в лоб Акджан, Сара-хатун в очередной раз отчитала девушку.

Акджан отвернула голову в сторону, страшно насупившись.

– Никогда бы не взяла такую девку во дворец. Ты же в облаках витаешь! – взяв под локоть Акджан, порядком уставшая женщина приготовилась познакомить девушку, наконец, с последней оставшейся комнатой гарема.

Али-бей переживал, что не успеет: иногда ужасно хочется усидеть на двух стульях одновременно, но зачастую конец у подобной затеи печальный – один стул непременно соскользнет и треснет, попутно уронив еще и второй. Но хранитель султанских покоев был вынужден отбросить навязчивые предрассудки – не зря же он под предлогом сопроводить во дворец Шафак-султан отпросился у султана Абдуллы во время заседания Совета. Несмотря на то, что молодой мужчина убежден в намерениях Шафак-султан отправиться во дворец в сопровождении евнуха, инициатива бьет в Али-бее ключом.

– Подскажите, Шафак-султан в покоях? – прильнув поскорее к дверям госпожи, Али-бей выпалил свой вопрос скромненькой рабыне, дежурившей у двери.

– Не-ет, – задумчиво ответила та, – госпожа вот-вот в сопровождении служанки вышла из дворца. Комната закрыта на ключ. Госпожи здесь нет.

– Ясно, – сглотнул Али-бей, поторопившись в обратном направлении.

Бледное, словно облачко, плывущее по небосводу, лицо и тусклый поникший взгляд – все это Шафак-султан беспристрастно рассматривала в маленьком прекрасном зеркале, ожидая, когда повозка сдвинется с места. Довольно затруднительно даже имитировать взгляд счастливицы, когда и предположить не можешь, что принесет завтрашний день. Шафак-султан, конечно, сугубо на добровольной основе возвращалась во дворец Гюрбюза-паши, под куполами которого она наслаждалась чтением литературы и вышивкой, а никак не безупречной личной жизнью с покойным, как была уверена мать – Нериман-султан.

– Моя госпожа, – промычал, так сладко и лениво, Муслим-ага, расположившийся напротив овдовевшей женщины, – все хорошо?

Шафак-султан моргнула и убрала зеркало в сундук с вещами.

– Когда трогаемся? – она спросила у евнуха.

– Ждем кучера. Как придет, мы и отправимся в путь, – объяснил Муслим.

В двери кареты постучали.

– Наверное, сейчас отправимся, – был уверен Муслима-ага и открыл дверцы.

– Госпожа, – склонилась с почтением Муфида-хатун.

– Муфида? – никак не ожидая увидеть хазнедар гарема здесь и сейчас, Шафак-султан приподнялась с насиженного места, – что ты тут делаешь?

– Я уж думала, не успею, – улыбнулась, словно заботливая тетушка, Муфида, – ваша мама, Валиде Нериман-султан, велела передать вам в дорогу.

Пожилая женщина протянула Шафак-султан небольшой подносик с пятью кусочками пахлавы. Пахлава манила – такая сочная, блестящая, благоухающая. Ветерок, ворвавшийся через приоткрытые дверцы, возносил ароматы орехов и меда.

– Мне не хочется, – отказалась Шафак-султан.

– Я возьму, – засветился от радости Муслим-ага, недолго думая, вынув поднос из рук пожилой женщины.

– А по какому поводу раздают пахлаву? – задумалась Шафак-султан, спросив у Муфиды-хатун. Сама, при этом, рассматривала, с каким пожирающим взглядом евнух осматривал десерт.

Муфида-хатун пожала плечом – вероятно, она просто не хотела говорить. Однако Шафак-султан была уверена и без того, в чем дело:

– Это в честь той девушки, что спасла Абдуллу, раздают?

Молодая женщина не ждала подтверждения своих слов – они ей были не нужны: госпожа уверена в своей догадке.

– Странно... Еще недавно она [мама] говорила, что у ее дочери траур – не подобает увеселять себя сладости, а сейчас это, – почувствовав со стороны Валиде Нериман-султан предательское отношение, проговорила Шафак.

Выскочив во второй двор, Али-бей первым делом заприметил карету, на повозку которой взбирался пожилой мужчина-кучер. Нетрудно догадаться, что карета с Шафак-султан. Однако, о чем точно не догадывался телохранитель падишаха – кто еще подле кареты.

На стук Али-бея Муслим-ага отворил противоположные, еще одни, дверки кареты.

Немного изумленные взгляд Али-бея столкнулся с таким же взглядом Муфиды-хатун. Женщина немедленно отцепила от украшения на голове платок, поспешив прикрыть им лицо –

перед ней представитель Совета, как-никак, мужчина, одним словом. В этот неловкий момент Али-бей предпочел бы провалиться сквозь землю, чем пребывать здесь и сейчас. Чувство, словно он мальчик, который из любопытства полез туда, куда его не просили, заметно застопорило мужчину.

– Али? – нахмурилась Шафак-султан. Проникший внутрь ветерок заиграл с распущенными черными локонами султанши, что не могло не перетянуть на себя внимание мужчины.

– Я же Вас должен был сопровождать, если помните. Вот, боялся, что не успею, – вовремя взяв в себя руки, объяснился хранитель покоев.

– Что? Так я же тебе сказала еще вчера, что меня будет сопровождать Муслим-ага.

В голосе Шафак-султан слышалось отъявленное недовольство.

– Храни-и-тель, – промурчал в сторону Али-бея Муслим-ага, слышав свое имя.

– Видимо, я не расслышал, – засмутился, раскраснелся Али-бей. Мало того, по ту сторону еще и Муфида-хатун смотрит своим оценивающе-осуждающим взглядом – наверняка помчится докладывать, что видела, Валиде-султан.

– Я так понимаю, вам ничего не нужно? – робко прошептал Али.

– Нет, – отрезала Шафак-султан и закрыла дверки кареты.

Экскурсия по золотом осыпанному Топкапы приближалась к концу. Будь воля Акджан, девушка бы и вовсе сбежала прочь от назойливой прачки Сары и в уютном удовольствии созерцала каждый канделябр. В очередной раз Акджан лицезрела двери – все такие же деревянные высокие и так звонко закрывающиеся две двери. Однако впервые девушка еще на пороге обратила внимания, как сквозь слой дерева льются волны скрипки, арфы и, вероятно, дудука.

– Здесь комната для занятий, – указав на дверь, левой рукой Сара открыла комнату, а правой втолкнула Акджан внутрь, словно та не способна самостоятельно передвигаться.

Рабыни как раз занимались – очередной урок музыки. До чего же приятно было находиться в этой комнате: огромный пушистый ковер занял абсолютно все отводимое ему пространство; примощенные к стенам, струились волнами нежные мягкие шелковистые шторы каштановых оттенков. Середина же комнаты была занята ученицами: рабыни расположились прямо на полу, поджав обе ноги под себя, изобразив при этом очень характерную позу – Акджан прежде не обращала внимание на подобную.

Девушка насчитала ровно десять наложниц. Спустя секунду другую Акджан узнала и знакомое лицо – молодая не очень высокая женщина, наклонившись к изголовью одной из рабынь, вероятно, показывала, как правильно дергать за струны на гитаре. Это была Алтынджак-калфа. Интересно, что рабыни сформировали некую форму круга. При этом в самом очаге этого круга установлен некий интересный сосуд: весь из золота, мерцающий, отражающий в себе, как зеркало, и впитывающий сцены проводимых здесь занятий.

– Вы еще не закончили? – обратив внимание, что в комнату под аляпистые звуки скрежущей скрипки и плачущего дудука проникли Акджан и Сара, спросила Алтынджак-калфа. Акджан сразу сообразила, что калфа тут своеобразный учитель музыки.

– Да все уже, – отозвалась Сара-хатун.

Акджан предпочла остаться в дверях – она боялась сорвать урок. Да и рабыни были настолько сосредоточены на инструментах, что ни одна из них пока не подняла голову ни на Акджан, ни на Сару.

Пока Сара и Алтынджак о чем-то беседовали, девушка любовалась скопом флейт, скрипок и удов, то тут, то там разбросанных неподалеку от выхода из комнаты. Девушка отъявленно заинтересован этот набор инструментов. Она сама не ожидала, что проявит столь концентрированное внимание к ним. Внимание внезапно переросло в очень постыдное для девушки желание – желание овладеть тем, что она увидела. Вовсе не эстетика и гармония ослепили здравомыслие Акджан, а далекие, как в тумане, сладкие воспоминания.

Симпатичная, тоненькая и аккуратненькая, флейта, выглядывавшая из-под уды, отослала Акджан к воспоминаниям о тех днях, когда мама, скинув в узел все, что оставалось на столе, брала дочь за руку и вела ее в гости. Дом, где их принимали по вечерам, представлял собой небольшой особняк, а глава этого особняка – женщина. Средних лет, одинокая женщина возложила на свои плечи заботу и ответственность за имущество. Абсолютно одна, без подруг, знакомых и мужа, эта женщина занималась хозяйством самостоятельно. Оплата за аренду, поддержание порядка, отчисления по ремонтным работам и многое другое возлагались лишь на одного человека.

Семнадцатилетнюю на тот момент Акджан безумно вдохновляло упорство и сила этой хатун. Больше всего Акджан восхищалась именно ее оторванностью от мужчин. Она не вдавалась в подробности того, почему бы этой женщине не обзавестись мужем, детьми, построить счастливую жизнь и разделить груз непосильной ответственности. Акджан достаточно было теплых уютных воскресных вечеров, когда звуки флейты наизнанку выворачивали душу матери, уносившейся в своих мечтаниях и утопающей в чистых сладких слезах. Почему мама плакала – неизвестно. Акджан не понимала этого. Она просто привыкла к этому за четыре года: женщина играет на флейте, мама доедает последний кусочек локмы, осушая влажное лицо платком, а Акджан, будучи подле мамы, кладет голову ей на плечо. Последние два года Акджан ни видела ни эту женщину в городе, ни хоть один намек в поведении матери на общение с ней. Девушка с затруднением могла вспомнить, почему мать неожиданно-негаданно позабыла об этих уютных посиделках.

Акджан растворилась с головой в воспоминаниях, но вовремя себя одернула. В некий момент она даже перестала слышать звуки инструментов, наполнившие комнату. Поскольку Сара-хатун и Алтынджак по-прежнему, уже значительно долго что-то обсуждали, девушка поддалась соблазну. Первое, что ей пришло в голову – симитировать, будто отлетела застегка на туфельке.

Немедля присев, Акджан легким движением руки взмахнула подолом платья, заслонив им инструменты. Как только она нащупала рукой флейту, она крепко ухватила ее в руку и с облегчением вздохнула. Теперь Акджан знала: она в комнате будет жить одна, и безо всяких сложностей по вечерам можно наигрывать тихонько мотивы тех душещипательных мелодий – глядишь, она сама ударится в воспоминания и даст волю чувствам. Именно собственные усилия спровоцировали Акджан окунуться в сентименты – она по собственной воле хотела выплакать свою боль: боль за неловкость перед Валиде-султан в первый день ее появления в гареме, боль за позор перед Гюльджие, когда она рылась в сундуке, и, особенно, боль за сегодняшний день. Всякое очередное прикосновение Сары-хатун вливал в сосуд терпения Акджан порцию обиды. Но сосуд наполнен практически до краев – обида жаждет выплеснуться.

Мгновенно поднявшись вновь на ноги, Акджан расслабила тело. Осталось надеяться, что никто в этот момент из рабынь не воспринял действия Акджан подозрительными – пришлось застегнуть туфлю, что тут такого...

Тем временем Сара-хатун решительно движется в сторону Акджан, активно размахивая руками. Девушка прочнее сжала флейту, соединив руки внизу. Она считала, ей повезло: во дворце принято опускать руки вниз – это раз, рукавами ее платья, казалось, можно укрыть не какую-то компактную флейту, а целую гитару – это два.

– Пошли-ка со мной.

Сара позвала за своей пухлой особой уверенно стоящую в себе девушку. Но... от уверенности и стойкости Акджан не осталось и следа, едва Сара сказала это. Акджан боялась, что у нее сейчас подкосятся ноги – настолько мощный жар хлынул в тело.

– Куда? – видя, как Сара закрывает дверь в комнату для занятий, дрожащим голосом пролепетала Акджан.

– Во дворцовый сад пойдем, с нашей династией познакомишься, – объяснила Сара.

Построенный в голове Акджан маршрут действий не совпадал ни по одному параметру с реальностью.

– Там будут все вот эти почетные женщины? – уточнила Акджан.

Сара подтвердила, сопроводив согласие кротким кивком – по ней было видно, что изрядно устала за сегодня.

– Тогда мне точно нужно пойти привести волосы в порядок, – самодовольно улыбнулась Акджан, убедившись, что это хороший повод забежать в комнату, оставить там украденное, и уж потом явиться обратно.

– Ты мне так надоела сегодня со своими волосами, – тяжело и громко вздохнула Сара, – шагай, вперед!

Тяжелая рука прачки подтолкнула Акджан. И лишь крепость кистей рук девушки не позволили ей выдать себя.

Погода благоприятствовала, а потому Нериман-султан сочла разумным собраться в саду – шелест листьев, пение свиристелей, теплый воздух и пестрота зелени сада всегда успокаивают. Кроме того, надвигались последние дни лета. Впереди поджидала неизбежно, осень. Но предстоящей осенью Нериман-султан видела достоинств не меньше, чем недостатков: наступит Рамадан-месяц. Бейхан-султан уже считала дни до начала праздника. Чему еще можно радоваться во дворце, когда тебя никто не замечает, когда ты лишен способности разговаривать, кроме тех же праздников. Праздники, здоровье и благополучие сына – шехзаде Хасана – исчерпывающий список того, что согревало душу Бейхан-султан.

– До чего же на этот раз вкусная получилась пахлава, госпожа, – Гюзель-султан подчеркнула Валиде-султан исключительную изысканность столь привычного всем деликатеса.

Нериман-султан улыбочиво обернулась в сторону любимой невестки. Достаточно было видеть, что Гюзель-султан делит с матерью султана одну тахту, чтобы убедиться, как Нериман относится к Гюзель-султан. Бейхан-султан не приходилось жаловаться или плакать – уже наплакалась в прошлом. По сравнению с Гюзель-султан она была всем образом и подобием похожа на рабыню. Ей всегда отводилась маленькая неудобная подушка, размещенная подле возвышающейся тахты. Статус у султанш одинаковый, а вот отношение со стороны династии абсолютно разное.

Пока шехзаде Хасан пережевывал кусочек пахлав, которым Бейхан поделилась с любимым сыном, шехзаде Коркут [сын Гюзель] занимал место подле отца, отпросившись на Совет к падишаху.

Муфида-хатун никогда не имела привычки надолго оставлять Валиде Нериман-султан – где мать падишаха, там и хазнедар. Посему, пожилая седовласая женщина спешила к Валиде-султан и остальным госпожам.

– Передала моей птичке поднос? – обратилась к хазнедар Валиде-султан.

– Передала, – медленно и протяжно сказала Муфида.

Нериман-султан Муфида представилась, мягко говоря, странноватой.

– Что-нибудь случилось? Ей совсем плохо? – не могла не спросить Нериман-султан, подозревая, что Шафак в обиде на мать.

– Не-ет.

Немногословный ответ Муфиды отнюдь не устраивал Валиде-султан: какой-то хазнедар была не такой. Госпожа предпочла вынести этот вопрос за рамки сада – проще все разузнать наедине.

– Гюзель, а где же Марьям? Почему она не с тобой? – чтобы отвлечь голову от дурных мыслей, Нериман переключилась на иную тему.

– Она сейчас в комнате для занятий, – ответила Гюзель-султан, объяснив местоположение личной служанки.

– Правильно, – одобрительно кивнула Нериман-султан, – у нее уже неплохо получается. Мне понравилось та мелодия на арфе, которую она всем сыграла в тот день. Тогда еще мой сын отправлялся в военный поход.

– Да, красиво было, – ворвалась в диалог Муфида-хатун.

– Мы ведь тогда в Эдирне были. В Эдирне же сына провожали, – повернув голову на все девяносто градусов, Нериман-султан взглянула вверх, на Муфиду, – ты разве с нами тогда была?

– Я не помню, – без чувства сомнений произнесла Гюзель-султан. Тот день сохранился насыщенными красками в памяти матери наследника: она помнила каждую деталь, даже запах благовоний, которыми была наполнена зала дворца в Эдирне. И Муфиды там не было – женщина осталась в Топкапы, чтобы поддерживать порядок в гареме.

Тут Муфида-хатун и вовсе смутила Нериман-султан. Мать падишаха чувствовала: что-то произошло, а Муфида скрывает.

Черным мыслям было суждено на время оставить мысли госпожи: все внимание на себя перетянули спешно надвигающаяся в сад Акджан-хатун, которую Валиде узнала по распущенным волосам, и сопровождающая ее Сара.

– Мои госпожи, – почтительно поклонившись, насколько можно ниже, пропела Сара-хатун, попутно шлепнув Акджан по бедру.

Девушка не поняла намек прачки и своим учтивым поклоном не озарила лица представителей династии.

– Добро пожаловать, Сара, – поприветствовала женщину с благодушием Нериман-султан.

– Я привела наложницу – ту самую, которая, рискуя собственной жизнью, защитила повелителя, – отчиталась Сара. Но каждое ее слово звучало так ядовито и неестественно.

– Ну-ну, – поулыбалась и покивала Нериман-султан.

Трудно было не заметить, насколько занервничала Гюзель-султан, как только увидела вдали Акджан – женщина уже сбилась со счета, какой кусочек пахлавыв поглощает, теперь в надежде успокоить себя.

– А что ж наша спасительница такая лохматая? – не могла не отметить несуразный внешний вид Акджан Нериман-султан.

– Извините, госпожа, у этой непутевой руки вообще ни к чему не приспособлены – принялась наводить порядок на голове, и сломала гребешок, – сочинила первое, что пришло в голову, Сара.

– Да нет, – прошептала Акджан, но настолько тихо, что ветерок унес ее слова прочь, так не доведя до адресата.

– Ну подойди же сюда, что стоишь? – позвала в беседку Акджан Нериман-султан.

– Поклонись, ну-ка быстро, – Сара подтолкнула Акджан, потому что девушка стояла как истукан. Прачка чувствовала неловкость, и ей было стыдно за нелепое поведение Акджан перед султаншами.

Деревянная тонкая трубочка выскользнула из рук Акджан и плюхнулась в газон. Это произошло настолько внезапно, что Акджан и не сразу поняла, как выдала себя. Посреди травы, прямо рядом с подолом платья отчетливо виднелась флейта. Но через секунду она скрылась под подолом Акджан, сделавшей шаг вперед и исполнив очень низкий поклон. Словно этот поклон компенсировал нечестный поступок со стороны Акджан.

– Что это там такое? – строго спросила Нериман-султан – она более, чем отлично, видела, как Акджан осознанно скрывает упавший объект.

Сара пришла в ужас: она оттолкнула в сторону Акджан – для этого достаточно было всего лишь одной руки. Прачка подняла выпавший объект и в сию секунду распознала в нем флейту.

– Откуда это у тебя? – нахмурившись, Сара произнесла это так, словно была готова съесть живьем Акджан.

Девушка закрыла глаза. Она пыталась вспомнить молитву, но страх не позволил. Хлесткий удар флейтой по ее запястьям растопырил глаза Акджан: в них отчетливо читался стыд и неловкость.

– Ты где это взяла, я тебя спрашиваю?! – с элементарной грубости Сара перешла на крик.

Все, и поднявшаяся с тахты Нериман-султан, как заговоренные, ожидали от Акджан красноречивых объяснений.

– Дорогу! Султан Абдулла Хан Хазретлери! – многозначительную паузу нарушил знакомый мужской голос. Приближаясь к саду, Махмуд-паша оповестил об этом госпожей.

Акджан обернула голову в сторону голоса и увидела, как султан Абдулла, за ним какой-то мужчина [Махмуд-паша] и мальчик [шехзаде Коркут] движутся в сторону беседки.

8 глава

На удивление, оповещение о том, что султан Абдулла где-то поблизости, действовало на Акджан сродни успокоительному. Кто знает, возможно, пройдет немного времени, а потом еще немного, и все позабудут об этом, как считала Акджан, безобидном поступке. Но никакие утопичные грезы не должны служить оправданием: девушка сейчас не понаслышке знает, что за любую, даже маленькую оплошность, следует платить нескромную цену. Кроме того, за одно только пребывание во дворце османского падишаха уже пришлось заплатить. Заслужила ли Акджан столь предвзятое похабное отношение со стороны Сары? Акджан была уверена, что нет.

Для Нериман-султан, как матери, не было секретом, что скрывается за взором, походкой, а порой даже прикидом, родного сына-повелителя. Валиде-султан не могли не насторожить манеры сына: стальная походка, словно он мчится отчитать здесь всех и каждого, непоколебимая сила в глазах, в которых все же было заронено зернышко грустинки.

В знак приветствия госпожи и шехзаде преклонили головы. Все, кроме Валиде Нериман-султан – матери не пристало поклоняться родному сыну, будь он и падишахом.

– Матушка, – с благоговением и бесконечным уважением султан Абдулла поцеловал теплую руку матери. Руку, как и обычно, мерцающую рубинами, жемчугами и турмалинами.

Гюзель-султан, как и полагается, была уже наготове, чтобы поцеловать руку любимому султану, но никак не ожидала, что падишах откажется приветствовать ее. Не только ее, но и Бейхан-султан. Конечно, подобное успокаивало, но особо радоваться однозначно нечему.

– Мы тебя не ждали, – призналась Нериман-султан.

– Я счел нужным, что вам следует знать некоторые вести. И чем скорее вы о них будете оповещены, тем будет лучше, – разъяснил ситуацию Абдулла.

Гюзель-султан будто не слышала слов падишаха: что случилось, ее не особо заботило. Султан не поприветствовал ее – вот настоящая странность и беда. И оно понятно: всякий раз, как Абдулла целует руку Валиде, тем самым выражая ей почтение, другие члены династии, госпожи, обычно выражают почтение уже ему самому.

– Сынок? – Гюзель-султан окликнула шехзаде Коркута, предприняв попытку переключить внимание на сына: вдруг падишах тоже переключится. Семилетний мальчик подбежал к матери и уткнулся ей в ноги.

– Говори же, что случилось? – теряя терпение, Валиде-султан не могла устоять на месте.

– К сожалению, лазутчику удалось сбежать из темницы, – с огорчением доложил повелитель, что Нериман-султан встретила с недоумением.

– Как так сбежал?

– Один из стражников оказался предателем и, как вы понимаете, помог ему сбежать, – раздосадованно проговорил Абдулла.

– Тц... О, Аллах, – вздохнула Нериман-султан. «Час от часу не легче» – вот, что металось в мыслях у женщины.

– Сбежал и сбежал – пусть. От меча моего правосудия все равно далеко не убежит. Это невозможно, – будучи убежденным в незыблемости своих планов, заявил Абдулла.

Гюзель, Нериман и Бейхан встретили эти слова с заметным успокоением.

– Правильно, сынок. Отправь армию с янычарами – пусть поймают предателей, – посоветовала Абдулле Нериман-султан, никак не подозревая, насколько у сына-повелителя другие планы на этот счет.

– Нет, матушка, – тут же разочаровал всех Абдулла, – не только армия, но и я сам отправлюсь во главе войска. Я отправляюсь на войну, в самое ближайшее время.

Если бы кто-то со стороны услышал подобные речи, а тем более их интонационную окраску, мгновенно бы, без колебаний, поверил в подлинность слов.

Акджан, и та, обернулась в сторону Абдуллы, позабыв о поклоне. Все, что было до сегодняшнего дня, представилось для девушки невинной детской проказливостью. Теперь она по-настоящему испугалась, поскольку может остаться в этом дворце одна – без защиты и опоры. За те дни пребывания во дворце она не сумела обзавестись хотя бы еще одним таким же надежным человеком, под плечом которого можно почувствовать себя живой и свободной. Напротив, всякий старался навредить, уколоть или поддеть.

– Почему так внезапно? – с глазами, полными трагизма, Нериман-султан расправила руки, – неужели тебе обязательно самому возглавлять армию? Отправь вон Махмуда-пашу.

Женщина указала на поодаль расположившегося мужчину. Визирь почувствовал себя ущемленным, словно овцой, которую можно отдать на растерзание.

– Что же ты, паша, не проявишь всю свою отвагу, отдавая долг своей родине? – Нериман-султан обратилась напрямую к Махмуду-паше, слегка наклонившись в сторону – так она могла видеть его лицо.

– Госпожа, – замялся визирь.

– И Махмуд-паша, и Али-бей, и Доган Реис – все отправятся вместе со мной, это даже не обсуждается, – немного успокоил мать Абдулла, – кроме того, спешу вам сообщить: Махмуд-паша теперь на должности великого визиря, которую занимал покойный Гюрбюз-паша.

– Ну по традиции его и надо было назначить, конечно. Поздравляю тебя, Паша. Желаю всех благ на должности, – произнесла через силу и неохоту паше Нериман-султан. Великий визирь преклонился в знак уважения в ответ.

Гюзель-султан же отнеслась к новости о повышении паши более гуманно, сопроводив слова поздравления улыбкой:

– Поздравляю вас, Паша. Аллах да поможет вам.

– Благодарю, госпожа.

– А Хасан Акари отправится с вами? – вернувшись к теме о походе, вспомнила Нериман-султан.

– Куда же я без своего духовного наставника? Молитвы Хасана Акари всегда будут со мной, – практически полностью успокоил Нериман-султан падишах.

– Но, повелитель, вы же совсем недавно вернулись с армией домой. Знали бы вы, как мы вас все ждали, – Гюзель-султан, как женщина, соскучилась по любимому, и ей действительно было непросто осознавать, что впереди ждет долгая разлука.

Нериман-султан явно не понравилась жалостливость невестки – повернувшись к ней и осуждающим взглядом пронзив ее, Валиде-султан дала это понять.

На слова Гюзель султан Абдулла не ответил ровным счетом ничего. Более того, словно не он сам, а его ноги повели молодого султана совершенно в ином направлении. Нериман-султан сразу поняла: Абдулла движется к Акджан. Момент довольно неоднозначный, о чем быстро смекнула Гюзель. Она почувствовала себя ущемленной и опустевшей – от султана было ни единого слова, ни того теплого взгляда, наполненного нежностью и восхищением.

– Валиде, – решительно начала она, – расскажите, что натворила эта девушка, пока повелитель здесь!

– А что она натворила? – не поняла Нериман-султан.

– Ну у нее же что-то выпало из-под подола. Ладно бы это – девушка постаралась скрыть это, чтобы никто не видел, – напомнила Гюзель-султан.

– Сначала надо разобраться, что там случилось, потому что я, дорогая, ничего не поняла, – развела руками Валиде.

– Ну она наверняка стащила это где-то. Я бы вовсе даже мысли такой не допускала, но вы видели реакцию Сары-хатун? Она явно обозлена на нее, – изо всех добиваясь ущемления Акджан, Гюзель-султан настаивала, что Нериман не молчала. Однако терпение матери падишаха было очерчено границами:

– Гюзель, остановись-ка. Султан не посмотрел на тебя – и все, сразу начала что-то придумывать?

– Извините, – вновь наступая на собственную гордость, Гюзель-султан преклонила голову.

– Мне неприятно такое обсуждать при ребенке, – добавила Нериман-султан, взглянув на внука – шехзаде Коркута.

Бейхан-султан повезло, что ее ухмыляющееся выражение лица не попало под обозрение своей соперницы, иначе бы вряд ли Гюзель устояла на месте, чтобы не унизить безгласную фаворитку.

– Акджан, и ты здесь, – сказал Абдулла, протянув руку на поцелуй.

Девушка повторила жест, вспомнив, как это делал сам султан, целуя руку своей матери.

Даже сейчас Сара-хатун глядела исподлюбья на Акджан так злобно.

– Повелитель, я вас очень рада видеть, – на опережение собственных мыслей рот девушки будто непроизвольно произнес эти слова. Но она и не переживала на этот счет.

– Ты такая кудрявая сегодня, – подчеркнул Абдулла, чем заставил Акджан почувствовать себя неловко – кто только уже ни обратил внимания на ее беспорядочные лохмы. Однако...

– Тебе идет, – словно вдохнул жизнь в девушку султан Абдулла. Единственный человек, кто не посмеялся сегодня над ее внешностью, а счел ее даже лицеприятной.

– Спасибо, – засветилась от радости Акджан.

– Поиски твоей матери продолжаются. В доме, на который ты указала, никого не было. Об этом мне сообщили сегодня рано утром. То есть у себя дома она так и не появилась. Да, пока безрезультатно, знаю, но обещание свое я сдержу, – уверил Акджан молодой правитель, неся на себе часть ответственности.

– Хорошо. Я слышала, вы отправляетесь на войну, да? – невинными детскими глазами девушка уставилась на султана.

– Вероятнее всего. Ты не волнуйся.

– Валиде, с какой стати падишах разговаривает лично с какой-то рабыней? Она его фаворитка? Я не понимаю, что происходит, – Гюзель все же не сумела сдержать себя в руках.

Как только Нериман-султан стала набирать в легкие воздух, так долго и неоднозначно, Гюзель передумала продолжать.

– Откуда у тебя эти навязчивые мысли? Ты же видишь, что она сама с ним заговорила, – направляя невестку на путь благоразумия, сказала Нериман. Муфида тоже подумала, что Гюзель-султан себя накручивает.

«Жаль только, что они стоят далековато, ничего не слышно» – подумала Гюзель.

Как только женщины проводили султана из сада, и дождались, когда Махмуд-паша вернется с ним во дворец, Нериман-султан приготовилась разобраться с казусной ситуацией в отношении Акджан. Действительно, ей тоже не давал покоя этот эпизод.

Величественно усевшись на тахту, Нериман-султан попутно намекнула присесть вместе с собой и наложниц своего сына.

– Что там у нее, Сара-хатун? – спросила Нериман-султан.

– Флейта из комнаты для занятий, госпожа, – немедленно ответила пышнотелая женщина.

– Флейта? – изумленно повела бровью Нериман-султан.

– Мы были в комнате для занятий только что, а эта невоспитанная девчонка своровала ее из комнаты, – словно у нее украли последний кусок хлеба, Сара-хатун беспощадно давила на Акджан.

– Нет, я не воровала! – воскликнула в свое оправдание Акджан.

– Не воровала? Не воровала?! – запричитала Сара, дав волю своему звонкому голосу, – а что это тогда такое? А-а?

– Ты намеренно пыталась скрыть свой проступок! – в защиту Сары высказалась Нериман-султан. Свидетели и посредники госпоже не требовались – она отлично помнит, как Акджан постаралась покрыть подолом платья музыкальный инструмент: зачем это делать, если честь не запятнана?

– Вы это видели? – Нериман-султан обратилась к присутствовавшим в беседе женщинам.

– Да! – гордо и победоносно озвучила Гюзель, – ясно, что ты украла это!

Женщина с удовольствием произнесла эти слова. Бейхан-султан, конечно, ничего не могла сказать.

– Скажи нам правду, – к допросу присоединилась Муфида-хатун, – ты украла флейту?

Акджан посмотрела на эту пожилую женщину и неволей почувствовала себя на суде, где все эти женщины – строгие и беспринципные судьи.

– Нет, это не мое, ну... правда!

Акджан заметалась, забежала взглядом: то на свирепое круглое лицо Сары, то на Нериман, то на Гюзель, которая ответила на пугливый взгляд девушки закатыванием глаз.

– Это было у тебя! – подойдя, насколько можно ближе к Акджан, выпалила Сара.

– Да это мне Алджын... Алджынтак-калфа дала! – с непосильным трудом Акджан выговорила имя.

– Что? Алтынджак-калфа? – в изумлении уставилась на девушку Сара.

– Да, да-а! – закивала Акджан.

– Вранье чистой воды! – уверенно заключила Сара, – зачем Алтынджак-калфе давать тебе эту флейту? Когда она тебе ее успела дать, если в комнате для занятий вы даже не разговаривали с ней?

– Она не в комнате мне дала! – утопая все глубже и глубже во лжи, Акджан не спешила сдаваться.

– А где? – а Сара не думала отступать.

– В тот день, когда меня поселили в комнату Гюльджие-хатун, мы с Аджын... а-а-а! – девушка всхлипнула, потому что в панике и беспокойстве не могла нормально проговорить это имя, – Алтын... вот эта калфа... мы с ней разговорились об искусстве, о музыке. Я сказала, что моя мама очень любила играть на флейте, и я попросила у калфы, если во дворце имеется этот музыкальный инструмент, принести мне.

Сара-хатун заметно притормозилась, так как она на мгновение даже поверила рассказам девушки.

– Акджан-хатун! – девушку окликнул голос Нериман-султан, – иди сюда, садись.

Акджан так и сделала – через считанные секунды она уже согнулась в поклоне перед матерью падишаха.

Гюзель-султан была уверена, что Нериман поверила Акджан, хотя ни одно сказанное ею слово не внушало Гюзель доверия.

– Акджан, – Нериман-султан обратилась к девушке, – видишь вон тех рабынь, что срезают лилии?

Девушка слегка прищурилась и посмотрела вдаль: действительно, подпоясанные кушаком кафтаны наложниц кружат вокруг клумбы подобно бабочкам.

– Пойди к ним и помоги нарвать цветов, – спокойно и степенно Нериман-султан отдала девушке приказ. Наивная, Акджан успокоилась и посчитала, что приглянулась этой величе-

ственной женщине. В связи с этим она незамедлительно направилась к тем рабыням. Та отдаленная часть сада манила своими красотою.

И только Гюзель-султан понимала, что Нериман лишь использует Акджан в качестве рабского труда.

Вернувшись к беседке с охапкой лилий, Акджан-хатун расположилась позади рабынь. Трое девушек принялись размещать цветы по вазам. На удивление Акджан, в беседке нашлось даже место для ваз. Ключевую роль в этом моменте играла, безусловно, эстетика обстановки. Акджан повторила за девушками, аккуратно и трепетно окуная стебли еще изредка нераспустившихся лилий в керамические глубокие сосуды.

Как только Акджан и рабыни закончили с цветами, Нериман-султан не смела больше задерживать прислугу:

– Вы можете идти.

Рабыни с Акджан поклонились султаншам.

– А ты останься! – строгий голос Нериман-султан вынудил Акджан-хатун замереть на месте, отступив от девушек. Рабыни, как вольные птицы, покидали этот райский сад, в то время как Акджан связали руки.

– Садись сюда, – Нериман-султан показала новоиспеченной обывательнице гарема на ее место – скомканные в три погибели ткани у подножия матери падишаха. В то время Нериман и Гюзель разместились на тахте, для Акджан предпочли кусок парчи. Делать нечего – Акджан присела.

– Откуда ты? – не успела девушка занять более удобное положение, как Нериман-султан задала вопрос. За ней и надменный взгляд Гюзель-султан переключился на Акджан.

– Из Стамбула, – тонкий голос пролепетал каждую букву столь четко.

– А кто твои родители? – деликатно, едва касаясь губами посуды, Нериман-султан сделала глоток шербе.

Акджан замялась: ей особо нечего было рассказать о своих предках – о матери здесь уже всем известно. Собственно, девушка из-за ситуации с матерью и пребывает сейчас во дворце. Отец Акджан погиб на фронте.

– У мамы свое хозяйство – она выпекает хлеб, – поделилась с матерью султана Акджан.

– А отец? – вовсе не смотря в сторону собеседницы, уточнила Нериман.

Акджан засуетилась: если скажет правду про отца, эти надменные женщины посчитают, что девушка практически сирота и ее некому защитить. Поэтому в очередной раз Акджан предпочла в меру приукрасить серую действительность:

– Сейчас он с нами не живет. Отец – очень занятой человек.

Для начала Нериман этого было достаточно.

– Неважно, по какой причине ты попала в этот дворец. Важно, что ты сейчас здесь, в резиденции Османской династии, – все также холодно и несмотря на Акджан, подчеркнула Нериман-султан, – ты мусульманка?

– Что? – не расслышала Акджан.

– Мусульманка, спрашиваю? – Валиде продублировала вопрос, взглянув с высоты тахты на лохмы девушки и ее наивные, точно ребячьи, глаза.

– Конечно, – закивала Акджан.

– Как только твою мать найдут, неважно, живую или мертвую, ты оставишь этот дворец, – объяснила Нериман-султан.

Гюзель-султан не могла и не хотела скрывать свою радость: она прихватила очередной кусочек пахлав, как только Нериман сказала это. И уж совсем было бы идеально, если Акджан увидит подобную реакцию. Так и оказалось. Акджан поняла, что эта красивая, утонченная, с ярким макияжем женщина точно не рада ей здесь.

– Ну а теперь несколько слов о том, с кем тебе предстоит иметь дело в этом дворце. Прежде всего, дворец управляется матерью султана – Валиде-султан, – принялась знакомить с династией Акджан Нериман-султан.

– Это вы? – догадливо улыбнулась Акджан.

– Да, это я, – считая опорные колонны дворца вдали, тихо произнесла Нериман.

– Гюзель-султан, – Валиде указала рукой на подле сидевшую женщину, – главная женщина нашего повелителя и мать его старшего сына – наследника-шехзаде Коркута.

Надменность Гюзель не знала границ: женщина всем своим существом – расправленными плечами, поджатыми губами с ехидной улыбкой, надменным взглядом – объяснила Акджан абсолютно безмолвно, что Акджан здесь никто. Шехзаде Коркут и тот, смотрел на девушку как на лишнего человека здесь.

– Бейхан-султан, – словно не желая ее и вовсе упоминать, Нериман-султан указала рукой на скромную русоволосую женщину, с приятными миловидными чертами лица, – вторая наложница султана. Мать Хасана...

Последние слова Нериман будто проглотила. Единственный человек, который встретил Акджан без неприязни в манерах – Бейхан-султан.

Когда Нериман-султан открыла первоначальные сведения о самых влиятельных женщинах гарема, женщина метнула взглядом на Муфиду-хатун. Заинтриговав всех присутствовавших, Нериман-султан приложила губы к уху пожилой хазнедар, вероятно, сообщив некую конфиденциальную информацию. Сигнал от матери султана Муфида-хатун передала Саре, приблизившись к прачке. Точно также – на ушко. Акджан засвидетельствовала столь странное поведение этих людей и запереживала. Как оказалось, не напрасно.

– Акджан! – раздался звонкий голос Сары в нескольких метрах от беседки – на том же месте, где Акджан по нелепой случайности выдала себя.

Акджан вопрошающими глазами обернулась на Нериман-султан.

«Иди» – сымитировала жестом руки Нериман.

На некоторое время Акджан избавилась от назойливой прачки Сары, и посему девушка крайне противилась тому, чтобы вновь возвращаться к ней, однако выбора в подобной ситуации ей никто не давал – его просто не было.

– Можете мне объяснить, куда мы идем? – уже чуть ли не в десятый раз повторяла Акджан, поспевая за Сарой. Иной раз у этой женщины рот не закрывался, независимо от сопутствующих внешних обстоятельств, а теперь же из нее и клещами невозможно ничего вытянуть.

Пышнотелая уборщица поднялась вместе с Акджан на этаж для фавориток. При этом девушке не давала покоя флейта, с которой Сара носилась, как со списанной торбой.

Произведя несколько звонких стуков в незнакомую для Акджан дверь, Сара взглянула на подопечную – пронзительно, словно одним взглядом отчитывала ее.

Двери открыла Алтынджак-калфа.

– Сара? Что такое? – установив на тумбе глиняный горшочек, калфа вопросительно уставилась на нежданных гостей.

– Ты дала этой девке вот это? – опустив излишние предисловия, Сара продемонстрировала Алтынджак флейту.

У Акджан перехватило дыхание.

Алтынджак приняла из рук прачки музыкальный инструмент – чего не ожидала увидеть, того не ожидала. Акджан уверена: если она не скажет прямо сейчас хоть что-то, последствия обернутся самым наихудшим образом.

– Господи-и, – вырвалось, точно крик безысходности, из Акджан.

– Да, я дала, – впечатлившись поведением спасительницы падишаха, твердо произнесла Алтынджак, весьма неоднозначно взглянув на девушку.

Сара не знала, как реагировать: в голове осталось просто море вопросов, и ни одного вразумительного ответа. Сначала она взглянула на калфу, потом на обогрившиеся щеки Акджан, затем – снова на Алтынджак. Калфа передала флейту в руки Акджан.

– Интересно, – выпучив и без того крупные глаза, Сара-хатун осела, но вовремя сообразила, с какой стороны подойти:

– А для чего ты ей дала флейту? Она теперь числится в списке наложниц дворцовой школы?

– Нет, – возразила Алтынджак, – она сама попросила. Сказала, что хочет попробовать научиться играть на досуге. Еще утром. Я не отказала.

– Хм, хм, хм, – замычала Сара – удовольствие унижить Акджан в воровстве потеряло основу и смысл, – и зачем ты тогда прятала ее себе чуть ли не в интимное место?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.